

Иван Оченков

СТРЕЛОК

Путь на Балканы

Путь в террор

Путь в Туркестан

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Иван Оченков

**Стрелок: Путь на Балканы.
Путь в террор. Путь в Туркестан**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Оченков И. В.

Стрелок: Путь на Балканы. Путь в террор. Путь в Туркестан /
И. В. Оченков — «Издательство АСТ», 2021 — (Коллекция.
Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-138543-9

Конец XIX века. На Балканах опять пахнет кровью и порохом. Россия не собирается терпеть насилие над братьями-славянами, и на границах могучей империи слышится железная поступь царских полков. А в одной из солдатских шеренг марширует наш современник, неведомо как оказавшийся в самой гуще событий. Он прекрасно знает, что ничем хорошим для его страны эта война не кончится и освобожденные «братья» с тех пор всегда будут воевать на стороне врагов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138543-9

© Оченков И. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Путь на Балканы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Иван Оченков
Стрелок: Путь на Балканы.
Путь в террор. Путь в Туркестан
(Первый, второй и третий
романы цикла «Стрелок»)

© Иван Оченков, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Путь на Балканы

В доме земского врача Модеста Давыдовича Батовского часто собирались гости. Семья его была гостеприимной и, что немаловажно, – передовой. То есть все ее члены придерживались прогрессивных взглядов и привечали у себя людей подобного склада. Такова была его жена Эрнестина Аркадьевна, красивая еще дама, лет... Впрочем, у дам ведь о возрасте не спрашивают, не так ли? Такова была и его дочь Софья, весьма изящная барышня восемнадцати лет от роду. Очевидно, таким же со временем станет и их младший сын – гимназист Маврик. Но пока тринадцатилетний мальчик озабочен не прогрессом, а куда более насущными в его возрасте заботами. У него каникулы, и он никак не может взять в толк, отчего ему надо забросить забавы с уличными приятелями и, переодевшись и причесавшись, сидеть с постным видом в гостиной, делая вид, что ему очень интересны умные разговоры о политике, прогрессе и тому подобных вещах. Впрочем, в последнее время частенько говорят о предстоящей войне, и вот такие бы разговоры он послушал, да только эти несносные взрослые, ведя подобные разговоры, неизменно выдворяют его из комнаты. Дескать, Мавруша еще очень мал. А он совсем не мал и горячо сочувствует славянам, томящимся под турецким игом, и потому готов хоть сию минуту выступить с оружием в руках и победить всех башибузуков разом! Но пока он сидит в гостиной, надеясь, что его не выставят раньше, чем несносная Сонька станет развлекать гостей. Она будет музицировать на фортепиано, а гости, которые вовсе никакие не гости, а потенциальные женихи, столпятся вокруг и, придав своим физиономиям выражение мечтательности, будут с придыханием говорить: «Ах, как это прекрасно, ах, какой шарман!»

Женихов было трое. Первого звали Никодим Петрович Иконников. Он был уже человеком зрелым, можно даже сказать, в возрасте. В прежние времена служил частным поверенным, имел обширную адвокатскую практику и не менее обширные связи. Теперь он занимался коммерцией, и весьма успешно. Поговаривали, что его компаньонами были очень многие богатые и влиятельные господа.

Голову его, правда, украшала изрядная лысина, а фигуру – брюшко. Первое он скрывал, зачесывая особым образом волосы, а второе – корсетом. При этом человек он был светский и весьма любезный в обхождении. Маврик, правда, его недолюбливал, за неприятный взгляд и насмешливость, но его мнения на этот счет, конечно, никто спрашивать не собирался. Второй был офицером. Говорят, в прежние годы девицы всем видам женихов предпочитали военных, но те времена давно прошли. К тому же Софья Модестовна была барышней рассудительной и прогрессивной, и пленить ее видом гусарского ментика было несколько затруднительно. К тому же Владимир Васильевич Гаупт, так его звали, был не гусаром, а простым пехотинцем. Тем не менее штабс-капитан был молод, высок, хорош собой и успел закончить Академию Генштаба. Теперь он выслуживал ценз командира роты в расквартированном неподалеку полку и ко всему приходился Батовским дальним родственником. Серебряный аксельбант на груди офицера намекал, что карьера его на подъеме, и потому женихом он был все-таки завидным. К тому же он был сторонником всяческого прогресса, хотя и в армии, а потому дорогим гостем у Модеста Давыдовича и Эрнестины Аркадьевны. Маврику Гаупт, пожалуй, нравился. Была в нем какая-то внутренняя сила, сразу заметная мальчишке. К тому же он был весьма прост в общении и частенько рассказывал разные занимательные истории о войне, до которых мальчик был большим охотником.

Третьего и женихом-то было назвать трудно. Алексей Лиховцев был студентом Московского университета и однокурсником кузена Батовских – Николаши. Принят в доме он был только благодаря своему приятелю и в качестве жениха родителями Сонечки не рассматривался совершенно. Помилуйте, прогресс прогрессом, а жить на что-то надо. С Мавриком они были почти друзьями, а Софи отвечала на его робкие ухаживания с изрядной холодностью, вво-

дившей бедного студента в черную меланхолию. Иногда, впрочем, она меняла гнев на милость и разговаривала с ним почти ласково. Алексей и Николаша были ее признанными пажами. Они сопровождали ее на прогулках, собирали ей полевые цветы, пели хором, когда она им аккомпанировала на фортепиано. Для кузена, знающего Софию с детства, это было чем-то вроде игры, а вот для Лиховцева постепенно становилось смыслом жизни. Нельзя сказать, чтобы Модесту Давыдовичу и особенно Эрнестине Аркадьевне это слишком уж нравилось, но приличия соблюдались неукоснительно, а Сонечка была, как я уже говорил, барышней весьма не глупой, и они не ожидали от нее решительно никаких безрассудств.

Ужин в тот день удался на славу. Вообще, Модест Давыдович, будучи доктором, предпочитал сам и рекомендовал всем своим пациентам самую простую пищу. Щи, кашу, отварную телятину и пироги с разнообразной начинкой. Но все дело в том, что кухарка Батовских – Акулина – умела готовить все это совершенно бесподобно. Правда, племянница кухарки Дуняша, служившая с недавних пор у них горничной, несколько раз проявила непростительную неловкость, но, слава богу, все обошлось. Гости воздали должное угощению и наперебой хвалили хозяйку. Та воспринимала это как должное и милостиво улыбалась в ответ. Глава семейства также чувствовал себя великолепно, и для полного счастья ему не хватало совсем чуть-чуть.

– Сонечка-душечка, – с улыбкой обратился он к дочери, – а не сыграешь ли ты нам что-нибудь?

– Прекрасная мысль, – поддержал его Иконников, – просим, просим!

Обычно Софи с удовольствием откликнулась на подобные предложения. Музыку она искренне любила и играла довольно хорошо. К тому же какой барышне не хочется блеснуть талантом в присутствии стольких кавалеров, но тем более неожиданным для присутствующих был ее ответ:

– Прости, папа, мне что-то не хочется.

– Что с тобой, – удивился Модест Давыдович, – ты нездорова?

– Нет, все хорошо.

Разумеется, этот лаконичный ответ не мог успокоить родителей.

– В чем дело, Софи? – встревожилась Эрнестина Аркадьевна. – Ты и ела совсем без аппетита. Неужели тебе не понравилось?

– Простите, господа, – поднялась с места девушка, – просто я не могу...

– Что-то случилось? – тихо спросил Алексей, с видом крайнего беспокойства, и даже легкомысленный Николаша вопросительно уставился на кузину.

– Да случилось, – не выдержала она. – Мы едим, пьем, развлекаемся, а совсем рядом творятся совершеннейшие дикости. Кровожадные османы терзают балканских славян, а нам нет до этого никакого дела. Башибузуки не щадят ни женщин, ни детей, а вы предлагаете мне музицировать.

Услышав это, гости застыли как громом пораженные. Софья Модестовна не повышала голос, не сбивалась в мелодекламацию, свойственную некоторым экзальтированным девицам. Напротив, она говорила тихо и спокойно, но от этого ее речь была только более убедительной. Первым из ступора вышел хозяин дома.

– Кажется, я теперь знаю, куда пропал номер «Нивы». Сонечка, милая, я ведь говорил тебе, что не следует читать газет перед обедом. От этого бывает...

– Можно подумать, что после обеда эти вести станут менее ужасными, – парировала дочь.

– Нет, разумеется, но восприниматься они будут куда менее остро.

– В конце концов, в чем ты нас обвиняешь? – кинулась в бой мадам Батовская. – Мы, право же, очень сочувствуем несчастьям Сербии и Болгарии. Мы даже третьего дня жертвовали в помощь пострадавшим от турок...

– О, да! Пять рублей!

– А я согласен с мадемуазель Софи, – неожиданно поддержал ее Иконников, – право же, дела творятся совершенно невероятные и, я бы даже сказал, дикие. А мы совершенно непростительно медлим. Кровь славянства взывает к отмщению!

– Ну не скажите, дорогой Никодим Петрович, насколько я могу судить, наше правительство наконец вышло из состояния апатии. Ультиматум османам составлен в самых решительных выражениях. Объявлена мобилизация, войска выдвигаются к границе, а кстати, что скажет наша доблестная армия?

– Армия готова выполнить свой долг, – просто и без малейшей аффектации ответил Гаупт. – К тому же могу сказать вам со всей откровенностью, решение о войне принято. Я не хотел говорить прежде времени, но наш полк скоро выступит, и, очевидно, это последний мой визит к вам.

– Не говорите так! – встревожилась Эрнестина Аркадьевна.

– По крайней мере, до войны, – с улыбкой поправился штабс-капитан.

– А вы знаете, мы с Алешкой тоже идем в армию, – неожиданно выпалил Николаша и сконфуженно улыбнулся.

– То есть как, вы же еще студенты?

– Уже нет, тетушка, мы теперь вольноопределяющиеся Болховского полка.

– Что ты такое говоришь, а твои родители знают?

– Нет, ма тант¹, я не решился рассказать им сам и потому хотел бы просить вас с дядей...

– Ура, наши идут на войну, – закричал совершенно ошеломленный всеми этими известиями Маврик, однако закончить не успел, потому что Дуняша, услышав о войне или еще почему, с грохотом уронила на пол поднос с посудой.

– Это еще что такое? – строго воскликнула Эрнестина Аркадьевна, но девушка не слышала ее и лишь во все глаза смотрела на сделавших это удивительное признание студентов.

– Как же это, Николай Людвигович, Алексей Петрович... на войне ж убить могут, – бормотала она, и глаза ее быстро наполнялись слезами.

– Полно тебе причитать, – нахмурился Модест Давыдович, – они еще, слава богу, живы. Но как это возможно?

– Свидетельствую, – громко заявил Гаупт, – молодые люди говорят чистую правду. Им стоило немалого труда уговорить меня скрывать эту новость. Тем более что для этого господам вольноопределяющимся пришлось переодеться в партикулярное платье, что я как офицер не могу одобрить никоим образом. Но, раз их инкогнито раскрыто, то в следующий раз вы увидите их в мундирах.

Пока он говорил, Соня подошла к кузену и его приятелю и срывающимся голосом бормотала:

– Простите меня, Николаша, и вы, Алексей, я дурно думала о вас и мне теперь ужасно стыдно. Вы ведь извините меня?

Пока все внимание было приковано к уходящим на войну молодым людям, Дуняша наконец вспомнила о своих обязанностях и с виноватым видом принялась собирать на поднос разбитую посуду. Собрав все черепки, девушка попыталась незаметно выскользнуть, но не тут-то было. Внимательно следившая за ней хозяйка тут же пошла следом и, догнав горничную в коридоре, буднично отхлестала ее по щекам, а затем вернулась к гостям и, любезно улыбаясь, предложила всем перейти в гостиную.

– Господа, ну, сколько можно говорить о войне, право же, наши мальчишки теперь не скоро окажутся в домашней обстановке, так давайте не будем их лишать этого удовольствия.

¹ Ma tante (фр.) – тетушка.

– И в самом деле, – прогудел Иконников, – давайте о чем-нибудь смешном. Кстати, Модест Давыдович, ты, помнится, говорил о некоем курьезе, приключившемся в вашем богоугодном заведении?

– Каком курьезе? – заинтересовался жизнерадостный Николаша. – Дядюшка, расскажи, а то ведь верно, в ближайшее время нам занятые истории только их благородие Николай Петрович рассказывать будет!

– Всенепременно, – осклабился штабс-капитан, – «словесность» называется. Уверю, господу-вольнопера, вам понравится.

– Да уж приключилась история, – засмеялся доктор, – впрочем, извольте. Третьего дня, ближе к вечеру, нам, некоторым образом, полицейские привезли человека.

– Что, прямо городовые?

– Они самые. По их словам, нашли его на Поганом болоте, в совершенно помрачённом состоянии рассудка. Ну и, разумеется, привезли к нам. В отделение для душевнобольных.

– И в чем же курьез?

– Да в протоколе, составленном этим олухом царя небесного, нашим исправником! Это же надо подумать, написал, что найденный на болотах человек утверждал, будто бы он из будущего! Каково?

– Презанятно! А из каких же времен к нам сей... посланец грядущего?

– Ну, по словам нашедших его, из двадцать первого века.

– По словам?

– То-то, что по словам. Уж не знаю, что нашим держимордам почудилось, только когда я этого человека осмотрел и выслушал, то ни о каком будущем он мне не рассказывал.

– А что рассказывал?

– Да ничего! Разум у человека помутился, так что он и не помнит ничего. Бывает такое с перепугу. Болота, извольте ли видеть, места, способствующие приступам паники.

– А о каком же будущем толковал господин исправник?

– Да какое там будущее, к нечистому, прости меня Господи! Видимо, когда его нашли, некие отрывки памяти в голове бедолаги еще крутились, вот он и сказал, откуда родом.

– Откуда родом?

– Ну конечно! За болотом-то как раз деревенька Будищево! Вот полицейским и почудилось невесть что. Фогель-то недавно в наши края переведен, вот и путается до сих пор в трех соснах.

– Действительно, анекдот. Не желаете ли сообщить о сем курьезе в «Медицинский альманах»?

– Чтобы меня коллеги засмеяли? Благодарю покорно! Или в полицейском департаменте чего доброго обидятся. Нет уж, увольте.

– Да, наши держиморды могут.

Пока гости посмеивались над глупой ошибкой недавно переведенного из столицы недалекого полицейского, случилось так, что Софья и Лиховцев остались совершенно одни в столовой и их отсутствия сразу не заметили. Молодые люди стояли друг против друга и не могли от смущения вымолвить ни слова. Первой молчание нарушила девушка:

– Отчего вы не хотели сказать, что уходите на войну?

– Э... ваш кузен не хотел тревожить раньше времени... – промямлил тот.

– Вы говорите неправду, – мягко прервала его Соня, – Николаша, он милый и славный, но что-либо скрывать совершенно не в его характере. Это ведь ваша идея, не так ли?

– Идти на войну?

– И идти на войну, и скрывать это от нас.

– Да.

– Так отчего?

– Мне не хотелось выглядеть перед вами хвастуном, Софья Модестовна. Вы знаете о моих чувствах к вам и отвергли их. Но мне не хотелось бы, чтобы у вас составилось мнение, что я сделал это лишь, чтобы произвести на вас впечатление. То есть я хотел бы, чтобы вы думали обо мне хоть немного лучше... но дело в том, что я это давно решил. Я искренне сочувствую поработанному славянству и хотел бы хоть что-то сделать для его освобождения. Наверное, это прозвучит выпендрено, но ради этих убеждений я готов подставить свою грудь под пули.

– Мне так стыдно перед вами.

– Но отчего?

– Оттого что я дурно думала о вас. Я полагала, что вы такой же, как все эти пустые люди, так часто окружающие меня. Они много говорят, горячо спорят, но ничего не делают. Вся их горячность уходит в пар. Вы понимаете меня?

– Кажется, да. Но я...

– Не такой, как они? Теперь я вижу это.

– Я люблю вас!

– Подождите. Я вовсе не такова, как вы обо мне думаете. Да я хороша собой и знаю это. Но все это лишь оболочка. Видите ли, я еще не только ничего не сделала в жизни полезного, но даже не разрушила вредного. В сущности, я избалованная чужим вниманием пустая девчонка. Молчите, прошу вас, не смейте мне возражать! Да, я плохая, но я надеюсь исправить это. Вы понимаете меня?

– Конечно!

– Понимаете? Даже мои родители не понимают меня. Они считают себя передовыми людьми, но при этом уверены, что главной целью в жизни женщины является замужество. А как же прогресс, как же нравственное совершенствование?!

– Я восхищаюсь вами!

– Ах, оставьте, я совершенно не заслуживаю восхищения, тем более вашего. Вы совершенно другое дело, вы смелый, честный и способный на поступок человек. Сознаюсь, я прежде заблуждалась на ваш счет и теперь не знаю чем загладить свою вину.

– Боже мой, о какой вине вы говорите? Вы чудесная, добрая, милая...

– Вы, правда, так думаете?

– Конечно!

– Я могу что-то сделать для вас?

– Дайте мне хоть маленькую надежду, хоть тень ее, и я, чтобы добиться вашего расположения, сверну горы.

– Расположения, о чем вы говорите?! Я, может быть, впервые в жизни встретила достойного человека...

– Так я могу надеяться!

– Послушайте, я, кажется, говорила уже, что терпеть не могу людей, много говорящих, но ничего при этом не делающих. Вы человек дела, и я хочу быть достойной вас. Твердо обещаю, что если вы пойдете на войну, то по возвращении я буду принадлежать вам. Никто и ничто, ни родители, ни молва не изменят моего решения!

– Вы необыкновенная!

Тут их изливания прервал ворвавшийся в столовую Маврик.

– Соня, ты где? А что это вы тут делаете?

– Ничего, – строго отвечала ему сестра, – просто господин Лиховцев уходит на войну, и я захотела выразить ему свое восхищение.

– А ведь и верно, – загорелись глаза мальчишки, – это очень мужественный поступок, и мы все гордимся вами и Николашей. А вы возьмете меня с собой?

– Боюсь, Мавр, тебе нужно прежде немного подрасти, – улыбнулся Алексей и похлопал своего юного приятеля по плечу.

– Ну вот, опять, – огорчился мальчик. – Право же, я вовсе не так мал, как вам кажется...

– Маврикий, – нетерпящим возражений тоном прервала его Софья, – не смей приставать к Алексею Петровичу! Разумеется, он никаким образом не может взять тебя с собой. Ведь он отправляется на войну, а там совсем не место для таких глупых мальчишек.

– Да уж поумнее тебя буду, – пробурчал в ответ брат, до ужаса не любивший, когда его называли Маврикием.

Однако Софья Модестовна, не слушая его, подала руку Лиховцеву, и они вместе отправились в гостиную. Эта деталь вкупе с сияющей физиономией студента не осталась незамеченной, но девушка, ведя себя как ни в чем небывало, подошла к фортепиано, устроилась поудобнее на стуле и, подняв крышку, опустила руки на клавиши. Длинные и изящные пальчики забегали по ним, и комната наполнилась чарующими звуками музыки.

Все со временем заканчивается, закончился и этот вечер. Гости стали прощаться, благодаря гостеприимных хозяев за чудесный прием. Те, разумеется, отвечали, что для них честь принимать столь достойных особ, и вообще, заходите еще, не забывайте нас. У господина Иконникова был свой экипаж, на котором он любезно согласился подвезти штабс-капитана. Гаупт, правда, вздумал было отказаться, но Никодим Петрович заявил, что отказа не примет и во что бы это ни стало желает оказать услугу защитнику отечества. Тому ничего не оставалось делать, как согласиться. Молодые люди, гостившие у Батовских, отправились к себе во флигель. А Эрнестина Аркадьевна пожелала поговорить с Софьей.

– Ты очаровательно музицировала сегодня, – мягко сказала она, положив руку на плечо дочери. – Наши гости были в совершенном восторге, особенно Гаупт.

– Я польщена, – улынулась матери девушка, прекрасно поняв, куда та клонит.

– Мне кажется, Владимир Васильевич питает к тебе определенные чувства.

– К сожалению, не взаимные.

– К сожалению?

– Конечно, мне ведь страсть как хочется быть представленной полковым дамам. Жить где-нибудь в захолустье и из развлечений иметь только редкие балы в офицерском собрании да визиты к сослуживцам, где они перемывают друг другу кости.

– Ха-ха-ха, – засмеялась мать, в красках представив себе эту картину, столь живо нарисованную дочерью. – Однако не слишком ли ты сурова к господину штабс-капитану? Ведь он окончил академию, и карьера его обеспечена...

– Ничуть, мама. Право, Владимир Васильевич человек многих достоинств, но я не люблю его и, кажется, никогда не смогу полюбить. А перспектива быть женой военного внушает в меня такой ужас, что я смотрю на него едва ли не с отвращением.

– Но ты так горячо выступаешь за помощь славянам...

– Ах, мама, разумеется, я всем сердцем сочувствую им, но, видишь ли, война рано или поздно закончится, а Гаупт так и останется военным.

– Что же, я не ошиблась в тебе, дорогая моя. А что ты скажешь по поводу Никодима Петровича?

– Маменька, вы с отцом всерьез полагаете меня старой девой, которую нужно как можно скорее выдать замуж?

– Нет, конечно, что за идеи!

– Ну, ты так рьяно стала обсуждать matrimониальные планы...

– Ох, девочка моя, конечно же, никто не считает тебя старой девой. Но и в том, чтобы подумать о замужестве, нет ничего дурного. Или ты решила присоединиться к этим безумным «эмансипе», отрицающим брак?

– Вот еще, – фыркнула Софья, – разумеется, нет! Но и торопиться в этом вопросе я не собираюсь. Или вы хотите выдать меня замуж, как в домостроевские времена, не спрашивая согласия?

– Как ты можешь обвинять нас в подобном! – оскорбилась Эрнестина Аркадьевна.

– Ах, мамочка, прости, – повинулась Софья и обхватила шею матери руками, – ну, прости, пожалуйста, просто ты ведь знаешь, как я не люблю подобные разговоры.

– Ох, что ты со мной делаешь! Ну, ладно-ладно, я нисколечко не сержусь. Просто ты уже не девочка, моя милая, и пора начинать об этом задумываться. Так что ты мне скажешь о господине Иконникове?

– Нет, это решительно невозможно! Ну, хорошо, раз ты так хочешь, то изволь. Давай говорить прямо, Никодим Петрович годится мне в отцы. Его масляные взгляды мне откровенно неприятны. Человек он, конечно, богатый и принят в обществе, но это такая же клетка, как у полковых дам. Разве что чуть более просторная и решетка ее изу крашена.

– А у тебя злой язык, Софи. Впрочем, боюсь, ты права. Но, видишь ли, дорогая моя, богатство и положение в обществе кажутся эфемерными величинами только в юности. А с возрастом начинаешь смотреть на вещи несколько иначе. Но, как бы то ни было, мы с отцом, разумеется, не будем тебя неволить. Просто помни, что мы желаем тебе добра и переживаем за тебя.

– Конечно, мама. Я очень благодарна вам за заботу.

– Ну, вот и славно. Кстати, а что ты думаешь о приятеле нашего Николаши?

– Об Алексее Петровиче?

– Да, о нем.

– А почему ты спрашиваешь?

– Ты была с ним довольно любезна сегодня вечером. Я бы даже сказала – непривычно любезна.

– Тебе показалось.

– Разве?

– Ну, может быть чуть-чуть. Все-таки они с Николаем уходят на войну.

– Право, я не ожидала от них такого решения.

– Я тоже, и возможно, поэтому так отнеслась к ним. В конце концов, Николаша мне как брат.

– Да, но любезничала ты не с Николашей...

– Полно, сказать пару добрых слов вовсе не значит любезничать. К тому же они ведь скоро уезжают, не так ли?

– Так-то оно так...

– Прости, мама, но я очень хочу спать.

– Конечно, моя дорогая, спокойной ночи!

А вот молодому человеку, о котором они говорили, было не до сна. Алексею хотелось обнять весь мир и закричать о своем счастье. Душа его пела, а тело никак не могло успокоиться. Несколько раз он прошелся взад и вперед по отведенной им с Николаем комнатке. Затем, не раздеваясь, упал на кровать и предался сладостным мечтам. Да и было от чего прийти в такое возбужденное состояние. Будучи бедным студентом, он зарабатывал на жизнь уроками², по этой же причине он редко принимал участие в студенческих пирушках и почти не имел знакомств среди барышень. Единственным приятелем его был Николай Штерн, и, когда тот пригласил его погостить у себя дома, Лиховцев с восторгом согласился. Знакомство же с кухней друга ударило молодого человека как обухом по голове. Софи была так красива, умна, образованна, но при этом совершенно недоступна. Ее нельзя было не любить, но что проку любить звезду в небе? Ведь она никогда не ответит тебе взаимностью! Впрочем, он все-таки попытался с ней объясниться и, как и ожидалось, был отвергнут. Именно от отчаяния он и

² Уроками – то есть репетиторством.

записался в армию, полагая достойную смерть в бою за правое дело, лучшим лекарством. И вот, совершенно неожиданно, эта прекрасная девушка ответила на его чувства и пообещала... подумать только, она пообещала стать его!

Скрипнула дверь, и на пороге появился Николай. Костюм его был несколько потрепан, а на лице блуждала довольная улыбка объевшегося сметаной кота. Однако счастливый влюбленный не обратил на это ни малейшего внимания. Радостно улыбнувшись приятелю, он спросил:

– Где ты был?

– Да так, дышал свежим воздухом, а что?

– Мне так многим надо с тобой поделиться...

– О, могу себе представить, – засмеялся Николаша, – Софи, верно, сказала тебе четыре слова вместо обычных трех.

– Как ты можешь так говорить!

– Могу, брат. Видишь ли, я, конечно, люблю Сонечку, мы с ней с детства дружны и все же... кажется, я оказал тебе дурную услугу, познакомив с ней.

– Отчего ты так говоришь?

– Как тебе сказать, дружище, еще когда я ходил в здешнюю гимназию, все хотели со мной дружить, с тем чтобы через меня познакомиться с кузиной.

– Что в этом такого? Она так красива и, верно, и нежном возрасте была прелестнейшим ребенком. Можно ли за это осуждать?

– Ах, Алешка, погубит тебя твоя доброта. Ты во всем ухитряешься видеть только хорошее. Слушай, как у тебя это получается?

– Не знаю, но все-таки отчего ты так говоришь?

– Господи, да Сонька – чума для нашего брата! Поверь мне, я знаю, ведь я сам был в нее влюблен. Ах, если бы от неразделенных чувств умирали, вокруг тетушкиного дома было бы презрительное кладбище. Ну, вдобавок к тому, что имеет дядюшка. Да не смотри ты так! Видишь ли, у всякого врача есть свое кладбище, причем у хорошего оно иной раз не меньшее, чем у дурного. Ведь к знающему доктору идет больше пациентов, не так ли?

– Откуда в тебе столько цинизма?

– Цинизма? Отнюдь, это, брат, чистый реализм.

– Так где ты был?

– Ну, я некоторым образом тоже был ранен стрелой амура. Правда, предмет моей страсти не столь идеален, как твой, но, по крайней мере, мое свидание увенчалось куда большим успехом.

– Ты влюблен?

– О боже, ну конечно! Я люблю весь мир, родителей, дядюшку, тетушку, прекрасную Софию и... даже тебя! Хочешь расцелую?

– Уволь, – уклонился от объятий Лиховцев, – так ты был на свидании со всем миром? Нельзя не заметить – ты быстро управился!

– О, мой влюбленный друг снова обрел возможность язвить. Алешка, ты явно небезнадежен! Нет, я был на свидании только с одной представительницей человечества, а что касается времени, то посмотри на часы. Уже за полночь!

– Да, а я и не заметил...

– Вот уж действительно, влюбленные часов не наблюдают! Ладно, давай спать, завтра дел много.

Девушка, имя которой Николаша так и не назвал, тем временем кралась по дому к своей каморке. Несколько раз она натыкалась в темноте на предметы мебели, но, слава богу, не производила особого шума. Наконец добравшись до жесткого топчана, она торопливо скинула передник, платье и чепец и, оставшись в одной рубашке, юркнула под холодное одеяло. В этот момент она все-таки задела стоящий на столе ковш, и тот с грохотом упал на пол.

- Что такое? – всполошилась проснувшаяся Акулина.
- Ничего, тетя, я нечаянно. Пить захотелось, а черпак-то и упал...
- Вот бестолковая девка, – ругнулась в сердцах тетка, – за что не возьмешься, все у тебя из рук валится. В прежние времена быть бы тебе, Дунька, драной!

Через несколько дней в уездной больнице, коей имел честь руководить Модест Давыдович, собрался весьма представительный консилиум. Можно сказать, что в актовом зале богоугодного заведения присутствовал весь городской бомонд.

Главной фигурой, несомненно, был уездный предводитель дворянства, отставной капитан-лейтенант флота князь Алексей Николаевич Ухтомский. Довольно представительный мужчина средних лет, густые бакенбарды которого только начала серебрить седина, помимо всего прочего, состоял председателем местной земской управы, почетным мировым судьей и был непременным участником всех мало-мальски значимых событий в жизни Рыбинска. Какой-то неведомый острослов даже как-то сказал, что без архиерея водосвятие пройти может, а вот без князя Ухтомского никак.

Власть судебную представлял еще один почетный мировой судья статский советник Владимир Сергеевич Михалков. Главным качеством сего достойного государственного мужа было то, что про него ничего нельзя было сказать предосудительного. Хорошего, правда, тоже никто не знал.

Закон Российской империи представлял уездный прокурор, коллежский асессор Алексей Васильевич Воеводский. Невысокий круглолицый толстячок, он был любителем хорошо поесть, поволочиться за дамами и искренне полагал себя местным Цицероном. Во всяком случае, выступая в суде, он со вкусом произносил пространные речи, начало которых нередко забывал к концу.

Было еще двое коллег Батовского – здешние врачи коллежский советник Юлий Иванович Смоленский и не имеющий чина Генрих Исаевич Гачковский, представлявшие многоотрадную российскую медицину.

Последним по списку, но не по значению, был полицейский исправник Карл Карлович Фогель. Несмотря на имя и фамилию, этот худой огненно-рыжий человек был, может быть, в глубине души, более русским, чем многие из присутствующих. Совершенно неприспособленный к бюрократической писанине, он до крайности любил живое полицейское дело и за всякое происшествие брался с таким жаром, что нередко, увлекшись, попадал впросак. Впрочем, его служебный формуляр также украшали раскрытия нескольких довольно громких по здешним местам дел. Начальство, с одной стороны, ценило своего сотрудника, умеющего находить нестандартные решения и давать, таким образом, результат, с другой – опасалось его неумейной энергии и потому предпочитало держать в провинциальном Рыбинске, не рискуя перевести даже в Ярославль, не говоря уж о Москве. В общем, коллежский асессор Фогель был человеком увлекающимся, но вместе с тем умным и дотошным, хотя многие небезосновательно считали его чудачком, если не сказать хуже.

Причиной такого нашествия важных чинов был, как ни странно, тот самый пациент, найденный полицейскими на болотах и попавший туда не то из туманного грядущего, не то из деревни Будищево. Нашел его, разумеется, Фогель, и он же обратил внимание на странное поведение, одежду и речи неизвестного. Собрались же они на предмет освидетельствования и признания одного здоровым или душевнобольным.

Пока важные господа располагались по приготовленным для них местам, Модест Давыдович кликнул больничного сторожа Луку и велел ему привести пациента.

– Слушаюсь, ваше благородие, – рявкнул тот, вытянувшись во фрунт, и не мешкая отправился выполнять распоряжение.

Лука был из отставных солдат. Проведя в армии почти двадцать лет, он вернулся в родные края и, не найдя никого из родных, поступил служить в больницу. К обязанностям своим относился ревностно, территорию держал в чистоте, а при необходимости играл роль санитаря.

Человек, за которым его послали, тем временем лежал на жестком топчане, прикрытом жидкой рогожкой, и о чем-то напряженно размышлял. На вид ему можно было дать лет около двадцати – двадцати двух. Выше среднего роста, худощавый и коротко стриженный, он был мало похож на других обитателей своей палаты, вместе с которыми он только что вернулся с прогулки. Вообще, душевнобольным прогулок не полагалось, однако Модест Петрович считал, что свежий воздух совершенно необходим для окисления крови и, следовательно, для нормального функционирования организма, и потому сумел настоять, чтобы больных выводили гулять, хотя бы и под неусыпным наблюдением Луки.

В голове пациента скорбной палаты неторопливо крутились прихотливые мысли. «Блин, вот засада-то! Какой только черт меня на болото занес? Самое главное, реально ведь не помню, как там оказался. Помню, чавкало под ногами, потом проваливаться стал. Сначала по колено, затем по пояс, потом чуть совсем не утонул...»

– Извините, – отвлек его от размышлений чей-то шепот. Покрутив головой, он наткнулся глазами на соседа. В отличие от других обитателей психушки, этот выглядел относительно вменяемым, разве что излишне пугливым. Впрочем, учитывая место, где они находились, ничего странного в этом не было.

– Извините, – снова прошептал сосед.

– Чего тебе?

– Ради бога, не оборачивайтесь! И говорите тише, нас могут слышать.

– Хорошо-хорошо, ты только не нервничай.

– Прошу прощения, мы совсем не знакомы, но...

– Дмитрий.

– Что?

– Дмитрием, говорю, меня зовут.

– Подождите, вы что, вспомнили свое имя?

– Ну да, вспомнил.

– А по батюшке?

– Отчество не вспомнил, – грубовато отрезал тот, видимо уже жалея, что начал этот разговор.

– Простите великодушно, – тут же раскаялся сосед, – я, кажется, совсем отвык от хороших манер в этом богоугодном заведении. Меня зовут Всеволодом Аристарховичем, и мне очень приятно с вами познакомиться.

– Взаимно, – процедил сквозь зубы Дмитрий и демонстративно отвернулся.

Однако его соседу, видимо, наскучило долгое молчание, или, может быть, у него случилось просветление, но так просто отделаться не получилось.

– Простите, – продолжал он так же шепотом, – вы так напряженно озирались во дворе на прогулке... Вас тоже хотят убить?

– Это вряд ли. – Хмыкнул в ответ новый знакомый. – Свести с ума почти наверняка, а вот грохнуть – нет.

– Грохнуть?

– Грохнуть, кокнуть, помножить на ноль, – с готовностью пояснил ему новый знакомый.

– Как это, – озадачился его собеседник, – при умножении на ноль будет ноль.

– Подумать только, ты еще и в математике шарить!

– Шарю?

Разговаривать с соседом стало не интересно. Понятно, что у человека мания преследования. Ему все время казалось, что за ним следят и, если обнаружат что-то, то непременно

убьют. Что такое это «что-то», он и сам не знал и потому боялся всего. В другой раз это было бы смешно, но сейчас было не до смеха.

– Кажется, я вас понял, – снова раздался шепот, – да, я разбираюсь в математике. Ведь я прежде учительствовал в гимназии.

– Офигеть!

– Что простите?

– Ну, в смысле, капец. Учитель в дурке. Хотя, если подумать, ничего удивительного, детки кого угодно доведут. Сам такой был.

– Вы учились в гимназии?

– Типа того.

– Нет, вы не правы, – сосед неожиданно сбросил с себя боязливость и заговорил обычным голосом. – Мои ученики были прекрасные ребята, и я с ними чудесно ладил. И я бы до сих пор преподавал им, если бы не эти... преследователи...

Сосед на минуту стал похож на нормального человека, с которым можно иметь дело, и Дмитрий решил. Во всяком случае, особого выбора все равно не было. Этот хоть говорит, остальные обитатели дурки вообще не ку-ку.

– Вообще-то я искал проволочку.

– Какую проволочку? – изумился бывший учитель.

– Да любую, хоть бы даже и алюминиевую. Лучше, конечно, стальную, но...

– Какую-какую, – изумлению бывшего учителя не было пределов, – вы всерьез рассчитывали найти здесь алюминиевую проволоку?³

– Подошла бы и железная, медная, в общем любая...

– Да откуда же ей здесь взяться? В конце концов, у нас тут больница, а не кузня. Да уж и там она вряд ли валялась бы на земле, металл-то денег стоит. Нет, вы решительно сумасшедший!

– Сам псих!

– Что, простите?

– Ничего, отстань.

– Вы обиделись? Ну, извините, но, право же, найти на земле вот так просто алюминиевую проволоку это совершенно дикая идея!

Глаза бывшего преподавателя в гимназии начали сверкать, согнутая доселе спина распрямилась, и он начал с жаром объяснять своему новому знакомому всю глубину его заблуждений.

– А в глаз? – прервал тот его монолог.

– Что, простите? – выпучил глаза Всеволод.

– Ничего, вали отсюда, – с досадой отвернулся от соседа Дмитрий, давая понять, что разговор окончен.

– Как валить?

– Отстань, придурок!

Тот на какое-то время замолк, очевидно, обидевшись, но затем любопытство все-таки взяло верх, и он опять шепотом спросил:

– А зачем вам проволока?

В этот момент с ужасным скрипом отворилась тяжелая дверь, и на пороге показался Лука. При виде его даже совершенно невменяемые душевнобольные как-то съежились, а бывший учитель просто сделал вид, что его здесь нет.

– Выходи! – велел он, глядя на Дмитрия.

– Куда это?

³ В те времена алюминий добывался только лабораторным путем и стоил ничуть не меньше золота.

– Не кудахтай, а делай, что велено! Их благородие дохтур тебя требуют.

Спорить с дворником не хотелось, да и было бессмысленно. За то время, что найденный на болоте провел в больнице, он успел понять, что Лука с больными не церемонится, без стеснения пуская в ход кулаки, а заступиться за них было некому. Поэтому он быстро поднялся и, запахнув на груди серый халат, вышел из палаты. Подождав, пока провожатый закроет дверь, Дмитрий снова бросил беглый взгляд на замки. Их было два: один, врезанный в массивную дубовую дверь, выглядел не очень надежным, а второй вешался в петли только на ночь. Было бы у него пару кусков проволоки, можно было бы попытаться открыть. Главное, чтобы психи шум не подняли, как этот Всеволод.

Вообще, в том, что угодил в местную палату номер шесть, Дмитрий был виноват сам. Когда его вытащили из болота, он был в такой эйфории, что совершенно перестал соображать. Увидев диковинную форму, начал расспрашивать, какое кино тут снимают. Затем, сообразив, что это не киношники, впал в истерику и, давясь от нервного смеха, стал кричать им, что этого не может быть, что они все давно умерли, и, как и следовало ожидать, его потащили к врачу. Уже оказавшись в больнице, он успокоился и начал понимать, что все это взаправду. Во-первых, везли его связанным в телеге, запряженной самой настоящей лошастью. Во-вторых, в больнице не было электричества. Перед входом тускло горел какой-то непонятный фонарь, как потом он узнал – газовый. А кабинет человека, которого он про себя окрестил главврачом, и вовсе освещался свечами. Все это было настолько дико, что все, что он смог – это отвечать на все вопросы: «Не помню». Кажется, доктор, которого все называли чудным именем Модест Давыдович, ему поверил. К тому же он явно был в контрах с полицией и совершенно не считал необходимым это скрывать. С новым пациентом он, впрочем, был почти вежлив. «Смотрите сюда. Дышите. Не дышите. А не помните ли, сколько в фунте золотников? А не знаете ли, сколько аршин в сажени?⁴» Разумеется, он отвечал, что ничего не помнит и не знает.

– Вот, ваши благородия, доставил! – гаркнул отставник, втолкнув своего подопечного в кабинет Батовского.

Тот запнулся и едва не упал, но, вовремя схваченный могучей рукой дворника, устоял и с досадой увидел перед собой того самого полицейского, которому кричал, что тот уже умер.

– Благодарю, Лука, – поблагодарил Модест Давыдович своего подчиненного, – можешь отпустить пациента, он нам ничего худого не сделает. Не правда ли? Впрочем, куда далеко не уходи.

– Конечно, господин дохтур, нешто я службу не знаю!

Взгляды членов комиссии скрестились на доставленном, как острия шпаг. Одни смотрели с любопытством, другие равнодушно, третьи подозрительно. Не было лишь сочувствующих. Тот тоже не без интереса оглядел присутствующих, потом повел взглядом вокруг и, сообразив, что стула для него не приготовили, еле заметно пожал плечами.

– Вы можете назвать свое имя? – начал опрашивать его Батовский.

– Дмитрий, – помедлив секунду, отвечал он.

– Вот как? – удивился врач. – Прежде вы его не говорили.

– Только сегодня вспомнил.

– Что же – недурно! А фамилия?

– Не помню.

– Да что на него смотреть! – раздался голос Михалкова. – Ведь ясно же, как божий день, что это рэволюционэр!

Последнее слово почтенный судья проговорил, как выплюнул, и тут же оглянулся на остальных членов комиссии, желая узнать их реакцию.

⁴ Фунт, золотник – старинные меры веса. Аршин, сажень – меры длины.

Ухтомский остался невозмутим, прокурор явно напрягся, а врачи нахмурились. Фогель же почтительно наклонил голову, выставив на всеобщее обозрение идеальный рыжий пробор, и твердо заявил:

– Полицейский департамент не имеет сведений о пропагандистах или иных государственных преступниках с такими приметам.

– И что с того? – бросился в атаку Воеводский. – То, что на этого субъекта нет до сих пор порочащих сведений, совершенно не означает, что он не является представителем, так сказать, организаций, некоторым образом имеющих отношение...

Присутствующие члены комиссии хорошо знали манеру прокурора произносить речи и потому были готовы стоически ее перенести, но вот человека, назвавшегося Дмитрием, надолго не хватило.

– Типа, если я на свободе, то это не моя заслуга, а ваша недоработка? – не выдержав, спросил он.

Срезанный на полуслове прокурор ошарашенно замолчал, Ухтомский наконец проявил интерес к происходящему, а врачи фыркнули в кулаки от смеха.

– Господа, – снова начал Фогель, – во время дознания возникла версия, что этот человек родом из деревни Будищево нашего уезда. Поскольку она деревня находится недалеко от места его поимки, определенная вероятность подобного есть.

– Помнится, была еще одна версия, – не без ехидства в голосе заметил Батовский, заслужив неприязненный взгляд полицейского.

– Эту версию мы рассмотрим позднее, – сухо ответил исправник и хлопнул в ладоши.

Услышав этот сигнал, из неприметной боковой двери в зал вошли два прелюбопытных субъекта. Один из них – тщедушный лысый мужичок с угодливым и вместе с тем хитрым выражением лица. Второй был священником, но каким! Если на былинного богатыря, каковыми рисуют их нынешние художники, надеть выдавший виды, грубо заштопанный в нескольких местах подрясник, а лицу, обрамленному абсолютно седой бородой, придать выражение крайнего упрямства, то как раз получится описание одного из приглашенных господином исправником.

– Что вы еще затеяли, дражайший Карл Карлович? – не без сарказма в голосе осведомился врач.

– Выполняю свой долг, – сухо ответил исправник, не забывший, как Батовский поднял его на смех.

– Весьма похвально, и в чем же вы его видите?

– В том, чтобы установить личность человека, найденного на болотах.

– Того самого, что прибыл к нам не то из будущего, не то из деревеньки Будищево?

– А вот это мы сейчас и выясним. Эти господа как раз будищевские. Тамошний староста Кузьма и приходской священник отец Питирим. Они всю жизнь там прожили и всех своих знают.

– Разумно! – наконец нарушил свое молчание князь Ухтомский, и все присутствующие тут же поддержали его. Дескать, в сложившейся ситуации и придумать ничего лучше нельзя.

– Посмотрите внимательно, господин неизвестный, не узнаете ли вы кого из этих господ? – спросил исправник, дождавшись тишины, и указал на своих спутников.

– Первый раз вижу, гражданин начальник, – буркнул ему в ответ Дмитрий и тут же прикусил язык. Никто из окружающих не обращался к другим «гражданин», походу, это словосочетание из других времен.

Полицейский, разумеется, сразу же заметил эту оговорку, но сделал вид, будто не обратил внимания, и повернулся к пришедшим на опознание.

– А вы что скажете, любезнейший? – спросил он у старосты.

– Не из наших он, ваше благородие, – отвечал ему Кузьма и поклонился, – нет, мы своих всех знаем.

– Значит, все-таки не будищевский?

– Нет, барин, не из наших.

– Да бунтовщик он! – снова подал голос Михалков. – По глазам вижу, что он, шельмец, противу существующей власти злоумышляет.

– А вы что скажете, отче? – продолжал допрос Фогель.

Священник вышел вперед и внимательно осмотрел найденного в болотах человека, будто оценивая.

– Ну и?

– На Прасковью он похож, – задумчиво пробасил поп.

– Какую еще Прасковью? – удивленно уставился на него староста.

– Как какую, ту самую, что ваш старый барин в дворовые к себе взял.

– Эва чего вспомнил, это когда было-то!

– В аккурат, как Крымская война началась.

– Это вы к чему, батюшка? – напрягся исправник. – Я вас об этом человеке спрашиваю, а не о какой-то там Прасковье!

– Погодите, ваше благородие, сейчас все по порядку обскажу. Старый барин в ту пору еще жив был и хоть и летами немолодешенек, а грех Адамов-то куда как любил.

– И что?

– Как что, Прасковья-то хоть и сирота была, а девка видная. Вот он на нее глаз-то и положил, а потому велел Кузькиному отцу, тогда еще он старостой был, отправить ее, значит, в барский дом для услужения.

– Отче, – нахмурился исправник, – вы для чего нам сейчас это все рассказываете?

– Ну, как же, у Прасковьи-то вскорости младенец родился, я сам его и крестил, в честь Дмитрия Солунского. По годам совсем как ваш найденный выходит, да и лицом схож.

Услышав про барина и о его возможном отцовстве, пациент невольно вздрогнул, что не укрылось от внимательно наблюдавших за ним членов комиссии.

– Вы что-то вспомнили?

– Нет, – неуверенно покачал он головой, – кроме имени – ничего.

– Ишь ты, – неожиданно воскликнул Кузьма, – а ведь он на барина старого смахивает!

– Почему на барина? – не понял поначалу полицейский, вызвав приступ смеха у Батовского.

– А вы, милостивый государь, полагали, что оный младенец от непорочного зачатия на свет произвелся?

Слова Модеста Давыдовича, а главное – недоуменный вид полицейского вызвали всеобщий смех, который, однако, тут же пресек священник.

– А вы бы, господин доктор, не богохульствовали! – резко осадил его отец Питирим.

– Не буду, не буду, – замахал руками Модест Давыдович, гася смех.

– Ну, положим так, – задумался исправник, бросив неприязненный взгляд на врача, – а где они потом обретались?

– Известно где, – пожал плечами староста, – так в господском доме и жили, а когда волю объявили, так старый барин поначалу не верил. Все кричал, дескать, не может того быть, чтобы благородное дворянство их прав лишили. Ну а как понял, что манифест не поддельный, так с горя и запил. Да так крепко, что господь его и прибрал.

– А Прасковья-то куда делась с ребенком?

– А кто их знает. В шестьдесят третьем-то крепость для дворовых людей кончилась, так они и ушли куда глаза глядят. Больше их в деревне никто и не видел.

– А не видели ли вы, любезные, на теле ребенка Прасковьи вот таких знаков? – спросил Батовский и велел Дмитрию снять больничный халат.

Тот нехотя повиновался и открыл взорам присутствующих свое тело. Впрочем, ничего особенно примечательного на нем не было, если не считать непонятную надпись под левым соском на груди, включающую буквы, скобки и римскую цифру три. Рисунок на левом плече был еще более чудным, однако человек, бывавший на Востоке, сразу бы узнал в них китайские иероглифы.

Члены комиссии с большим любопытством осмотрели татуировки, причем Михалков, чтобы лучше рассмотреть, даже привстал с кресла, а Воеводский вставил в глаз монокль.

– Что скажете?

– Да кто же его разберет, ваше благородие, – помялся староста, – такого раньше не видал, врать не стану, а только...

– Что, только?

– Да старый барин, он как бы не в себе иной раз был...

– Это как?

– Да чудил, прости Господи его душу грешную, – пробасил священник, – он в молодости на флоте служил, да в дальних странах побывал. У него на теле тоже всякие бесовские картины были наколоты. Мог и младенцу повелеть наколоть, тут как уж теперь узнаешь.

– Стало быть, опознаете этого человека?

– Так точно, ваше благородие, опознаем. Наш он, Митька, стало быть.

– А фамилия?

– Так мы это, в Будищеве-то все Будищевы!

– Откуда только у вашей деревеньки эдакое название заковыристое?

– Так это, тоже все через старого барина.

– Как это?

– Ну, батюшка же рассказывал, что он до баб охоч был. Так нашу деревню Блудищево и прозвали. Ну, а как перепись проходила, господа переписчики посмеялись, конечно, но сказали, что не годится таким названием ланд-карты портить и переделали на Будищево. Вот с тех пор и пошло.

– Ладно, так в протоколе и напишем, что в найденном на болоте неизвестном опознан Дмитрий Будищев, бывший дворовый господ... как вашего барина-то?

– Известно как, господин Блудов.

– Тогда понятно, бывший дворовый господ Блудовых. А может, не бывший?

– Да кто же его знает? Старый барин-то, как помер, наследники его так и не показывались. Управляющего только прислали, а сами ни ногой. То в Париже, то в Петербурге, то еще где.

– Это что же получается, господа? – неуверенно промямлил Михалков, щипнув себя за кончик роскошных усов. – Этот молодой человек – не бунтовщик?

– Пока не доказано обратное – нет! – решительно заявил Воеводский. – Поскольку главнейшим принципом российского судопроизводства является «*praesumptio innocentiae*»⁵, то никто не может быть обвинен без достаточных на то совершенно неопровержимых, так сказать...

– Господа, – прервал спич прокурора Ухтомский, – я полагаю, что опознание произведено с соблюдением всех необходимых формальностей.

Услышав спокойный и твердый голос предводителя уездного дворянства, прокурор замолчал, а все прочие взглянули на Алексея Николаевича не без благодарности.

– Однако необходимо также установить, является ли он душевнобольным? И если да, то какого именно рода?

⁵ *Praesumptio innocentiae* – презумпция невиновности (лат.).

– А они что, между собой различаются? – удивленно спросил судья.

– Именно так, многоуважаемый Владимир Сергеевич, – охотно пояснил Батовский. – Дело в том, что когда душевная болезнь врожденная, то таковые несчастные именуются безумными. А вот если недуг, если можно так выразиться, благоприобретенный, то – сумасшедшими!

– Скажете тоже, Модест Давыдович, – забулькал от смеха Михалков, – благоприобретенный! Экая умора...

– Такова уж медицинская терминология, – пожал плечами врач.

– Господа, давайте вернемся к делу, – постарался вернуть заседание в рабочее русло князь Ухтомский. – А то ведь обед скоро!

– Да-да, господа, – поспешно согласился с ним прокурор, – но тут уж нашим врачам и карты в руки, что скажете, господа-доктора?

– Я не вижу признаков безумия, господа, – неуверенным голосом начал Гачковский, – что же касается возможности его сумасшествия, то полагаю, необходимо более длительное наблюдение...

– А подушную подать за этого шельмеца в это время кто платить будет? – ехидно осведомился прокурор. – Не надо забывать об интересах казны!

– Ваша позиция понятна, – снова прервал словоизлияния Воеводского князь и повернулся, – а какое ваше мнение, Юлий Иванович?

– Я совершенно согласен с коллегами, – быстро сказал Смоленский.

– Да? – искренне удивился предводитель дворянства. – Но ведь они еще не все высказались. Впрочем, пусть будет так. Каков будет ваш вердикт, Модест Давыдович?

Батовский пожал плечами и, на секунду задумавшись, ответил:

– Для более точного диагноза, как совершенно верно заметил коллега Гачковский, необходимо еще несколько времени. Однако уже можно сказать, что недуг пациента если и существует, то не несет опасности окружающим. К тому же наша уездная больница все же не является психиатрической. Посему, если односельчане не против принять человека, опознанного как Дмитрий Будищев, то у меня нет возражений. Тем более что «казна», как совершенно справедливо заметил господин Воеводский, не бездонная, не говоря уж о средствах, отпускаемых на содержание богоугодных заведений, к числу коих относимся и мы, многогрешные.

– Неужели ваш бюджет столь мал? – изогнул бровь Ухтомский, тут его взгляд встретился с глазами забытого всеми священника, продолжавшего стоять в сторонке и внимательно слушавшего все, что говорят присутствующие.

Отец Питирим весьма выразительно взглянул на князя и едва заметно кивнул головой. Тот на мгновение смешался, но тут же взял себя в руки и продолжил:

– Что же, если все действительно обстоит подобным образом, то у меня нет возражений. В конце концов, мало ли по нашим деревням дурачков бегают? Одним больше – одним меньше! К тому же, вероятно, обед уже стынет?

Присутствующие в ответ дружно засмеялись и ничуть не менее дружно заторопились к выходу. Признанного здоровым пациента увел Лука, а Батовский, исполняя роль гостеприимного хозяина, встал у выхода:

– Прошу, господа, прошу! Чем богаты, тем и рады, отведайте, что бог послал.

Когда идущий последним Фогель поравнялся с ним, Модест Давыдович не удержался и спросил его:

– Что, дражайший Карл Карлович, не подтвердилась версия о посланце грядущего?

Рыжий полицейский неожиданно улыбнулся в ответ и пожал плечами.

– Да уж, говоря по совести, такого афронта я не ожидал!

– Но неужели вы и впрямь полагали, что эта басня о путешествии во времени может быть правдой?

– Нет, конечно! Я как раз был уверен, что этот человек из пропагандистов, коих много развелось в последнее время. Просто в картотеке его нет, задержать особо не за что, а вот в вашем бедламе подержать, пока все не выяснится, показалось мне весьма привлекательной идеей.

– Погодите, вы что же, хотели использовать мою больницу как узилище? – возмутился Батовский.

Но довольный Фогель уже ушел, насвистывая, оставив доктора возмущаться коварству полиции в одиночестве.

Быстро покончив с формальностями, исправник велел старосте и священнику отправляться восвояси, прихватив с собой неожиданно-негаданно обретенного односельчанина. Тот тем временем сдавал больничный халат и кальсоны с тапками и получал назад свои вещи. Последних было немного, и выглядели они, мягко говоря, непрезентабельно. Странные узкие штаны, более всего похожие на кальсоны, но из грубой ткани и с нашитыми на задку карманами, и узкая пятнистая рубаха с короткими рукавами. Постирать их после болота, конечно же, никто не удосужился, слава богу, хоть просушили. Обувь, верхней одежды или шапки на нем не было, очевидно утонули в трясине. Быстро переодевшись, Дмитрий вопросительно посмотрел на свои босые ноги.

– Поторапливайся, – буркнул ему дворник.

– Это все?

– Все, в чем был, – отрезал седой здоровяк.

– Послушай, как тебя, Лука, – нерешительно спросил Дмитрий, – босиком-то холодно, можно хоть тапки оставить?

– Ишь чего захотел! Не положено!

– Слушай, старый, на то, что положено, давно наложено. Ну, чего тебе стоит, сделай по-братски?

– Иди отсюда!

Сказано это было таким безапелляционным голосом, что просить или спорить расхотелось. Поэтому Дмитрий, морщась, когда под босые ступни попадали камешки, пошлепал к выходу, к ожидавшим его старосте и попу. К воротам тем временем подъехала запряженная парой коней пролетка с какими-то важными господами, и сопровождавший его дворник тут же засуетился, позабыв про подопечного. Открыв калитку, он вытянулся во фронт и, приложив два пальца к козырьку, отдал честь. Два молодых человека в военной форме тут же выпрыгнули из экипажа и, подав руки, помогли выйти ехавшей с ними барышне. Та, грациозно ступив на грешную землю, улыбкой поблагодарила своих спутников и вдруг увидела странного человека, беззастенчиво глазающего на нее. Вид его был так нелеп и вместе с тем забавен, что девушка не удержалась и звонко рассмеялась, прикрывая рот ладошкой, одетой в лайковую перчатку. Ее спутники поначалу удостоили оборванца совсем недобрым взглядом, но затем, рассмотрев хорошенько, тоже принялись смеяться. Дмитрий же продолжал стоять как громом пораженный, не в силах оторвать глаз от прекрасной незнакомки. Наконец, Лука заметил непорядок и сильно пихнул бывшего пациента, отчего тот отлетел кубарем.

– Пшел прочь, дурень! – гаркнул дворник и снова вытянулся перед приехавшими. – Прошу, господа!

Молодые люди, продолжая улыбаться, прошли внутрь, не удостоив больше взглядом забавного оборванца. Но вот ему выходка дворника не показалась забавной, и он подошел к закрытой уже калитке.

– Ты нафига это сделал, старый хрыч? – с угрозой в голосе спросил он.

– Иди отселева, убогий, – отмахнулся Лука, – а то вдругорядь не так еще получишь!

– Ладно, встретимся еще на узкой дорожке, – пробормотал тот.

– Эй, Митька, долго тебя ждать? – закричал староста, уставший ждать нового односельчанина, и тут же обернулся к священнику. – И чего ты, отец Питирим, вспомнил про эту Прасковью с ее ублюдком?

– Сам, поди, знаешь, – буркнул в ответ поп.

– Думаешь, выйдет?

– Как Бог даст.

– Ну-ну, – протянул Кузьма и велел подошедшему Дмитрию, – садись, паря, путь не близкий.

Тот, не переча, запрыгнул в телегу и едва не провалился в устилавшем ее дно мягком сене.

Расстроенный Модест Давыдович обедал совершенно без аппетита, чего нельзя было сказать о прочих присутствующих. Впрочем, долго это не продлилось, и вскоре радушный хозяин провожал членов высокой комиссии. Те, откушав, пришли в хорошее расположение духа и, отбывая, считали своим долгом сказать Батовскому несколько любезных слов, что, однако, не слишком улучшило его настроение.

– Вас что-то беспокоит, коллега? – осторожно спросил его более внимательный Гачковский, когда начальство разъехалось.

– Нет, благодарю вас. Ничего заслуживающего внимания, так – мелкие неприятности.

– А о какой еще версии говорил господин Фогель? – осведомился Владимирский.

– Да так, ерунда. Просто из-за созвучия названия деревни Будищево поначалу решили, будто этот самый Дмитрий кричал, что он из будущего!

– Любопытно, и что же вы?

– Как видите, к вящему моему сожалению, ничего подобного не выяснилось.

– Простите, но как вас понимать? – напрягся коллежский советник.

– Ну, посудите сами, Юлий Иванович, кем себя обычно воображают душевнобольные? Наполеонами, Цезарями, на худой конец, испанскими королями. Скучно! А тут, ни много ни мало, посланник грядущего! Впору диссертацию писать.

– Ах, вы в этом смысле, коллега. Да уж, тут с вами нельзя не согласиться, прелюбопытнейший мог быть случай.

– Кстати, а вы обратили внимание на его одежду? – осторожно спросил Гачковский.

– Пустое, – отмахнулся доктор, – одежда, конечно, престранная, однако местные дворяне своих дворовых как только ни одевали. Этот самый старый барин, господин Блудов, капитан-лейтенант в отставке, в прежние времена куда как больше чудил. Однажды дошел до того, что велел пошить для дворни древнеримские хитоны и тоги. Представление захотел устроить для соседей, понимаете ли, из Плутарха! Причем весьма короткие, особенно для девиц. А тут кальсоны с карманами, подумаешь!

– И чем все закончилось?

– Что именно?

– Ну, представление из Плутарха?

– А, так, покуда он эдак со своими дворовыми чудил, все тихо было. Когда же он удумал деревенских баб в такое же переодеть, тут у него усадьба-то ночью и загорелась.

Пока озадаченный врач раздумывал над превратностями судьбы старого помещика, в коридоре послышался шум, и через минуту в кабинет влетела очаровательная дочка земского доктора Софья со своими спутниками.

– Папочка, мы тебе не помешали? – прощебетала она своим мелодичным голосом. – Просто, как оказалось, Николаше и Алексею Петровичу уже пора в полк, а они не хотели уезжать не попрощавшись.

– Не смеем вам мешать, – откланялись Владимирский с Гачковским.

Софи изобразила в ответ книксен, Модест Давыдович кивнул, а господа вольноопределяющиеся откозыряли.

– Как хорошо, что вы зашли, дорогие мои, – растроганно заявил Батовский. – Вы, Николай, мне как сын, и я счастлив и горд, что вы с Алексеем отправляетесь воевать за правое дело! Я как врач, разумеется, не одобряю насилия вообще и войну в частности, но все же не могу не признать, что в данном случае она абсолютно оправданна и, более того, благородна! От всей души желаю вам вернуться домой живыми и здоровыми. Храни вас Бог, дети мои!

Договорив, он обнял и расцеловал сначала Николашу, затем Лиховцева и, прослезившись, полез в карман за платком. Молодые люди также были смущены и растроганы, особенно Алексей. Софья в течение всего дня была неизменно ласкова с ним и вообще вела себя так, будто они уже помолвлены. Все это наполняло его душу таким восторгом, что он и думать не мог ни о чем другом, кроме своего счастья. Что ему война и все османские башибузуки разом, если его любит такая девушка! Его состояние настолько бросалось в глаза, что Николай попытался отвлечь внимание от своего приятеля.

– Кстати, дядюшка, когда мы приехали, ваш Лука выпроваживал из больницы какого-то престранного субъекта. Верно, кто-то из ваших пациентов?

– Да, я тоже обратила внимание, – подхватила Софья, – очень странный молодой человек.

– А, так это тот самый «посланник грядущего», о коем мы давеча разговаривали с господином Иконниковым, – сообщил Батовский.

– Вы его уже выписали?

– Да. Его, изволите ли видеть, опознали, имя он вспомнил. Здоровье у него на зависть, так чего же его держать? Суммы, отпускаемые нашим ведомством на содержание больницы, совсем невелики, а частная благотворительность нынче направлена на дела балканские.

– И кто же сей несчастный?

– Некто Дмитрий Будищев, родом из одноименного села.

– У него странный наряд для крестьянина, – задумчиво заметила Софи.

– Да и для горожанина тоже, – засмеялся жизнерадостный Николаша.

– Он из бывших дворовых Блудовых, – пояснил Модест Давыдович, – хотя я сразу это заподозрил.

– А почему.

– Ну, посудите сами, телом довольно крепок, значит, не голодал. Руки не мозолисты, стало быть, тяжелым трудом не занимался. Речь довольно сильно отличается от простонародной, впрочем, от господской тоже. Ну и самое главное, не похож он на человека благородного. Сразу видно, из кухаркиных детей.

Прежде Дмитрию приходилось бывать в селе, но вот к увиденной им картине он оказался совершенно не готов. Будищево была небольшой деревенькой, состоявшей из двух десятков изб, построенных без всякого плана. Чуть на отшибе от нее стоял заброшенный господский дом и жавшаяся к нему, покосившаяся от времени церквушка, где служил отец Питирим. В самой деревне было только три дома, покрытых дранкой и с трубами от печей. Крыши остальных были соломенными и топились по-черному. Большинство местных обитателей ходили босиком и в такой одежде, что его собственная после стирки могла бы показаться вполне приличной. Однако самым большим потрясением для него было то, что он, оказывается, ничего не умеет. Просто совсем! Ни косить, ни пахать, ни плотничать, ни обращаться с лошадьми, вообще ничего. Поняв, что за «сокровище» прибило к их берегу, мир определил его пасти деревенское стадо. Обычно этим занимались дети, но куда еще прикажете девать совершенно безрукого великовозрастного балбеса? Вообще, если бы не отец Питирим, Митьку-дурачка, как его теперь называли, скорее всего, выгнали бы прочь, но священник пользовался в деревне почти непререкаемым авторитетом. «Почти», потому что главным в деревне был – мир. Пра-

вильнее даже – Мир. Мир – это все население деревни. Даже староста Кузьма был всего лишь первым среди равных. А Мир – это все. Мир решал, кому какой надел достанется. Мир решал, сможет ли жениться парень на полюбившейся ему девке. Мир решал, кому идти в рекруты на царскую службу, впрочем, года три назад царь Александр-Освободитель отменил рекрутчину, и одной заботой у мира стало меньше.

А пока Дмитрий пас вместе с местными мальчишками коров, следя, чтобы буренки не разбежались. Кормили его всей деревней по очереди, как это и принято было с пастухами. Семьи были большими, ели из одного горшка по очереди, каждый своей ложкой. Пищей обычно служила каша, в лучшем случае приправленная салом, а то и просто постная. Однажды он попытался зачерпнуть варево не в очередь, и глава семьи, довольно дряхлый на вид дед, больно шелкнул его своей ложкой по лбу. С этим нехитрым столовым прибором тоже была проблема. Обычно их каждый строгал себе сам, исключая разве что самых маленьких. Ножа у него не было, да и выстрогать ее самостоятельно вряд ли получилось бы. Выручил один из сыновей Кузьмы, пожалевший бестолкового городского и подаривший свою старую. Другой бедой было отсутствие обуви. Сами крестьяне ходили босиком или в лаптях. Единственным обладателем сапог в селе был отец Питирим, но и тот обувался, лишь отправляясь в город, да еще по большим праздникам, в прочие дни довольствуясь, как и все, лаптями. Дмитрий плести лапти не умел, а ходить разутым не привык. К тому же по утрам было еще довольно холодно. Но деваться было некуда, приходилось потихоньку привыкать к неудобству.

В обед к стаду приходили бабы и доили своих коров. Одна из них приносила краюху хлеба и отливала пастуху молока в кружку. Это и был его обед. От постоянного нахождения на свежем воздухе у него разыгрывался зверский аппетит, так что парень чувствовал себя постоянно голодным. В тот день его кормила Машка – довольно рослая для деревенских девица с лицом, густо усеянным конопушками, приходившаяся старосте племянницей. Вообще в деревне все были немного родственниками. Кто не брат – тот сват, кто не сват – тот кум. Быстро подоив свою буренку, она выделила долю Митьке и, устроившись рядом, беззастенчиво разглядывала, как он ест.

- Чего уставилась? – буркнул он, едва не подавившись.
 - Хочу и смотрю, – заявила в ответ девушка.
 - Хочешь и просто смотришь? – схохмил он в ответ, припомнив анекдот.
 - Может, и хочу, да не с тобой, – ничуть не смутилась от двусмысленности Машка.
 - А чего так, рылом не вышел? – поинтересовался Дмитрий не без досады в голосе.
 - Да лицом-то вроде и ничего, – задумчиво протянула деревенская красotka, – руки только вот не оттуда растут. Видать, и остальным ничего не умеешь.
 - А ты попробуй.
 - Было бы чего пробовать, – фыркнула девушка. Затем, отсмеявшись, спросила: – В городе-то чем занимался?
 - Охранником был, ну и так, по шабашкам.
 - Это чего такое?
 - Ну, как тебе объяснить, где проводку починить, где розетку поменять. Антенны еще устанавливал.
 - Хорошо зарабатывал?
 - На жизнь хватало.
 - Не женат?
 - Да нет покуда.
 - Вот и я говорю – негодный.
- Кровь бросилась парню в лицо, и он, разозлившись, отвернулся.
- На себя посмотри, рябая как картошка!

– Ну и что, зато все при мне и не дура, не то что некоторые, – не осталась в долгу девушка и, подхватив кувшин с молоком, зашагала домой, качая бедрами. Затем обернулась и уничтожила: – Так вроде и не глупый, а дурак дураком!

Дмитрий не хотел смотреть ей вслед, но глаза против его воли то и дело возвращались к гибкой фигурке в сарафане. И потом еще долго перед глазами вставали волнующие извивы девичьего тела, а конопушки на лице казались даже милыми. Впрочем, история на этом не закончилась. Когда он, отогнав стадо в деревню и повечеряв в очередном доме, возвращался домой, то есть к сеновалу, в котором обычно ночевал, дорогу ему преградили трое парней.

– Слышь, убогий, – обратился к нему крайний – коренастый крепыш с густой шевелюрой пшеничного цвета, – ты, говорят, к нашим девкам подкатывать начал?

– И что? – вопросом на вопрос ответил пастух и сдвинулся в сторону, не давая обойти себя со спины.

– А ничего, – осклабился второй, худой как жердь, с длинным чубом непонятного цвета, – сейчас узнаешь, чего!

Третий – огненно-рыжий парень, сплошь покрытый веснушками, – помалкивал, упорно пытаясь зайти своему противнику в тыл. Дмитрий сразу понял, что дело пахнет не известным никому в деревне керосином, и решил действовать. Быстро шагнув к продолжавшему распалаять себя криком чубатому, он коротко без замаха двинул ему кулаком в солнечное сплетение, заставив переломиться от боли и неожиданности, перегородив этим дорогу крепышу. Рыжий, видя такой поворот событий, кинулся вперед, но тут же запнулся о подставленную ему ногу и сбил-таки с ног своего незадачливого товарища. Коренастый поначалу немного завис от неожиданности, но затем быстро обошел кучу-малу из своих приятелей и попытался достать Митьку-дурачка кулаком, но тот несколько раз ловко увернулся, а затем и вовсе учудил: встав, как журавль, на одну ногу, другой неожиданно сильно двинул своего врага в голову. Такой подлости тот и не ожидал и отлетел в сторону, сломав по пути плетень. Не прошло и минуты, как деревенские парни, вздумавшие проучить «городского», лежали на земле, а раскидавший их Дмитрий, насвистывая, пошел прочь.

С этого момента жизнь его начала стремительно меняться. Для начала мальчишки, с которыми он гонял стадо, безоговорочно признали его авторитет. До сей поры он был для них лишь почти бесполезным помощником и мишенью для шуток, но на следующее же утро они смотрели на него практически с благоговейным почтением. Припомнив, как он бедствовал без обуви, они притащили ему лапти с онучами. Где они их стащили, Дмитрий не спрашивал, но с удовольствием обул обнову. Онучи, как оказалось, наматываются точно так же, как и портянки, а этим «искусством» он владел. Некоторая заминка случилась с завязками, но с помощью мальчишек справился и с этим.

Затем к нему на пастбище заявила депутация деревенских парней. Поначалу он думал, что предстоит новая драка, и многозначительно взял в руки предусмотрительно выломанную для такой цели дубинку.

– Ты это, не балуй, – немного растерянно протянул давешний крепыш, – мы с миром пришли.

– С каким еще миром?

– Слышь, Митька, не серчай. Сегодня подрались, завтра помирились – дело житейское.

– Втроем на одного?

– Да ты что! – оскорбился парламентар. – У нас в деревне сроду такого паскудства не было. Всё один на один решилось бы...

– Ага, – с нескрываемым злорадством протянул один из парней, не принимавший участия во вчерашних событиях, – решилось бы, коли он вас метелить не начал!

Услышав это, все присутствующие дружно засмеялись. Крепыш, как видно, был до сих пор первым парнем на деревне, и его оплошке многие обрадовались.

- Ладно, – махнул рукой Дмитрий, отсмеявшись вместе со всеми, – чего хотели-то?
- Ты, это, будешь с нами против зареченских биться?
- Каких таких «зареченских»?
- Ну так за речкой две деревни – Климовка и Мякиши, они наш верх признавать не желают!
- А должны?
- А как же! Наше Будищево завсегда верх держало супротив прочих деревень.
- Что-то больно маленькое оно у вас.
- Тут видишь, в чем дело, – помрачнели переговорщики, – прежде-то наше село куда как больше было. Оттого и дом господский у нас, и церковь. Потому наш верх должен быть, а они это признавать не желают!
- И что же случилось, что вы так захирели?
- Чего-чего, дом господский загорелся.
- Это бывает, если пожарную безопасность не соблюдать, а вы тут при чём?
- При чём – ни при чём, а только из города исправник приехал со стражниками да половину мужиков и повязал. А дальше, кого по суду в Сибирь упекли, кого барин в иные деревни переселил...
- Понятно, а усадьбу-то барину за что подпалили?
- Не знаю, – насупился крепыш, – то давно было...
- Известно за что, – снова вмешался парень, поднявший прежнего главаря на смех, – больно много девок перепортил старый хрыч. Ладно бы своих дворовых пользовал, а то и на деревенских полез.
- Помогло?
- Чему помогло?
- Ну, перестал девок портить?
- Да какое там! Нет, поначалу остепенился чуток, а потом опять за старое. Так и паскудничал, пока волю не объявили.
- То дело прошлое, – вмешался крепыш, – лучше скажи, пойдешь с нами против зареченских?
- А что?
- Да ничего, просто уж больно ты ловко лягаешься! Прямо как у моего крестного жеребец... Ты не думай, там все по-честному, бьемся стенка на стенку, пока супротивники не побегут. Ежели до крови дошло, можно падать – лежачих не бьём.
- Ладно, там поглядим, – усмехнулся Дмитрий, – тебя как зовут-то?
- Ероха, – представился крепыш, – а это вот Семка, Пашка...
- Ритуал знакомства закончился крепкими рукопожатиями, и расстались молодые люди почти друзьями. Приятные сюрпризы на этом не закончились. Когда настало время обеда, одна из доивших коров женщин – довольно привлекательная еще молодуха, по имени Дарья – подошла к пастуху и помимо обычного молока, лукаво улыбнувшись, протянула порядочный узелок. В нём было завернуто несколько вареных картох и кусок крепко солёного сала. Жившему в последнее время впроголодь Дмитрию угощение показалось царским, и, наверное, поэтому он насторожился.
- Что-то больно щедро, – удивленно спросил он.
- Ты, ежели не голодный, так я унесу, – певучим голосом протянула женщина.
- Голодный-голодный, – поспешно заявил парень и взялся за еду.
- И впрямь оголодал, – усмехнулась Дарья, наблюдая за тем, как он запихивается. – Не торопись, еще подавишься, чего доброго.
- Слушай, тут вчера на меня одна так же смотрела, – не переставая жевать, пробурчал он, – а потом трое гавриков на разборки пришли.

– Сам виноват.

– Это чем же?

– А ты почто Машку рябой обозвал?

– А какая она еще? Вся в конопухах!

– Вот-вот, в конопушках, стало быть – конопатая, а не рябая. Рябые – это с оспинами!

Вот она и пожалилась на тебя брату.

– Ишь ты! А я и не знал.

– Да ты, я гляжу, многого не знаешь или не понимаешь.

– Это чего же?

– Ну как же, в церкви не бываешь, лба не крестишь, с людьми не здороваешься. Старикам не кланяешься.

– Еще чего, кланяться!

– Я же и говорю – странный.

– Ну уж какой есть.

– Потому за тебя никто и не вступится перед отцом Питиримом.

– Это перед попом, что ли?

– Ага, перед ним.

– Интересный он у вас какой-то. Явно что-то от меня хочет, а что – не говорит.

– А ты не знаешь?

– Нет, не знаю. Может, ты расскажешь?

– Может, и расскажу.

– Так говори...

– Некогда мне с тобой сейчас разговоры вести. Вот как повечеряешь, так приходи к крайнему гумну...

– А ты придешь?

– Может, и приду, коли время будет, – решительно поднялась молодая женщина и, не оборачиваясь, пошла прочь.

День после этого тянулся как густой кисель из чашки, но всё же подошел к концу. Отогнав стадо в деревню, пастухи разошлись по домам. Дмитрий, дождавшись темноты, пошел к назначенному месту и едва не заблудился. Только народившаяся луна давала мало света, и парень совсем уже было растерялся, когда чья-то рука затянула его в большой сарай.

– Вот ведь бестолковый, – досадливо зашептала ему на ухо Дарья, – ты бы еще звать начал!

Тот, впрочем, и не подумал оправдываться, а крепко обхватив руками женщину, попытался ее поцеловать.

– Не балуй, – вывернулась из объятий молодуха.

– А ты не за этим пришла?

– Может, и за этим, только все одно – не балуй! Быстрый какой...

– А чего время терять, – горячо прошептал ей парень и снова обнял. На сей раз Дарья не стала противиться его ласкам, и скоро они упали в прошлогоднее сено. Поначалу в темноте было слышно лишь шуршание и смешки, затем их сменили звуки поцелуев и, наконец, раздались полные сладострастия стоны и иступлённый шепот: «Шибче-шибче!» Снаружи, прижавшись к стене, стояла Машка и, закусив до крови губу, слушала эти звуки. Ее высокая грудь прерывисто вздымалась, а пальцы скребли по бревнам. Наконец девушке стало невмоготу и, простонав про себя: «Вот змеюка», опроретью бросилась бежать прочь.

Занятые друг другом любовники даже не заметили, что кто-то был рядом. Утолив первую страсть, они лежали рядом, обмениваясь время от времени короткими фразами, прикосновениями рук, касаниями губ.

– А ты, Митька, не совсем уж пропащий, – прошептала молодуха, прижимаясь к нему, – кое-чего умеешь...

– Дима.

– Что?

– Димой, говорю, зови меня. Бесит этот «Митька» уже.

– Ди-мо-чка, – протянула она, как бы пробуя имя на вкус, – сладенько звучит, прям как ты.

– Понравилось?

– Угу.

– Еще придешь?

– А ты что, уже прощаться надумал?

– Нет, конечно, просто...

– Не знаю, Дима. Скоро муж с города вернется, да и тебе недолго тут осталось...

– О чём это ты?

– А, так ты не знаешь же ничего. Питирим с Кузьмой тебя в рекруты сдадут.

– Это как так?

– Как-как, сдадут и вся недолга!

– Погоди-ка, а если я не хочу? Да и рекрутчину, я слышал, отменили...

– Вот-вот, теперь по жребью призывают.

– Я никакой жребий не тянул.

– А ты тут при чём? Его другой Митька вытянул, а его Питирим отпускать не хочет.

– Какой Митька и при чем тут Питирим?

– Ой, там дело совсем запутанное да давнее. Батюшка-то наш в прежние времена женат был, да только прибрал Господь и жену его, и детушек, только то давно было. Так он бобылем и жил, думал даже в монастырь уйти. Совсем было ушел, да случился мор. Тут тетка Лукерья и померла, а Митька – сын ее – сиротой остался. Вот он и взял его к себе, заместо своих. Приход ему он, конечно, не передаст, для того к духовному сословию принадлежать надобно, а Митька – сын крестьянский. Но грамоте он его обучил да обещал денег на первое обзаведение дать. И вот случился же такой грех, попал на него жребий! А он только женился...

– И что с того, я-то тут каким боком?

– Ой, Димочка, до чего же ты бестолковый! Ты Митька и он Митька, ты Будищев и он Будищев, у нас в деревне все такие, понял?

– Офигеть! Поп ваш совсем уж берега попутал. Хотя, подожди, видел я этого Митьку, мы же с ним совсем не похожи...

– А кому это интересно, схожи вы или нет? Как в бумагах написано, так и будет. Кабы ты местный был али ремесло какое дельное знал, может, за тебя бы мир и заступился. А так кому ты нужен? Разве мне, и то на пару ночей...

– Вот, блин!

– Ты чего удумал?

– Ничего, валить отсюда надо!

– Ну, так не прямо же сейчас? – озабоченно спросила Дарья и прильнула к нему всем телом.

– Часок погожу, – усмехнулся Дмитрий и, обхватив женщину руками, уложил её на себя. – Хоть час – да мой!

– Да и куда тебе бежать без пачпорта, – промурлыкала она, едва отдышавшись после приступа страсти. – Крестьянского труда ты не знаешь, ремесла тоже. Тебе одна дорога – в солдаты. Разве только барыньку какую найдешь или купчиху вдовую и будешь ее ублажать. Тогда прокормишься, а так...

– Да, дожил, в альфонсы меня еще не записывали!

– Куда?

– Да ладно, не бери в голову. Я, когда в больнице попа вашего со старостой слушал, так подумал, что они меня хотят в наследники вашего барина записать. Дескать, единственный сын его, и все такое...

– Ох, уморил, – засмеялась молодуха, – да где ты такое видел, чтобы ублюдков в благородные записывали? Коли так, так у нас в деревне да ещё в Климовке с Мякишами от таких дворян не протолкнуться! Да и есть у него дети, у Блудова-то...

– Ну да, упорол косяк, вижу.

– Что, не хочешь на службу?

– Да как тебе сказать, – задумался Дмитрий, – я там, у себя, короче, где жил раньше, года не прошло, как дембельнулся.

– Чудной ты и говоришь непонятно.

Армейская жизнь оказалась совершенно не похожа на то, что себе воображали молодые люди, прежде чем записались в армию. Множество ограничений, бесконечная муштра, неудобная форма и необходимость постоянно козырять всякому, кто по званию выше тебя, чрезвычайно осложняли жизнь двум приятелям – вольноопёрам. Впрочем, Алексею Лиховцеву и Николаю Штерну весьма помогало осознание правоты дела, за которое они выступили, записавшись в армию. К тому же Николаша, как скоро его стали называть все товарищи вольноопределяющиеся, обладал крайне легким характером и совершенно не убиваемым жизнелюбием, так что он и сам быстро вписался в полковую жизнь и умел поддержать друга. По своему положению, они вполне могли проживать на частных квартирах в городе, однако Лиховцев не мог позволить себе подобных трат, а Штерн не захотел оставлять его одного. Поэтому жизнь они вели казарменную и вскоре достаточно близко узнали изнанку «доблестной русской армии». Многие офицеры были людьми крайне ограниченными и не интересовались в жизни ничем, кроме карт, водки и гарнизонных сплетен. На необходимость командования солдатами они смотрели как на неизбежное зло, с которым приходится мириться. Делами службы господа офицеры себя почти не утруждали, а потому заправляли всем в казармах унтера. Причем иногда казалось, что главной заботой этих тиранов, словно вышедших из-под пера Салтыкова-Щедрина, было сделать бытие своих подчинённых совершенно невыносимым. Особенно страдали от их придинок новобранцы. Вчерашние крестьяне, непривыкшие к строгостям военной жизни, они постоянно попадали впросак и нарушали то одно, то другое требование устава, а то и просто неписаное правило, за что тут же получали взыскание. Причем всякое дисциплинарное наказание сопровождалось мордобоем, и наоборот.

К счастью, находившихся на привилегированном положении вольноперов это не касалось, но всякому человеку, имевшему хоть немного человеколюбия в душе, наблюдать эту картину было невыносимо. Справедливости ради, следует сказать, что в роте штабс-капитана Гаупта, где они имели честь служить, отношение к нижним чинам было не в пример более гуманным, нежели у других командиров. Владимир Васильевич, в отличие от прочих офицеров полка, весьма дотошно входил во все мелочи, касавшиеся своего подразделения. Сам он никогда не бил солдат и не поощрял этого со стороны унтеров. Излишне мягким, однако, он тоже не был, и за всякий проступок, замеченный им, немедля следовало положенное по уставу наказание. Возможно, поэтому его подчиненные выглядели не такими забитыми, как в других ротах.

Но вот старший офицер роты – поручик Николай Августович Венегер – был его полной противоположностью. Нижних чинов он откровенно презирал, а если нечасто бил лично, то не из соображений человеколюбия, а только лишь из брезгливости. Недавно переведенный из гвардии за какой-то проступок, он полагал себя несправедливо наказанным и потому едва ли не карбонарием. По-русски он разговаривал, безбожно грассируя на французский манер, и слыл большим знатоком бильярда, а также бретёром. Полковые дамы были от него в вос-

торге, главным образом оттого, что не знали, как он злословит на их счет, безудержно хвастаясь победами. С Гауптом его отношения явно не сложились, хотя до открытого конфликта пока не доходило. Третьим офицером в их роте был недавно выпущенный из юнкерского училища подпоручик Сергей Александрович Завадский. Молодой человек хрупкого телосложения и невысокого роста, он был чрезвычайно стеснителен, оттого скоро получил от сослуживцев прозвище «Барышня».

В тот день их полк должен был получить долгожданное пополнение, после чего сразу же выступить в поход. Обычно в карантин за новобранцами посылали кого-нибудь из батальонных или ротных командиров с унтерами, но на сей раз комиссию возглавил сам полковник Буссе. С собой он взял командира первого батальона подполковника Гарбуза, Гаупта и своего адъютанта поручика Линдфорса, большого приятеля Венегера. Владимир Васильевич, не понаслышке зная о «превосходных» качествах полковых писарей, попросил приятелей-вольноперов, отправиться с ним и взять на себя бюрократическую миссию. Вообще-то он мог, конечно, приказать. Но вольноопределяющиеся люди почти вольные, к тому же Николаша был кузеном очаровательной Софьи Модестовны, и штабс-капитан относился к молодым людям покровительственно.

На плацу посреди карантина неровными рядами стояли примерно полторы сотни призванных из запаса мужиков и тоскливо озирались на столпившееся вокруг начальство.

– И где только набрали эдакое убожество? – громко фыркнул Буссе. – Скоро выступать, а тут черт знает что пригнали!

– Совсем оскудела Русь-матушка, – согласился с ним командовавший карантинном майор Смирнов и пьяно качнулся. – Сами видите...

– Да уж вижу, – нахмурился полковник и отодвинулся, наморщив нос. – Негодные к строевой есть?

– Никак нет, все освидетельствованы нашим глубока... глубоку... тьфу, пропасть, глубокоуважаемым эскулапом. Признаны годными.

– Н-да, представляю, как в таком случае выглядят негодные! Впрочем, делать нечего. Господин штабс-капитан, извольте провести переключку, да и поведем эту орду в полк.

– Слушаюсь, – шелкнул каблуками Гаупт.

– Как прикажете распределить? – наклонился к уху полкового командира Берг.

– Как обычно, по жребью, хотя... – задумался на минуту полковник и крикнул вдогонку Гаупту: – Владимир Васильевич, раз уж вы взяли на себя всю бумажную волокиту, то так и быть, в свою роту можете отобрать кого угодно.

– Штабс-капитан Толубеев опять будет жаловаться, что ему достались одни убогие да слабосильные, – попробовал возразить Гарбуз.

– Что же поделаешь, – барственно улыбнулся Буссе, – у командиров двенадцатой роты планида такая⁶. Приступайте, господа!

По приказу Гаупта, Лиховцев сел перебеливать ведомость, а Николаша взял в руки список и стал выкликать одного за другим новобранцев. Штабс-капитан тем временем внимательно приглядывался к отвечающим, делая иногда пометки в своей книжечке.

– Будищев! – выкрикнул Штерн и отчего-то фыркнул.

– Я! – мрачно отозвался довольно высокий молодой парень в несурзной одежде. Лицо его заросло небольшой бородой, а под глазом отливал перламутром дивный синяк.

– Это еще что за чудо-юдо? – удивился Гаупт, привлеченный смешком Николаши.

⁶ По традиции в последней роте полка собирались самые неказистые и низкорослые солдаты. В описываемое время в полках было по три батальона, в каждом из которых четыре линейные и одна стрелковая рота.

– Будищев, – пояснил офицеру сопровождавший пополнение унтер, – чудной он какой-то, ваше благородие. Приволокли его с полицией, сказывали, будто убежать хотел. Но куда тут был, ни в чем худом не замечен. Я за им приглядывал.

– Выйти из строя! – коротко приказал Гаупт.

К удивлению штабс-капитана, новобранец не стал, как сделал бы всякий на его месте вчерашний крестьянин, вылезать, распахивая товарищей, а хлопнул впереди стоящего по плечу, отчего тот испуганно отпрыгнул в сторону. После чего, четким строевым шагом вышел вперед и, держа руки по швам, доложил:

– То... господин капитан, рядовой Будищев по вашему приказанию прибыл!

– Как рапортуешь, дурак, – зашипел на него унтер, – надобно говорить – «ваше благородие»!

– Ваше благородие, господин капитан! – тут же поправился тот.

– Правда ли, что хотел бежать от призыва?

– Никак нет!

– А синяк откуда?

– Упал!

– Что-то он великоват.

– А я три раза!

– Да ты шутник, – усмехнулся Гаупт. – Ладно, встать в строй!

– Есть!

Закончив с формальностями, штабс-капитан отправился доложить полковому командиру, что все в порядке, а закончившие свои труды вольноперы принялись с любопытством рассматривать своих будущих сослуживцев. Отправляясь на военную службу, где их все равно обмундируют, практичные крестьяне оделись в такую рвань, что выглядели совершеннейшими боссяками. Однако Будищев умудрился выделиться даже на их фоне. Впрочем, дело было не только в довольно странной одежде и отсутствии шапки на голове. Сама манера стоять, говорить, смотреть при этом в глаза начальству резко выделяла его среди прочих. Быстро вернувшийся Гаупт с неудовольствием увидел практически развалившийся строй и громко гаркнул:

– Становись! Равняйся! Смирно!

Как и следовало ожидать, вчерашние крестьяне выполнили эти команды так, что командовавший ими офицер поморщился, как от зубной боли. Тем не менее через какое-то время толпу удалось превратить в подобие строя и повести в расположение полка. Едва добравшись до места, полковник заявил, что у него какая-то надобность в городе, и, не покидая пролетку, велел кучеру из солдат трогать.

– Вы уж тут как-нибудь без меня, – махнул он Гарбузу.

Подполковник, откозыряв ему вслед, обернулся к Гаупту.

– Владимир Васильевич, вы себе архаровцев уже отобрали?

– Так точно!

– Ну и ведите их с богом.

– Слушаюсь!

Забрав приглянувшихся ему людей, в числе которых оказался и Будищев, штабс-капитан отвел их к казарме и передал фельдфебелю.

– Фищенко! Вот тебе список, поставишь людей на довольствие и определишь на занятия. Я проверю, особо обрати внимание, чтобы научились погоны различать и в чинах не путаться.

– Слушаю, ваше благородие, – вытянулся старый служака, – дозволейте исполнять?

– Выполняй.

Как только ротный вышел, новоприбывших тут же окружили унтера. Первым делом они распорядились, чтобы «молодые» вывернули свои котомки. Увы, за время, проведенное в

карантине, ничего особенно ценного в вещах пополнения не осталось, что, конечно, не добавило новичкам симпатий.

– Табак-то хоть есть?

Нашедшаяся у пары новобранцев махорка была немедленно конфискована «с целью недопущения беспорядков». В чем этот беспорядок заключался, никто разъяснять не стал, а спрашивать новички не решились.

– А у тебя разве табачка нет? – поинтересовался у Будищева ефрейтор Хитров.

– Некурящий, – коротко ответил тот.

– А иде твои пожитки?

– Дома оставил.

– Чего так?

– С целью недопущения беспорядка, – без тени улыбки отвечал тот ему.

– Ты что, паскуда, – опешил Хитров, – думаешь, самый умный?

– Никак нет.

– Да ты, как я погляжу, шибко грамотный, видать, городской! Ну, ничего, я из тебя грамотность-то повышибу!

– Так точно!

– Отстань от его покуда, – прервал уже почти кричавшего ефрейтора фельдфебель, – я его в твоё звено⁷ написал, так что успеешь еще.

За этой сценой со стороны наблюдали живущие в той же казарме вольноопределяющиеся. В первое время подобное вызывало у них протест, но затем почти привыкли. «Почти», потому что Лиховцев уже собирался вмешаться, но Штерн остановил его.

– Держу пари, он сам справится, – загадочно улыбнувшись, прошептал он ему.

– Кто он?

– Посланец грядущего, разумеется, ты разве его не узнал?

– Нет.

– Ну как же! А впрочем, что тут удивительного, когда мы его видели, ты глаз с Сонечки не сводил, а я успел хорошенько разглядеть. Это точно он!

– Постой, ты о том пациенте своего дядюшки?

– Bravo! Не прошло и недели, как ты сообразил. Право же, дружище, армейская служба плохо отражается на твоих умственных способностях. Может, сходим вечером в город, развеемся?

– Пожалуй.

Ефрейтор Хитров невзлюбил Будищева с первого взгляда. В другое время он просто избил бы ершистого новобранца, просто чтобы показать свою власть. Но вот ротный такое вряд ли спустит, а за происходящим внимательно следят его любимчики-вольноперы. Так и зыркают, заразы, того и гляди донесут. Но ничего, видали мы таких!

– Будищев, ступай за мной. Пособить надо.

– Есть, – нехотя отозвался тот, но перечить не посмел и послушно двинулся за командиром звена.

Выведя непонравившегося ему новичка из казармы, он отвел его в небольшой закуток между двумя строениями и внезапно заорал: «Смирна!», попытавшись тут же ударить. Однако проклятый Будищев, как будто заранее знавший, что его ожидает, был наготове и, перехватив руку ефрейтора, кинул его через себя. Не успел тот опомниться, как новобранец сидел на нем верхом, закрутив при этом одну руку и сжав второй горло.

– Ты что, под суд захотел? – прохрипел ошеломленный Хитров. – Пусти, больно!

⁷ Звено – часть отделения в то время.

– Слушай сюда, – прошептал ему на ухо Дмитрий, и от его шепота ефрейтору стало страшно. – Я тебе сейчас руку сломаю, причем так, что ни один коновал потом не сложит. И гортань раздавлю так, что говорить у тебя точно не получится.

– Что?! – вытаращил глаза Хитров и попытался вырваться, но державшие его руки обладали поистине железной хваткой.

– Тихо ты, – продолжил Будищев и заломил руку так, что противник застонал и сразу же прекратил сопротивление. – А ротному доложу, что ты – извращенец! Понял?

– Это чего такое?

– Ну как, блин... а типа ты захотел, чтобы я с тобой содомским грехом занялся, понял?

– Тебе никто не поверит! Мое слово против твоего...

– Какие еще слова, ты забыл, что я тебе горло сломаю?

– Все одно не поверят!

– Может быть, только все равно запомнят. И «слава» эта к тебе навсегда прилипнет. Даже духи⁸ будут пальцем тыкать – вон ефрейтор заднеприводный идет! Это, кстати, если ты просто не сдохнешь, потому как со сломанным горлом врачебной помощи можно и не дожидаться.

Ефрейтор вдруг сообразил, что именно ему сказал этот непонятный новобранец, и отчаянно задергался, пытаясь освободиться, но его противник так завернул ему руку, что в глазах потемнело от боли, а из горла вырвался крик, больше похожий на стон. Тело мгновенно покрылось испариной, а только что бугрившиеся под сукном мундира мышцы обмякли, давая понять, что он сломлен.

– Что ты хочешь? – почти жалобным голосом прошептал испуганный Хитров.

– Служить спокойно хочу, чтобы всякие уроды вроде тебя не беспредельничали.

– Пусти, богом клянусь, не буду больше!

– Вот и ладушки. Кстати, если ты с остальными дедами решишь меня отметелить, то запомни, я потом тебя все равно достану!

Договорив, Дмитрий отпустил своего противника и легко вскочил на ноги. Затем протянул руку и помог подняться.

– Вставайте, тащ ефрейтор, а то простудитесь, – постарался обойтись без издевки в голосе Будищев и похлопал по форме, как бы помогая отряхнуться. – Мундир на вас опять же красивый.

– Ой, – застонал Хитров, – чуть руку не сломал, проклятый!

– Это пройдет. Ты ведь меня тоже сюда позвал не для того, чтобы пивом угостить. Ну, так мы договорились?

– Договорились, – хмуро отвечал старослужащий, – только по службе все одно спуску не дам!

– А вот это по-нашему! Кстати о мундире, нас когда обмундировывать будут, а то я как-то забодался в этих обносках ходить?

– Завтра в швальню поведут.

В казарму они зашли вдвоем, чем вызвали немалое удивление среди солдат. Необычно бледный ефрейтор, ни слова не говоря, прошел к своему месту и, не раздеваясь, рухнул на нары. Будищев же как ни в чем ни бывало стал осматривать помещение, очевидно, пытаясь найти себе место.

– Иди сюда, – махнул ему заросший окладистой бородой солдат. – Вот тут определяйся...

Спальное место, скажем прямо, было неказистым – двухэтажные дощатые, ничем не прикрытые нары. Ни подушки, ни матраса, ни одеяла на них не наблюдалось, как, впрочем, и в карантине. У прочих обитателей казармы особых излишеств тоже не было, если не считать

⁸ Дух – одно из названий солдата-первогодка в российской и советской армиях.

такowymi тюфяки из рогожи, набитые сеном. Накрывались служивые вместо одеял шинелями, а под голову клали кто на что горазд.

– Да, это не Рио-де-Жанейро, – пробормотал Будищев, вызвав немалое удивление расслышавших его вольноперов.

– Это точно, – отозвался бородатый солдат, как будто понял, о чем тот толкует, – можешь меня дядька Никифоров называть.

– Дядька?

– Ага, для таких, как ты.

– В смысле прослужил много?

– Четвертый год уж пошел.

– Тогда получается – дедушка!

– Можешь и так, только я твоим дядькой⁹ буду.

– Дмитрий, – коротко представился новобранец.

– Митька, так Митька! Но запомни, в строю ты новобранец Будищев! А как присягу примешь, так будешь – рядовой! Понял?

– Понял-понял, – пробурчал тот в ответ.

– А командир роты у нас их благородие штабс-капитан Гаупт!

– Ну, да, капитан...

– Не капитан, дурья твоя башка, а штабс-капитан! У капитана погоны чистые, а у их благородия – четыре звездочки.

– Вот блин!

– А вот блинов ты еще долго не попробуешь, чай не у тещи в гостях.

– Я холостой.

– А мне без разницы. Слушай дальше...

– Погоди, Никифоров...

– Дядька Никифоров! Чего тебе?

– Хорошо, пусть будет дядька. Нас когда из карантина забирали, там какой-то большой чин был, с погонами вроде как у полковника, только с чистыми. Это кто?

– Вот дурень, право слово, так у полковника и должен быть чистый погон, а был это не иначе как их высокоблагородие полковник Буссе. Полковой наш командир.

– А почему ротный просто «благородие», а тот «высоко»?

– Известно почему, тот полковник, а Гаупт – только штабс-капитан!

– А если погоны такие же, а на них три звезды?

– Подполковник, тоже «высокоблагородие».

– Вот же пропасть, – чертыхнулся Будищев, – все ни как у людей!

– Ничто, запомнишь еще, – усмехнулся старослужащий, – а не запомнишь, так унтера поспособствуют.

Ночью Дмитрию приснился чудной сон. Будто бы его опять призвали в армию, но не в Болховский полк, а в родную часть, где он уже отслужил срочную, вот только «дедов» надо было называть «благородиями», офицеров – «превосходительствами», а утреннюю поверку проводил отчего-то полковой священник отец Григорий. Ночные видения были настолько яркими, что он, потеряв разницу между сном и реальностью, при команде «подъем» вскочил, быстро оделся и выбежал из казармы на утреннюю зарядку. Холодный ветер ударил ему в лицо, и изумленный новобранец сообразил, что стоит перед казармой один, а сослуживцы с интересом наблюдают за его действиями. Как оказалось, никаких спортивных упражнений в Российской Императорской армии по утрам не предусмотрено. Впрочем, Будищев уже привык, что к

⁹ Дядька – нечто вроде наставника для новобранца из старослужащих солдат.

нему относятся как к немного придурковатому, и потому решил поддержать свою репутацию. Поэтому он сделал вид, что все идет как надо, и невозмутимо принялся за разминку. Тут все и вовсе бросили свои дела и, столпившись кругом, смотрели на то, как он поочередно машет то руками, то ногами, затем стал приседать, наклоняться и еще бог знает что вытворять. Первым в себя пришел Северьян Галеев.

– Гимнастика! – авторитетно заявил многоопытный унтер и тут же обернулся к остальным: – А вы чего рты раззявили? За уборку, быстро! Эй, гимнаст, тебя тоже касается.

Уборка заключалась в том, что каждый солдат вымел из-под своих нар мусор на центральный проход, где его подобрали назначенные в наряд. Едва успели навести в роте минимальный порядок, последовала команда строиться.

Поскольку завтрака военнослужащим тоже не полагалось, после построения их развели на занятия, и до самого обеда они исправно маршировали, учились ружейным приемам и прочей солдатской премудрости. Была и гимнастика, но совершенно не такая, как в будущем. Вели эти занятия взводные унтера. Физическое развитие подчиненных их, очевидно, волновало не слишком, а вот возможность поиздеваться над подчиненными определенно привлекала. По крайней мере, именно так подумал Дмитрий, вдоволь находившись гусиным шагом. После гимнастики последовала опять уборка, причем главный фронт работ ожидаемо достался «молодым». После ее окончания фельд фебель Фищенко лично проверил качество, покрутил носом, но все же скомандовал идти на обед.

Состоял он из неожиданно наваристых щей и каши, а также отварной говядины, которой полагалось по половине фунта на человека. За каждым столом сидело шестеро солдат, один из которых был «бачковым». То есть должен был получить харч на свой стол. Как и следовало ожидать, им оказался самый молодой, то есть Будищев. Ели все вместе, по очереди зачерпывая из общего бачка деревянными ложками. Мясо и хлеб лежали на деревянных мисках, специально выстроганных на такой случай. Еще их употребляли при чистке оружия, но об этом они узнали позже.

– Чего морду кривишь? – усмехнулся Никифоров, глядя, как его подопечный прихлебывает квас. – Али, может, ты, как господа, кофий привык пить?

– Ага, какао с сахаром, – согласился Дмитрий, – и хлеб, чтобы с маслом!

– Ишь ты, поди, в прислуге служил, раз барскую пищу привык есть?

– Нет, – помотал головой новобранец, – то я так, шучу.

– Да, понятно, мыслимое ли дело, каждый день какаву с сахаром... а вообще, чем до службы занимался?

– Деревенские мы, – отвечал ему Будищев, подражая говору, слышанному им в селе, – коров пасли!

– Эва как, а я уж подумал, что ты из благородных. Уж больно руки белые.

– Не, в благородные мы рылом не вышли.

После обеда солдатам дали немного отдохнуть. Новобранцев, впрочем, отделили от остальных, отдав под начало унтера Галеева, не упустившего возможность еще немного погонять «молодых».

– Становись! Равняйся! Смирна! – заорал он на «молодых». – Шевелитесь, сукины дети, а то дух вышибу!

Погоняв своих подопечных по плацу, не забывая щедро осыпать при этом крепкой руганью, он остановил колонну и велел Дмитрию выйти из строя.

– Ты, болезный, часом не беглый?

– Никак нет!

– Уж больно хорошо шагаешь для новобранца, хоть правофланговым тебя ставь.

– Лучше сразу в генералы.

– Поговори мне еще, – расвирипел Галеев, – я тебе не Хитров, я из тебя враз всю дурь вышибу!

– Виноват!

– То-то что виноват, – пробурчал унтер. – Ладно, встать в строй! Потом решим, что с тобой делать, а сейчас нале-во!

Нестройная толпа, лишь по недоразумению именуемая строем, пошагала к полковым швальням, где портные споро сняли с них мерки и принялись «строить мундиры». Как оказалось, солдату Российской Императорской армии положены: зимний мундир из темно-зеленого сукна, две пары шаровар, гимнастическая белая рубаха, такие же панталоны, шинель, башлык и кепи. Еще в хозяйстве был ранец, сухарный мешок, ножны для штыка и куча всего. Из-за спешки мундиры и кепи шились с упрощениями, так что даже на не самый внимательный взгляд было сразу видно, где старослужащий, а где только что призванный солдат.

Часть обмундирования им выдали сразу, к примеру, гимнастические белые рубахи, благо их фасон был совершенно немудрящ. Пока прочие новобранцы пытались разобраться с только что полученной новой одеждой, Будищев быстро переоделся и, подпоясавшись, одернул форму, будто носил всю жизнь.

– Гляди-ка, на человека стал похож, – осклабился солдат-кладовщик. – Давай, раз управился, получай прочее!

– И много там? – поинтересовался Дмитрий.

– А вон список на стене висит, – усмехнулся кладовщик, – читай, коли грамотный!

– Ремень поясной юфтевый с медной бляхой – один; ранец телячьей кожи – один; сумки патронные – две... – бегло прочитал, просмотрев список, новобранец.

– Ты чего, из студентов? – насторожился кладовщик.

– Нет, а что?

– Читаешь больно быстро.

– А что, только студенты читать умеют?

– Ну, еще господа офицеры, но на разжалованного ты точно не похож.

– Эй, хорош лясы точить! – прикрикнул на разговорившихся солдат Галеев. – Получай свою хурду и отваливай, дай другому получить.

– Слушаю, господин унтер-офицер, – вытянулся кладовщик и тут же прикрикнул на Будищева: – Получай давай, не задерживай!

Быстро получив все от казны положенное, Дмитрий принялся запихивать новое имущество в ранец, пытаясь заодно сообразить, что к чему. Особенное недоумение вызвал небольшой медный котелок, абсолютно нежелающий куда-либо помещаться.

– Его не внутрь, его сбоку пристегивают, – хмуро пояснил внимательно наблюдавший за его стараниями Северьян.

– Ага, понял, это что же, жрать варить?

– Как бы не так, это нашему брату на погибель придумали, – сплюнул унтер. – Как смотр, так морока! Ежели железный, так следы, чтобы навощен да покрашен и ни приведи господь ржавчины. А коли медный, как у тебя, так чисти, чтобы блестел...

– Как у кота яйца?

– Вот-вот, соображаешь.

– А почему фляги нет?

– Для воды-то? А не положено, язви его в душу! Однако ты правильно понимаешь, в поле без воды – смерть. Если найдешь где бутылку или флягу жестяную, тогда, считай, повезло. Только ее сукном обшить надо и ляжку приделать.

– Понятно.

– Это хорошо, что ты понятливый, а вот скажи: пишешь ты так же бойко, как и читаешь?

– Давно не писал, – осторожно ответил Дмитрий.

– Понятное дело, для всякой работы свой навык нужен. Ладно, потом поглядим, чего ты стоишь.

Договорив, унтер отвернулся и тут же, без малейшего перерыва, обрушился с площадной бранью на очередного замешкавшегося новобранца. Впрочем, вскоре все получили положенное и так же строем отправились назад в казарму. Для хранения имущества солдат предназначалось довольно большое помещение, именуемое ротным цейхгаузом. Заведовал им капитанармус – старший унтер-офицер Василий Жуков. Довольно пожилой уже дядька с хитрым прищуром глаз и медалью «За усмирение польского мятежа», не тратя много слов, показал новобранцам, куда сложить вещи, и велел выметаться на построение.

Едва они успели встать в строй, прозвучала команда:

– На молитву, шапки долой!

Полковой священник, отец Григорий, проводил службу истово, не делая ни малейших отступлений от канона. Будучи небольшого роста, он тем не менее обладал совершенно невозможным басом. Не выбери он своей стезей духовное служение, ему, вероятно, был бы рад любой оперный театр. Трубный глас его далеко разносился вокруг, а впечатленные им солдаты торопливо крестились и кланялись. Дмитрию, непривыкшему ни к молитвам, ни к церкви, поначалу было трудно. Однако взяв себе за правило: «делай как все», он крестился и кланялся вместе с остальными и не слишком выделялся из общей массы. Но, как оказалось, далеко не все прониклись торжественностью момента. Один из новобранцев, здоровый деревенский парень – Федор Шматов, как видно, услышал разговор Будищева с унтером и очень им заинтересовался.

– Митька, – шепотом спросил он, – а отчего ты сказал, будто котелок должен блестеть как у кота яйца? Они же не блестят!

Губы Будищева тронула легкая улыбка, но он ухитрился сохранить невозмутимое выражение лица и так же шепотом ответил:

– Федя, ты видал, что кот делает, когда ему делать нечего?

– Ну, спит.

– Или лижет себе...

– Точно! Только они все равно не блестят.

– Так это потому что на них шкура...

– Эва как, – покрутил головой Шматов, и в его голосе прорезалось понимание, – а ежели ее ободрать...

Стоящие вокруг солдаты прекрасно слышали весь этот разговор и еле сдерживали смех. Это немедля привлекло к себе внимание отца Григория, и он, сделав страшные глаза, строго посмотрел на своих сразу же притихших прихожан в форме. Впрочем, служба скоро закончилась, и священник начал читать проповедь. Посвящена она была событиям на Балканах. Тут актерское дарование иеромонаха развернулось во всю ширь. Трагическим тоном он повествовал о страданиях болгар и сербов под агарянским игом. Как страдали они за веру, как издевались над ними турки, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей. Затем он возвысил голос:

– Не переполнилась ли чаша терпения Господа нашего? Доколе терпеть новомученикам христианским?

К большому удивлению Дмитрия, солдаты внимательно слушали своего пастыря, и каждое его слово находило в их сердцах живой отклик. Вообще, пообщавшись некоторое время с сослуживцами, Будищев был уверен, что большинство из них знать не знает, где эта Болгария и для чего им нужно идти куда-то воевать с турками. Единственным исключением были вольноопределяющиеся. Вчерашние студенты, добровольно вступившие в армию, они как раз очень ясно представляли себе цели предстоящей войны и по возможности пытались донести ее до прочих солдат. Однако, несмотря на все их усилия, это им плохо удавалось. Трудно сказать, что было тому виной, возможно, традиционное недоверие вчерашних крестьян к барам, а вольнооперы с точки зрения солдат были барчуками. А может, им просто не удавалось найти

общий язык, поскольку речь людей образованных уж слишком отличалась от речи простонародья. Но вот священнику, как это ни странно, удалось пробиться к сердцу простых солдат, и они внимательно его слушали и выражали полное понимание. Надо сказать, сам Дмитрий весьма мало сочувствовал целям предстоящей войны. Во-первых, он прекрасно помнил, на чьей стороне будут воевать болгары в следующих войнах. Во-вторых, ему совсем не хотелось идти воевать. На войне он уже был, хоть и недолго. Ему повезло, его миновали вражеские пули, он не подорвался на растяжке, а единственный большой бой запомнился только грохотом выстрелов, свистом пуль и взрывами сыпавшихся на них мин. По нему стреляли, он стрелял в ответ, но не был уверен, попал ли хоть раз. Потом подоспели вертушки и ударили по духам, но те испарились так, будто их и вовсе тут не было. И все бы ничего, но его лучший друг Витька лежал, раскинув руки, на земле, а его глаза бессмысленно таращились в небо. И надо бы подойти и закрыть ему глаза, но сил на это не было ни физических, ни моральных. Это была не единственная потеря их взвода, но именно Виктор был его товарищем.

После молитвы был непродолжительный отдых, а затем снова начались занятия. На сей раз в класс, где они занимались, принесли винтовку. Ведущий занятие Галеев взял ее в руки и спросил у продолжавшего сидеть с задумчивым видом Шматова:

– Эй, новобранец, как тебя, хорош мух ноздрями ловить! Вот скажи, это что, по-твоему?

– Ружо, дяденька?

– Эх, ты, серость! Ну-ка, ты теперь, Анисимов!

Анисимов – невзрачного вида солдат с невыразительным лицом – тут же вскочил и отбарабанил:

– Это есть шестилинейная переделочная винтовка системы Крынка!¹⁰

– Вот, это правильно! Повтори теперь ты, Шматов.

– Ружо, дяденька.

– Ты о чем думаешь, паразит? – изумился унтер.

– О том, как у кота яйца ободрать, – бесхитростно отвечал новобранец, вызвав просто дикий хохот у своих товарищей.

– У кота, врать не буду, не знаю, – нахмурился Галеев, – а вот у тебя, дурака, должно сегодня обдеру. Это кто же тебя, сукина сына, надоумил, интересно?

Сидевший в первом ряду ефрейтор Хитров обернулся и глазами стрельнул в сторону Дмитрия, что не укрылось от зоркого унтерского взгляда.

– Будищев!

– Я.

– Что это?

– Шестилинейная переделочная винтовка системы Крынка, – уверенно отвечал тот.

– Запомнил или видал прежде? – поинтересовался унтер-офицер.

– Запомнил.

– Ну-ка возьми в руки.

Дмитрий с интересом взялся за оружие и подбросил его в руках. Винтовка оказалась довольно тяжелой, но при этом неожиданно прикладистой и удобной. Калибр ее был большим, миллиметров пятнадцать или около того. Затвор откидывался в сторону, открывая казенник.

– Ничего себе, карамультик! – вырвалось у новобранца. В этот момент в класс вошел поручик Венегер. Сегодня была его очередь наблюдать за учебой, однако их благородие до сих пор не проявлял интереса к сему действию, всецело доверяя педагогическим способностям унтеров. Но взрыв хохота после ответа Шматова привлек его внимание.

– Встать, смирно! – скомандовал Галеев, заметив офицера.

¹⁰ *Крынка* – так называли солдаты переделочное шестилинейное ружье системы чешского изобретателя Сильвестра Крынка.

Солдаты и новобранцы дружно вскочили и, замерев, принялись есть глазами начальство. Старший офицер роты, очевидно, был в дурном настроении и искал, на ком бы его сорвать.

– Что за идиотский смех? – раздраженным тоном спросил он унтера.

– Не могу знать! – гаркнул тот в ответ.

Впрочем, Венегеру ответ и не требовался. Постепенно распалая себя, он принялся кричать:

– Кому это служба цагю и отечеству кажется смешной? Кто это гешил, что он в цигке? Какая сволочь вздумала устроить из готы балаган? Может, это тебе смешно? – накинулся он на продолжавшего стоять с винтовкой Будищева.

– Никак нет!

– Скажешь, не ты смеялся, каналья?

– Никак нет!

– Может, скажешь, что ты и смеяться не умеешь, скотина?

– Кто в армии служил, тот в цирке не смеется! – громко выкрикнул Дмитрий и, спохватившись, добавил: – Ваше благородие.

– Что? – выпучил глаза поручик. – Впгочем, ответ недугён. За бойкость хвалю. Галеев, поставишь этого бойкого под гужье на тги часа и немедля! Смотги, пговегю!!

– Слушаю!

Когда офицер вышел, Галеев заметно выдохнул, а потом, приказав вести занятия Хитрову, велел Будищеву идти за ним.

– Смотри, паря, – хмуро сказал унтер, когда они до шли до плаца, – язык у тебя острый, а мысли где сказать, а где и промолчать надобно, как я погляжу, и вовсе нет. Потому говорю прямо: с офицерами не умничай, целее морда будет! Что у поручика на уме, я не знаю, но может, его нелегкая и сюда принесет. Так что стой смирно, а отвечай либо «так точно», либо «не могу знать». Может, и пронесет. И помни, то, что ты Хитрову ребра пересчитал и тебе это покуда с рук сошло, еще ничего не значит. Офицер не ефрейтор, он глазом моргнет, как небо с овчинку покажется!

Вольноопределяющиеся сегодня целый день наблюдали за странным новобранцем и иногда покатывались со смеху, как давеча на молитве. Его ловкий ответ Венегеру и вовсе привел приятелей в бурный восторг, однако назначенное поручиком наказание заставило их забеспокоиться. Дело в том, что старший офицер роты редко рукоприкладствовал при свидетелях, однако вполне мог избить стоящего под ружьем солдата один на один. Во всяком случае, однажды такое случилось.

– Кажется, нашему посланцу грядущего может прийтись несладко, – шепнул товарищу на ухо Николаша.

– Какая дикость, – скрипнул зубами Алексей, всегда близко к сердцу воспринимавший подобные инциденты.

– Подожди, кажется, у меня есть идея, – отозвался приятель и поднял вверх руку. – Господин ефрейтор, разрешите выйти?

Хитров подозрительно посмотрел на вольноопера, однако связываться с барчуком, имевшим почти приятельские отношения с командиром роты, не стал.

– Дозволяю, – сухо бросил ефрейтор и продолжил занятия.

Штерн же, выйдя из класса, бросился на поиски поручика и вскоре нашел его идущим к плацу.

– В чем дело, гядовой? – строго вскинулся тот, но, узнав Николашу, тут же сбавил тон: – Ах это вы, у вас какое-нибудь дело?

– Так точно, ваше благородие, – четко отрапортовал вольнопер и, подойдя поближе к офицеру, принялся ему что-то толковать.

– Вот как? – удивленно выслушал его Венегер. – Пгямо тайны мадгидского двога!

Штерн в ответ только развел руки, дескать, что есть – то есть. Поручик же еще на минуту задумался, а потом уточнил:

– Гаф Блудов?

– Никак нет, просто Блудов, – тут же отозвался Николаша, – младшая ветвь.

– Ну, хогошо, – сдался офицер и с сожалением потер ладонью о кулак, – пегедайте унтегу, что я отменяю свой приказ. Полагаю, часа будет вполне достаточно.

– Слушаю, – вытянулся тот в ответ, – разрешите выполнять?

– Валяйте.

Полковые швальни старались изо всех сил, и на третий день после примерки мундиры и прочая амуниция были готовы. Когда призванные на военную службу новобранцы были наконец обмундированы и, как выразился подполковник Гарбуз, приведены в божеский вид, их было не стыдно предъявить на смотре.

Ради такого торжественного события в полк прибыло местное начальство во главе со здешним городским головой Николаем Дмитриевичем Живущим и протоиереем Иосифом Ширяевым. Отцы города с удовольствием наблюдали за бравыми военными и выразили всеобщее мнение, что такие молодцы разобьют всех супостатов в пух и прах, поддержав славу русского оружия. Потом должен был состояться парад, но прежде рядового Будищева привели к присяге. Как оказалось, его тезка не успел сделать это из-за болезни, что нашло отражение в соответствующих документах.

– Хочу и должен... – как эхо повторял Дмитрий слова воинской клятвы, введенной когда-то еще Петром Великим, – ...верно и нелицемерно... не щадя живота...

Было уже довольно холодно, но в мундире и с теплым набрюшником под шинелью солдаты почти не чувствовали мороза. К тому же в такие торжественные дни к обычному рациону полагалась чарка водки, в чайнии которой многие готовы были и не на такие жертвы. Когда присяга была окончена, протоиерей выступил перед строем с прочувствованной речью:

– Благородные представители славного русского воинства! Господь да благословит ваш путь, в который зовет вас святая воля царская! Это путь высокосвященный, на нем по преимуществу возрастает и достигает полного расцвета святая любовь, полагающая душу за други своя...¹¹

Будищев не слишком прислушивался к тому, что говорил священник. Накануне ему наконец удалось-таки избавиться от порядком надоевшей бородки и побриться. Дело это оказалось не самым простым. Безопасных бритв, одноразовых станков или чего-нибудь подобного не существовало еще в природе, а похожая на маленький тесак опасная бритва мало того, что стоила совершенно безумных для солдата-новобранца денег, так ей еще надо было уметь пользоваться. Можно было, конечно, обратиться к цирюльнику Федоту Скокову – такому же солдату, находившемуся в подчинении у ротного фельдшера. Но последний брал за такого рода услуги не менее полкопейки за раз, а взять их было неоткуда. Выручили, как ни странно, вольноперы Штерн и Лиховцев, с которыми у него постепенно установились почти приятельские отношения. Хотя сами они, подражая опытным солдатам, отпустили небольшие бороды, бритвенные принадлежности у них были, равно как и опыт обращения с последними. Ловко убрав щетину с его щек и подбородка, Николаша цокнул языком.

– Ну чем не граф?

– Да иди ты! – отозвался Дмитрий, внимательно разглядывая себя в маленькое зеркальце.

Оставленные самозванным брадобреем небольшие усики придавали ему немного пижонский или, как выразился Штерн, фатовской вид. Но нельзя не сказать, что ему они действительно шли. Так что усы остались, а кличка «Граф» намертво прицепилась к Будищеву среди солдат. Впрочем, чисто выбритое лицо, спрыснутое вежеталем, доставляло почти физическое

¹¹ Из подлинной речи протоиерея Иосифа Ширяева при отправке Болховского полка на русско-турецкую войну.

наслаждение, так что со всем остальным можно было мириться. Все это время в полку не прекращались всякого рода учения и стрельбы, поэтому солдаты и офицеры порядком утомились. Их благородиям повезло больше, сразу же после окончания присяги отцы города пригласили их на торжественный обед, посвященный их отправке, так что с нижними чинами остались лишь дежурные. Вольноопределяющиеся, получив увольнительные билеты, также усвистали в город, а солдаты, набившись в казарму, оказались предоставлены сами себе. Выданной после присяги водки было достаточно, чтобы привести их в минорное настроение, но мало, чтобы подбить на «подвиги». Поэтому они, разбившись на кучки, вели негромкие беседы, вспоминали дом, а затем затянули песню. Дмитрий петь не умел, рассказывать о своей прошлой жизни ему было нечего, а потому он просто сидел в уголке, лениво прислушиваясь к происходящему. Рядом с ним устроился Федька Шматов, старавшийся в последнее время держаться рядом. Некоторое время он сидел молча, но подобное времяпровождение было совершенно не в характере молодого солдата, а потому, поёрзав, он сказал, вроде как ни к кому не обращаясь:

– Пашкова давеча опять под ружье поставили...

– Какого Пашкова? – хмуро спросил Будищев и тут же пожалел, что отозвался.

– Дык Семена Пашкова, который у их благородия поручика Венегера в денщиках служит.

– За какой хрен?

– Сказывают, ванну их благородию сильно нагрел.

– А, ну за это поделом, – буркнул Дмитрий, рассчитывая, что новоявленный приятель отстанет, но не тут-то было.

– Граф, а Граф, – снова заговорил тот минуту спустя, – а «ванна» – это чего такое?

– Как бы тебе объяснить, это что-то вроде большой лохани с водой, понял?

– Ага, понял, а зачем?

– Чтобы мыться.

– Как это?

– Тьфу, ну вот ты в бане моешься?

– А как же!

– Вот, ты чего для этого делаешь, набираешь в шайку воды и льешь себе на голову, откуда она на все прочие места стекает, верно?

– Верно, а охвицера как?

– Ну, брат, стыдно такое не знать! Господа офицеры первым делом в этой самой ванне ноги да задницу мочат, а уж потом голову моют и все остальное. Поэтому кого из их благородий ни возьми, у них везде – жопа! Смекаешь?

– Ишь ты, – выпучил глаза Федька, – нешто так бывает!

Как ни тихо они говорили, сидящие вокруг их расслышали и принялись смеяться. В тяжелой солдатской жизни вообще мало поводов для радости, поэтому всякий человек, умеющий развеселить своих товарищей, чрезвычайно ценился. К числу таких относился и Будищев. Шутки его были непривычными, злыми, а иногда и скабрзными, но именно потому запомнились. К тому же, в отличие от барчуков-вольноперов, он был для них свой брат – солдат. Каким-то внутренним чутьем они раскусили, что этот странный, непривычно говорящий молодой парень вовсе не барин, хотя и продолжали звать его Графом.

– Ну чему ты Федьку учишь, – покачал головой, отсмеявшись, дядька Никифоров, – ведь он, чего доброго, еще спрашивать у господина поручика пойдет, правда ли тот задницу вперед головы моет.

– Не, не пойду, – испугался Шматов, вызвав новый приступ веселья.

– Вот и не ходи, – велел ему старослужащий, – а то будет, как с тем котом и его яйцами!

Последние слова Никифорова покрыл такой хохот, что его расслышали сидевшие в небольшой каморке унтера. У них как раз нашлись деньги на штоф «поповки»¹², каковую они, под нехитрую закуску, с удовольствием и употребляли. Старший из них – Галеев, выглянув, добродушно оглядел солдат и, не найдя в смехе подчиненных никакой крамолы, махнул рукой, дескать, веселитесь. Однако вышедший следом Хитров был настроен не так миролюбиво. В последнее время жизнь ефрейтора не ладилась. Происшествие с новобранцем не осталось незамеченным другими, и, хотя никто ему ничего не сказал, командир звена чувствовал растущее между ним и унтерами охлаждение. Сегодняшняя попойка была его последней попыткой вернуть себе утекающий между пальцами авторитет. Именно он купил эту водку и собрал в каморке «солдатскую аристократию», рассчитывая, что спиртное поможет наладить отношения. Поначалу так оно и было, посмеивающиеся в усы унтер-офицеры с удовольствием выпили, затем оттаяли, похлопали ефрейтора по плечу, дескать, чего там, мы все одно свои люди, так что не журись! И все бы было хорошо, если бы не этот проклятый новобранец, хотя какой новобранец, уже солдат, присягу-то принял!

– Будищев! – проговорил он, кривя губы, будто выплюнул.

– Я, господин ефрейтор, – ровным голосом отозвался предмет его ненависти и встал.

– Я тебя насквозь вижу!

– Так точно, господин ефрейтор!

– Ты думаешь, я ничего не понимаю? Ты ведь считаешь, будто я дерьмо!

– Так точно, господин ефрейтор, – снова отвечал Дмитрий под всеобщие смешки.

– Да я тебя в бараний рог согну, – взъярился Хитров, сообразивший, что попал в дурацкое положение, – я тебя расшибу, будто щенка об стену!

Шагнув вперед, он принялся закатывать рукава, демонстрируя готовность перейти от слов к делу. Унтера шагнули было за ним следом, но невозмутимый Галеев остановил их движением руки, мол, погодите покуда. Не заметивший, что остался один, Хитров, покачиваясь, подошел к ненавистному солдату и злобно ощерился.

– Что, гнида, дождался своего часа?

– Шли бы вы спать, господин ефрейтор, – невозмутимо отозвался тот, – а то упадете ненароком да зашибетесь.

– Ах ты, паскуда, – изумился пьяный и резко ударил.

Однако там, куда он целил, Будищева уже не было и, потеряв равновесие, Хитров упал. Неловко вскочив, он снова попытался ударить своего противника и снова промахнулся. Правда, на этот раз его кулак встретился с деревянным столбом, на котором держались солдатские нары, и ефрейтор взвыл от боли.

– Да что же это такое делается, братцы, – закричал он, – солдат на своего командира руку поднял! Это же бунт!

Внимательно наблюдавшим за происходящим унтерам не слишком понравилось то, что они увидели. В принципе, они хоть сейчас были готовы вступить за Хитрова и стереть в порошок обнаглевшего солдата, но обладавший беспрекословным авторитетом Галеев вновь удержал их.

– Чего-то я не видал, чтобы он руки поднимал, – насмешливо проронил он. – Выпил ты, Васька, лишнего, вот и брякнулся на ровном месте.

Воспользовавшись, что все внимание отвлечено на говорящего старшего унтер-офицера, Дмитрий вдруг шагнул к ефрейтору и, ткнув его кулаком под ложечку, тут же подхватил обмякшее тело, сделав вид, будто помогает идти.

¹² «Поповка» – водка, произведенная на винокурнях фирмы «Вдова М.А. Попова».

– Ну, чего вы, – приговаривал он, поддерживая готового упасть Хитрова, – ну, выпили чуток лишнего, ну, с кем не бывает. Давайте я вас, господин ефрейтор, до койки доведу, все и ладно будет.

– Тащи его сюда, – распорядился Галеев, – да положи тут, даст бог, проспится.

– Слушаю, – отозвался Будищев и свалил свою ношу на скамью в каморке.

– Выпьешь с нами? – прищурившись, спросил унтер.

– Если нальете, так чего не выпить?

Набулькав полную чарку, командир взвода протянул ее Дмитрию, тот, не чинясь, взялся за нее, но остановился.

– Чего не пьешь?

– Так не привык я в одиночку.

– Вот это по-нашему, – одобрительно хмыкнул Северьян и велел остальным: – Чего столбенеете, наливайте!

Дождавшись, когда у всех будут чарки в руках, он снова пристально посмотрел на Будищева и спросил:

– За что пить будем?

– За лося, – не задумываясь, отвечал Дмитрий.

– Это как?

– Ну, чтобы моглося, пилося и еще много чегося, – пояснил солдат под всеобщий смех и опрокинул в себя чарку.

– Эх, паразит, – отозвался, покачав головой, унтер, когда все выпили, – ладно, ступай покуда.

– Слушаю, – как ни в чем не бывало отозвался Будищев и шагнул к порогу.

– Только не зарывайся, – шепнул ему Галеев, сделав вид, что качнулся.

Выйдя из каморки, Дмитрий, не обращая ни на кого внимания, прошел к своему месту, затем накиннул шинель, кепи и вышел вон из казармы. Улица встретила его резким порывом холодного, но чистого воздуха, особенно приятного после пропахшей запахами портянок и немытого тела казармы. Некоторое время он бездумно шел вперед, ничего не замечая вокруг. Дойдя до ограды, Дмитрий некоторое время постоял рядом, с недоумением рассматривая ее. Наверное, когда-то это сооружение было дощатым забором, но с тех пор утекло много воды. Теперь на покосившихся от времени столбах держалось лишь несколько жердей, на которых вкривь и вкось висело несколько досок. Вообще, к его удивлению, здешнее армейское начальство весьма мало заботилось, чтобы оградить солдат от окружающего мира. Хотя, если подумать, значительная часть полка была расквартирована не в казармах, а стояла на постое в окрестных деревнях, так что особого смысла в этом не было. Есть шлагбаум, у которого стоит часовая, и ладно.

– Митя, Мить! – отвлек его от размышлений чей-то тонкий голос.

– Что? – покрутил он головой, пытаясь увидеть источник звука, и наткнулся глазами на несуразную фигуру.

Из-за забора его звала какая-то женщина в сером платке, непонятного цвета жакете не по размеру и длинной юбке. Подойдя поближе, он с удивлением узнал в ней Машку – деревенскую девчонку, попытавшуюся натравить на него местных парней.

– Нашла, – улыбнулась она во весь рот.

– Ты что здесь делаешь?

– Тебя искала.

– Офигеть! Ты как вообще тут очутилась-то?

– Тятенька в город по делам поехал, а я упросилась, чтобы он меня с собой взял.

– А зачем?

– Дурак ты, Митька! Сказано же – тебя искала.

- И как только нашла?
- Ой, намаялась, – снова улыбнулась девушка, – да и озябла, но все же нашла. Я тут давно выглядываю, хотела уж у дяденьки с ружьем спросить, да забоялась.
- Вот блин, забоялась она! Рядом с воинской частью бродить не забоялась, а тут, значит, страшно стало.
- Ага, вон он какой строгий.
- Нашла чего бояться, дуреха! Бог с ним, с часовым, он свой пост не покинет, но тут же солдаты кругом!
- И что? – захлопала невероятно зелеными глазами девушка.
- Ладно, проехали, – махнул рукой Дмитрий, не объяснять же наивной дурочке, что в его времени ее запросто могли бы затащить в казарму и так обогатить сексуальный опыт, что мало не показалось бы любой плечевой путане. Впрочем, кто их знает, этих предков, может, у них так не принято?
- Отец-то твой где?
- Известно где, в кабаке.
- В смысле, в кабаке, пьянствует, что ли?
- Чего сразу пьянствует! Дела поделал, товар продал, отчего же не выпить?
- О как! Слушай, Машка, а из тебя хорошая жена может получиться.
- Просватай и узнаешь.
- Ага, сейчас! Не видишь, дуреха, я в армии.
- Вижу, форму вон красивую дали, усы отпустил... ну ни дать ни взять – граф!
- Тьфу! Еще ты меня так не называла.
- А как тебя называть, хочешь, красавчиком звать стану?
- Маша, – вздохнул Дмитрий, – тебе сколько лет?
- Шестнадцатый, – с готовностью отвечала девушка.
- А через шесть лет сколько будет?
- Не знаю...
- Двадцать два, Машенька. А теперь скажи мне, горе мое, в каком возрасте у вас девок замуж отдают?
- Когда в шестнадцать, когда в восемнадцать...
- А после двадцати часто ли незамужними остаются?
- Если только кривая какая или порченная...
- Ну, вот видишь, а ты у нас девушка красивая, года не пройдет, как тебя просватают.
- Правда, красивая?
- Ох, чтоб меня! Маха, ключевое слово – просватают. Я когда со службы вернусь, ты уже парочку детишек родить успеешь, так что выкинь эту дурь из головы и ступай к отцу, пока он тебя искать не начал. А то еще выдерет, как сидорову козу!
- Ладно, – плечи девчонки поникли, и на глазах показались слезы.
- Дмитрию стало неудобно, все же девушка потратила немало сил, чтобы найти его, а он ее так отшил...
- Как там в деревне-то? – спросил он, чувствуя, что надо что-то сказать, но не зная что. – Отцу Питириму еще колокол на голову не упал?
- Не, – замотала головой Машка, – живой он, и дядька Кузьма живой, и другие. Дядька-то болел, сразу как ты пропал, а Архип тогда же говорить косноязычно стал... ой, а это ты их?
- Ну что ты, Машенька, я человек мирный, можно сказать – пацифист!
- Ага, мирный, – невольно улыбнулась девушка, – зареченские до сих пор тебя, такого мирного, поминают, да и наши деревенские тоже.
- Привет им передавай при случае. Ну все, пока.
- Так я пойду?

- Иди. Холодно.
- Ой, совсем забыла, – спохватилась Машка, – я же тебе подарок приготовила.
- Какой еще подарок?
- Вот, держи, – сунула ему в руки сверток девушка и убежала.

Дмитрий еще долго смотрел ей вслед, а затем решительно повернулся и едва не налетел на прячущегося до сих пор за остатками забора Шматова.

– Тьфу, напугал, проклятый! – выругался Дмитрий на парня, но тот не прореагировал на брань.

- Невеста? – спросил он немного мечтательным голосом.
- Нет!
- Точно невеста! Красивая, поди?
- Ябвдуд, – сокрушенно покачал головой солдат.
- А это чего?
- Ой, Федя, давай я не буду тебе это объяснять.

Развернув в казарме тайком сверток, он нашел в нем искусно вышитый кисет и по паре теплых варежек и носков.

На следующий день после торжеств их полк в полном составе отправился на железнодорожную станцию. Дмитрий, как и все остальные солдаты, нагруженный амуницией, бодро шагал в строю, придерживая рукой за приклад тяжелую винтовку. Несмотря на то что на «крынке» имелся ремень, носить ее полагалось на плече. Очевидно причиной тому был ранец, занимавший так много места, что повесить оружие за спину не было никакой возможности.

Впрочем, дошли они довольно быстро и, услышав команду «стой», остановились, оперев приклады в землю.

– Граф, а ты раньше паровоз видал? – спросил Дмитрия подобранный к нему поближе Федька.

- Нет, – честно ответил тот ему и с досадой посмотрел на приятеля.

Поскольку Будищев был выше многих в роте, его место в строю было на правом фланге. Шматов же, несмотря на свое довольно крепкое телосложение, был на голову ниже и потому должен был стоять в конце. Но упрямый как бугай парень все время старался держаться ближе к товарищу, за что нередко получал взыскания. Вот и на этот раз Хитров злобно зыркнул глазами в их сторону и нехотя процедил:

- Вы опять строй ломаете?
- Никак нет, – тут же ответил Федька и попятился.

Ефрейтор, очевидно, хотел еще что-то сказать, но слова его заглушил гудок подходящего паровоза, тянущего за собой вагоны. Дмитрий с удивлением рассматривал дымящее чудо инженерной мысли. Совсем небольшой размерами локомотив двигался, как неизвестный науке зверь, пыхтя от натуги. Неожиданно ему понравилась диковинная машина, и в голове мелькнула мысль: «Трудно ли научиться ею управлять?» Решив для себя, что, должно быть, ничуть не труднее, чем никем не виданным здесь автомобилем, он усмехнулся своим мыслям и принялся рассматривать вагоны. Они тоже были невелики размерами и всего на двух осях. Тут раздалась команда: «По вагонам!», и солдатская масса встрепенулась. Где-то совсем рядом офицеры кричали унтерам, распределяя взводы и отделения по теплушкам. Те, в свою очередь, командовали солдатами, и погрузка началась. Для господ офицеров предназначался прицепленный в конце состава¹³ классный вагон, а солдаты занимали места в теплушках. Кто и когда дал этим деревянным коробкам на колесах такое название, Дмитрий не знал, но первое, что

¹³ Поскольку паровозы в ту пору нещадно дымили, классные вагоны для чистой публики ставили не в начале состава, а в конце.

пришло ему в голову, при ближайшем знакомстве с ними, было – скотовоз! Единственным, что можно было назвать хоть каким-то удобством в них, были грубо сколоченные нары, позволявшие разместить «пассажиров» в два яруса, и обитые войлоком стены. На полу и нарах лежала солома, очевидно, предназначенная для утепления. Ни про отопление, ни про туалет не было и речи, и каково будет путешествовать в этих, с позволения сказать, вагонах, если ударят морозы, можно было только догадываться.

– Чего встали, ну-ка вперед! – гаркнул Галеев, когда дошла их очередь.

Солдаты дружно полезли внутрь теплушек и принялись размещаться. Закинув ранец и сухарный мешок на одну из полок, Будищев тут же отправился вслед за ними. Его соседями оказались приятели вольноперы и, конечно, неразлучный с ним Шматов. Вчерашним студентам их средство передвижения тоже не слишком понравилось, а вот Федя, как видно, счел его вполне благоустроенным и удобным.

– Чего только люди ни придумают, – мечтательно сказал он, устраиваясь на нарах. – Раньше бы мы на своих двоих, эвон, сколько маршировали, а теперь, гляди-ка, паровоз нас повезет по чугунке!

– Да, – с некоторым сомнением в голосе согласился с ним Лиховцев, – прогресс не стоит на месте. Железные дороги представляют куда больше удобства, нежели прежние экипажи.

– В смысле, те еще хуже? – поинтересовался Дмитрий.

– По крайней мере, медленнее, – хохотнул неунывающий Николаша.

– Эй, глядите-ка, православные, какая мамзеля нас провожать пришла! – раздался голос какого-то разбитного солдата, сидящего у раздвинутых настежь дверей.

– Небось, студентов наших выглядит, – пробурчал зрящий в корень дядька Никифоров.

– Не, – засмеялся в ответ первый, – она не иначе к Графу!

– Это ты почему так решил?

– Больно фигуристая, как раз по его рукам, – не задумываясь, отвечал балагур, вызвав всеобщий смех.

Штерн с Лиховцевым, привлеченные этими словами, выглянули наружу и, узнав Софью, тут же выпрыгнули из теплушки, подбежав к девушке и сопровождавшему ее отцу.

– Модест Давыдович, Софья Модестовна, – пролепетал Алеша, пожирая глазами предмет своего обожания, – какой чудесный сюрприз!

– Ну что вы, право, молодые люди, – благодушно пробурчал в ответ Батовский. – Неужели вы думали, что мы не проводим вас в столь долгий путь.

– Но, любезный дядюшка, – воскликнул Николай, – как же вы нас сыскали в этом вавилонском столпотворении?

– Как говорят в народе – долго ли умеючи!

– А отчего я не вижу своего кузена?

– О, этот несносный мальчишка имел неосторожность простудиться и потому посажен Эрнестиной Аркадьевной под арест.

– В таком случае, кланяйтесь Маврику и пожелайте ему скорейшего выздоровления!

– Не премину.

Пока они так разговаривали, Дмитрий тоже выглянул из вагона и тут же наткнулся глазами на ту самую барышню, которая так заразительно смеялась над его нелепым видом при выписке из больницы. Как-то так случилось, что глаза их встретились, и он не нашел ничего лучшего, как кивнуть и приложить два пальца к козырьку кепи, будто и впрямь был графом. Девушка удивленно и, скорее всего, по привычке, ответила ему кивком. Это не укрылось от внимательного взора ее отца, и Модест Давыдович не без удивления спросил:

– С кем это ты поздоровалась, Софи?

– У этого солдата ужасно знакомое лицо, – смутилась девушка, – правда, я никак не могу припомнить, где мы встречались.

- А ведь верно, – согласился с ней доктор.
- Ну, что же вы, дорогой дядюшка, – засмеялся Николаша, – своего пациента не признали!
- Пациента?
- Ну как же, прошу любить и жаловать, Дмитрий Будищев собственной персоной. Вы его, кажется, от потери памяти пользовали. Неужто запамятовали?
- И впрямь он, – нахмурился Батовский, – однако с той поры сей «господин из грядущего» весьма переменялся.
- Это – да, но он вообще, нельзя не признать, человек довольно необычный. Судите сами, он ловок, силен, грамотен, но при этом не знает многих элементарных вещей. Кстати, странно, что Соня его вообще узнала, она ведь видела его не более минуты.
- Грамотен?
- Не слишком, – вступил в разговор Лиховцев, которому приятель уже оттоптал все ноги, намекая, что неприлично так засматриваться на незамужнюю барышню, – читает он бойко, но вот пишет просто ужасно.
- Вот как?
- К сожалению, да, Модест Давыдович. Судите сами, о существовании ятей и десятиричного «і» он до недавних пор не подозревал. В дробях¹⁴ путается, про меры веса и говорить нечего. То, что в фунте девяносто шесть золотников, было для него открытием. Увы, народ наш совершенно не просвещен, и рядовой Будищев тут если и блещет, то лишь на фоне всеобщего невежества.
- А вы хорошо осведомлены.
- Мы, некоторым образом, приятельствуем, – пояснил Штерн, – к тому же у нас была мысль сделать ему карьеру.
- Карьеру?
- Ну да, перевести в писари.
- Погодите-ка, – сообразил Батовский, – а пока достаточно грамотного солдата под рукой нет, наш общий друг, господин Гаупт, эксплуатирует двух вчерашних студентов, не так ли?
- Увы, – состроил умильную физиономию Николаша.
- Кузен, вы неисправимы, – усмехнулась Софья, – сколько я вас помню, вы всегда пытались отлынивать от своих обязанностей. Но у вас никогда ничего не получалось.
- Ну, что же, мне пора в больницу, – решительно заявил Модест Давыдович. – Сонечка, прощайся с кузеном и Алексеем Петровичем. Им, вероятно, тоже не следует здесь долго находиться, так что мы пойдем. Всего вам доброго, молодые люди, надеюсь, что мы скоро увидим вас вновь, причем непременно живыми и здоровыми.
- Тем временем солдат, первым заметивший Батовских, продолжал балагурить:
- Ошибочка вышла, Граф, не по твоим рукам мамзеля оказалась.
- Будищев, к которому он обращался, лишь криво усмехнулся и философски заметил:
- Всех денег не заработать, всей водки не выпить, всех девок не перелюбить... но стремиться к чему-то нужно!
- Ишь ты, – покрутил головой весельчак, – только все одно тебе этой крали не видать.
- Кто знает, кто знает, вот что могу точно сказать, так это то, что студенты, как вернутся, тебе за такие слова об этой барышне в бубен настучат.
- Не, не подолеют! – беспечно отмахнулся солдат.
- Это если я им помогать не стану, – улыбка Дмитрия в один момент стала угрожающей.
- Эй, ты чего, Граф, я же шутейно!

¹⁴ Привычные для нас десятичные дроби тогда почти не применялись. Правила правописания также довольно сильно отличались от современных.

- И я пошучу.
- Да ну тебя!
- Эй, Будищев, – подал голос Хитров, – ты чего это, никак драку затеваешь? Давай-давай, я тебя враз под арест определю.
- Что вы, господин ефрейтор, и в мыслях не было!
- Вот то-то.

Дорога запомнилась Дмитрию только собачьим холодом и частыми остановками. Дороги на юг были забиты другими воинскими эшелонами, потому эшелоны их полка, добравшись до Бологого, направились не на юг, а на запад, сделав таким образом изрядный крюк. Иногда патриотически настроенная общественность устраивала военным торжественные встречи. Служились молебны, произносились речи, затем господ офицеров приглашали на обед. Не забывали и про солдат: прямо на станциях в таких случаях стояли грубо сколоченные дощатые столы, уставленные жестяными кружками с чаем и булками. Но чаще поезда просто стояли, ожидая паровозов или просто своей очереди, поскольку значительная часть железнодорожных путей была одноколейными. Если была возможность, солдаты в таких случаях собирали хворост и палили костры, пытаясь согреться и приготовить пищу. Если удавалось похлебать горячего, люди веселели, начинали балагурить и петь песни.

Случались, правда, и постные дни, и тогда офицеры, как могли, пытались подбодрить своих подчиненных. Особенно этим отличался начальник их эшелона подполковник Гарбуз. Высокий, худой, с болезненным выражением лица, он как мог старался помочь солдатам, но у него было не так много возможностей.

Поскольку замерзать, стойко перенося тяготы и лишения воинской службы, было совершенно не в характере Будищева, он всячески пытался исправить ситуацию: ходил за хворостом, поддерживал огонь, первым вызывался расчищать пути. А однажды они вместе с неразлучным Шматовым притащили невесть откуда целый стог сена, для утепления вагона. Возможно, в другое время это послужило бы поводом для разбирательства, но, на их счастье, состав скоро тронулся, и начальство осталось в счастливом неведении по поводу этого происшествия.

Единственным светлым пятном в этом тяжелом путешествии была остановка в Гатчине. Их разместили в теплых казармах лейб-кирасирского полка, хорошо накормили, но самое главное – сводили в баню. Отмывшись и до иступления нахлеставшись березовым веником, Дмитрий вновь почувствовал себя человеком. Выйдя из парилки, он кое-как натянул исподнее и в изнеможении опустил на лавку, прикрыв глаза.

- Пивка бы, – невольно вырвалось у него.
- Оно бы хорошо, – согласно прогудел кто-то совсем рядом, – да только нету!

С трудом разомкнув веки, солдат увидел здорового кирасира, с сочувствием смотрящего на него.

– Что, земляк, намаялся? – продолжал, благожелательно улыбаясь, здоровяк. – Ничего, я слышал, вам за ужином еще по чарке поднесут, тогда и разговеешься.

– Есть маленько, – махнул головой Будищев и поскреб ногтями заросший за время пути подбородок.

– Побриться надо? – понятливо спросил кирасир. – Пошли к цирюльнику, он твоему горю поможет.

– Денег нет, – попытался отказаться Дмитрий, но гостеприимный хозяин и слушать его не стал, потащив к взводному брадобрею. Тот, впрочем, не стал возражать, а, быстро взбив пену, намазал солдату щеки и мгновенно отскоблил изрядно отросшую щетину.

– У нас не забалуешь, положено бриться и шабаш, – усмехнулся цирюльник, глядя на рассматривающего себя в зеркало пехотинца. – Правда, усы тебе такие не по чину, чай не гусар, но жалко сбривать было.

– В гусары таких рослых не берут, – покачал головой крепыш. – С его статьями впору у нас служить али в преображенцах!

– Спасибо, братцы, – поблагодарил он кирасиров, – не знаю чем и отблагодарить.

– Ты – гость, – отмахнулся в ответ цирюльник. – Да еще на войну едешь. Велено вашего брата с почетом принимать.

– Граф, вот ты где! – ворвался к ним взъерошенный Федька. – А я тебя обыскался.

– Чего это он тебя Графом кличет? – насторожились кирасиры. – Или ты из благородных?

– Да какое там, – отмахнулся Дмитрий, – прицепили погоняло, теперь никак отделаться не могу.

– Поосторожнее с такими прозвищами тут, еще услышит кто не надо ненароком, так будет дело!

– Слышал, Федор, что тебе умные люди говорят?

– Ага, слышал, а как тогда?

– Тьфу ты пропасть, ты что, моего имени не знаешь или фамилии? Вот так и зови.

– Хорошо, Митя.

– Чего-ради искал-то?

– Дык, смотрю, а тебя нет нигде!

– Ладно, пошли. Спасибо вам, земляки.

– Не за что. Всыпьте туркам и за нас, вот и будем квиты.

– Так может, еще сами всыплете, война-то еще не началась, да ведь и не завтра кончится.

– Какое там! Так и будем всю войну, то плац-парад, то развод, то еще какой караул, ети его за ногу. Тоска! Тут и войне рад будешь, от такой паскудной житухи.

Но это было исключением из правила, и дальше опять пошли бесконечные версты пути, ночевки в холодных вагонах и прочие «прелести» зимнего путешествия. Чтобы хоть как-то скоротать время, солдаты рассказывали друг другу байки, смешные случаи из прошлой жизни. Впрочем, жизнь русских крестьян совершенно не изобиловала занимательными историями, и веселого в ней было мало. Тяжелый труд, высокие налоги, да еще и непомерные выкупные платежи за землю. Наконец запас историй истощился, а байки пошли на второй-третий круг.

– Эх, барчуки, – посетовал как-то дядька Никифоров, – хоть бы вы чего рассказали интересного? У вас-то житее всяко повеселее нашего было!

– Я, право, не слишком хороший рассказчик, – смутился Алексей Лиховцев, – да и студенческая жизнь не так уж и занимательна. Учеба, экзамены, уроки, чтобы прокормиться...

– Тебя послушать, у студентов не жизнь, а каторга, – усмехнулся Дмитрий.

– Нет, конечно, но...

– Девушка-то у тебя была? – перебил его Будищев.

– В смысле девушка? Невеста, что ли... да, то есть нет.

– Как это?

– Ну, мы не объявляли о нашей помолвке, но она мне твердо обещалась...

– Понятно, значит – нет!

– Эх, Граф, взял да и оконфузил человека, – покрутил головой Никифоров, – у тебя-то, видать, от девок отбою не было?

– К нему невеста приходила, – ни к селу ни к городу встрял в разговор несносный Шма-тов, – я видал!

– О как, и что, справная девица?

– Ага, глазастая!

– Эх, Федя-Федя, глаза-то в этом деле как раз не самое важное...

– Да ладно вам, охальникам, все бы про баб да про непотребство какое, – строго заявил другой старослужащий солдат – дядька Супонев. – Господа студенты, как ни крути, люди гра-

мотные, книжки читали разные. Может, растолковали бы нам, как она жизнь-то дальше будет? Полегче станет когда простому человеку, али как?

– А вы у Будищева спросите, – нашелся в ответ Николай Штерн.

– Так ему-то откуда знать?

– А он из будущего, во всяком случае, исправник так решил, когда его на болотах нашел.

– Ишь ты, из будущего, – озадаченно покрутил головой Супонев и повернулся к Дмитрию. – Ты чего молчишь, Граф, расскажи обчеству...

– Спрашивай, – просто отозвался тот, метнув недовольный взгляд на Николашу.

– Чего спрашивать-то?

– Ну, что тебе интересно, то и спрашивай.

– А какие там, в будущем, бабы? – с загоревшимися глазами спросил Федька.

– Кто о чем, а вшивый о бане, – под всеобщий смех заметил Дмитрий. – Ну, слушай: бабы, то есть девки, то есть вообще женщины, станут худеть...

– Зачем это? – озадачился Супонев.

– ...юбки они будут носить короткие, а волосы стричь. Да еще красить в разные цвета, от рыжего до синего.

– Ишь ты, а короткие – это как, чтобы подол в грязь не попадал?

– Еще короче, Федя.

– Неужто до колена?

– До колена – это самые длинные. А по большей части по середину бедра.

– Это что же за непотребство такое! – сплюнул Супонев.

– Вот это да, – прошептал потрясенный Шматов. – А кто же их таких замуж возьмет с синими волосами да с таким куцым подолом?!

– Так если все такие, чего же не взять. Тем более что развестись будет не проблема.

Пожил с одной, не понравилось – развелся. Пошел другую искать!

– А с невинностью как же?

– Да ее в будущем любой доктор сможет починить. Полдня делов, зашла баба – вышла девка!

– Эх, нашли кого спросить, – сокрушенно покачал головой дядька Никифоров, – ить он, паразит, смеется над вами, а вы и уши развесили!

Будищев еще долго описывал солдатам женщин из будущего и простоту их нравов, перемежая рассказы скабрзностями и вызывая тем самым гомерические приступы хохота. Даже приятели вольноперы заворуженно слушали его фантастические рассказы, смеясь вместе со всеми, и только более деликатный Алексей иногда морщился от излишнего натурализма. Николай же, казалось, был в полном восторге и только что не хлопал в ладоши, как в театре. Наконец, солдаты постепенно угомонились и стали устраиваться спать.

– Николаша, скажи мне, – прошептал Лиховцев Штерну, – зачем ты рассказал остальным про эту историю?

– Чтобы отвлечь от тебя и твоей гипотетической девушки. Видишь ли, мне не очень понравилось, как Будищев отозвался о твоей возможной невесте. Не забывай, Софи мне все-таки кузина. К тому же, если ты не заметил, он обладает весьма любопытной способностью разговорить любого, и, если бы я не отвлек внимание от тебя, то Дмитрий очень скоро выведал бы у тебя все подробности, и ничем хорошим это не кончилось. А так он повеселил солдат, и все забыли и думать, есть ли у вольноопределяющегося Лиховцева дама сердца или нет.

– Все-таки твой дядюшка прав, нет ни малейшей вероятности, что он попал к нам из грядущего.

– Тебе не понравилась описанная им женская мода?

– Мне вообще не понравились его рассказы! Совершенно очевидно, что со временем, под влиянием прогресса, нравы будут лишь улучшаться. А мир, описанный Будищевым, про-

сто ужасен. У него невероятно большая фантазия, и я полагаю, что его напрасно выписали из палаты для душевнобольных.

Всякая дорога, какой бы длинной она ни была, когда-нибудь заканчивается. Подошел к концу и путь Болховского полка. Миновав после Гатчины Белосток, Вильно и Брест-Литовск, воинские эшелоны в начале декабря подошли к Бердичеву.

Последний оказался довольно благоустроенным уездным городом с большим количеством каменных домов, вокзалом, присутствиями¹⁵, больницей, кабаками и, конечно же, городской тюрьмой. Имелось также множество синагог, несколько костелов, и главная доминанта города – парящий над ним православный собор. Впрочем, в самом Бердичеве разместился только штаб полка и склады военного имущества, а роты сразу же после выгрузки стали разводить на постой по окрестным деревням.

– Эй, Будищев, – окликнул задумавшегося солдата, Галеев, – ступай с отцом Григорием, поможешь ему.

– Слушаю, господин старший унтер-офицер!

– Да смотри мне, не напортачите чего!

– Как можно, господин старший унтер-офицер!

– То-то.

– Дяденька, а можно мне с Графом? – взмолился вертевшийся тут же Шматов.

– Какой я тебе «дяденька»! – взъярился поначалу унтер, но потом махнул рукой, дескать, ступай, бестолочь.

Помощь священнику заключалась в погрузке на две двуколки имущества походной церкви: иконостаса, аналая и других принадлежностей, названия которых Дмитрий не знал. Быстро управившись, солдаты вопросительно посмотрели на отца Григория, но тот не стал их сразу отпускать.

– Скажи мне, чадо, – спросил он у Федора, – умеешь ли ты обращаться с конями?

– Конечно, батюшка, – бесхитростно улыбнулся парень.

– Вот и бери вожжи на второй, а мы с Будищевым покамест потолкуем.

Хотя Шматову было безумно интересно, о чем священник собирается говорить с его приятелем, он послушно кивнул и занял место на козлах. На первой повозке править взялся сам отец Григорий, и какое-то время они ехали молча. Наконец, когда тишина стала совсем уж гнетущей, священнослужитель тихонько спросил:

– Скажи мне, раб божий, а каком таком грядущем ты своим товарищам толковал? Про каких таких дев с синими волосами с короткими подолами рассказывал?

– Да это я так, шутейно, – не стал отнекиваться Дмитрий, сообразивший, откуда ветер дует.

– Про то, что священное таинство венчания можно отринуть и вдругорядь жениться, ты тоже шутил?

– А вот этого не было!

– Что значит не было, разве ты, пакостник эдакий, про разводы не рассказывал?

– Про разводы говорил, а вот про венчание ни слова!

– Какой же развод может быть, если венчания не случилось?

– Так я про гражданский брак...

– «Гражданский брак», богохульник, сиречь непотребное сожительство!

– Не скажите, батюшка, – принялся возражать Дмитрий, понявший, что угодил в нехорошую историю и выкрутиться ему может помочь только наглость, – разве не бывает такого, что в церкви обвенчали молодых против их согласия?

¹⁵ Присутственные места – государственные учреждения.

– Всяко бывает, так что с того? То, что Господь соединил, человеку разрушить не дано! Стерпится – слюбится.

– Ага, а если не стерпится? Потом или маются, или гуляют друг от друга тайком! Ну, я и сказал, что не лучше ли, чтобы молодые сначала пожилы вместе, а лишь потом повенчались. А если не подходят друг к другу или, к примеру, детей нет, то и развелись без волокиты.

– Тьфу, окаянный! Если Господь детей не дает – молиться надо! По святым местам ездить, к иконам чудодейственным прикладываться, а не о блюде вождель!

– Спасибо, батюшка, что развеяли мои заблуждения, – неожиданно заявил расходившемуся священнику Дмитрий. – Вы мне просто глаза открыли!

– Что?! – выпучил глаза сбитый с толку отец Григорий. – Ты издеваешься надо мной, порождение антихристово?

– Да как можно! Я, можно сказать, до сих пор во тьме пребывал, – принялся с жаром уверять его солдат, – вот и нес чего попало! А теперь я свет увидал... нет ли у вас батюшка, акафиста Божьей Матери?

– Митя, – неожиданно ласково спросил его священник после короткого молчания, – ты видишь, что там?

– Не знаю, синагога, наверное...

– Правильно, а вон там?

– Церковь. Только какая-то...

– ...католическая это церковь, – закончил за него священник, – иначе – костел.

– Ну да, наверное, а что?

– А то, что я не иудей и не католик. Я, Митя, – православный! Я ведь могу и в морду дать!

От удивления у Будищева пропал дар речи, а отец Григорий, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Ты ежели сам афей¹⁶, то что поделаешь. Но не смей отворачивать от церкви Христовой малых сих, иначе лучше бы тебе на шею жернов мельничный, да и в воду! И это я тебе, нечестивцу, не Святое Писание растолковываю, а объясняю, чем все закончиться может! Внял ли?

– Понял...

– Так вот, Митя. Впереди война, и кто его знает, как оно повернется. Бывает, что и грешники добро творят, а случается, что и праведники обмишулятся. Я за тобой давно слежу. Станный ты, но к воинскому делу способный, а потому офицерам я о твоих художествах рассказывать не буду, если ты, конечно, не прекратишь непотребства сии.

– Не буду больше, батюшка!

– Ну и ладно. Ой, а ведь мы, пожалуй, что и приехали. Спасибо вам, чада, что пособили отцу своему духовному.

С этими словами отец Григорий благословил слезшего с козел Шматова и, укоризненно глянув на все еще озадаченного Будищева, пошел к собору.

– Граф, а Граф, – спросил Федор, когда они возвращались назад, – а чего это батюшка тебя благословлять не стал?

– Грешен я, – трагическим голосом отвечал ему Дмитрий.

– Все грешны, кроме Господа, а все же?

– Отстань, Федя, давай лучше водки, что ли, купим?

– Давай, только у меня денег нет.

– С деньгами и дурак сумеет, ты так попробуй.

– Как это?

– А вот смотри, – усмехнулся его приятель и повернул к ближайшему питейному заведению.

¹⁶ Афей – атеист.

Неказистый снаружи каба́к изнутри тоже не блистал убранством. Располагался он в полу-подвале, через небольшие оконца под потолком в помещение попадало мало света, и потому оно всегда находилось в полумраке. Одну из стен целиком занимала большая стойка, за которой стоял кабатчик, а за столиками сидели несколько посетителей и о чем-то тихо переговаривались. Появившиеся на пороге солдаты привлекли всеобщее внимание, тем более что один из них, входя, хотел по привычке перекреститься, снял было кепи, но, не заметив икон, смутился и нахлобучил головной убор обратно. Второй же лишь криво усмехнулся и, обведя глазами присутствующих, поздоровался:

– Шалом, еврей!

– Шалом, – ответил странному солдату кабатчик и добавил несколько слов на идиш.

Но ничего не понявший Будищев, даже не подумав ему отвечать, уселся за крайний стол и прислонил к нему винтовку. Шматов, помявшись, последовал примеру товарища и все же стянул с головы свое кепи, положив его на стол.

– Господа солдаты хотят что-то заказать? – перешел на русский язык кабатчик.

– Нет.

– Тогда зачем вы пришли?

– Все дело в моем покойном друге, – со вздохом отвечал ему Дмитрий, – он был родом из Бердичева и перед смертью просил навестить его мать.

– И вы таки хотели найти ее у меня в трактире?

– Нет, конечно, но мой друг не успел сказать мне своего адреса. Он попросил только, чтобы я навестил старушку, но не сказал, где она живет. Я подумал, что в вашем заведении бывают разные люди и, может, они подскажут, где ее искать?

– А как звали вашего друга?

– Марк Бернес.

– Никогда не слышал этого имени.

– Очень жаль. Наверное, я просто ошибся... у вас слишком маленькая забегаловка и вряд ли тут бывает много народа. К тому же Марк был приличным молодым человеком и, скорее всего, ходил по другим местам. Мы, пожалуй, пойдем...

– Что вы такое говорите! У меня, конечно, не ресторация, но тут тоже бывают весьма почтенные господа. И я никогда...

– Подожди, Соломон, – прервал трактирщика один из посетителей, – может быть, речь о сыне старой тети Сары?

– Так ее фамилия совсем не Бернес.

– Я тебя умоляю, это фамилию Рубинштейн никто не перепутает, а принять Бернштейна за Бернеса могут запросто, особенно го... прошу прощения, господа, я не хотел сказать ничего обидного.

– Подожди, Израиль, но ведь Марка Бернштейна забрали еще в те времена, когда были рекрутские наборы, он должен быть постарше...

– А разве молодой человек хоть слово сказал тебе про возраст своего приятеля? Кстати, господин солдат, а в каких ваш друг был годах?

– Сказать по правде, я не знаю его точного возраста. Но чисто внешне он был лет на пять меня старше, хотя, может быть, это у него от тяжелой жизни?

– Да уж, жизнь еврея трудно назвать легкой!

– Нет, это не может быть Марк Бернштейн, – вступил в разговор другой посетитель, – он совсем недавно прислал своей матери письмо, и она рассказывала об этом всей улице.

– Ой вей, господин Шлангбаум, разве полгода назад это совсем не давно?

– Наверное, это точно не он, – подал голос Дмитрий, – потому как мой друг умер больше года назад.

– Да что вы говорите! Вы таки разве не знаете, как сейчас работает почта? Ваш друг вполне мог отправить это письмо три года назад, потом жениться, наделать детей, затем скончаться, а письмо бы все еще шло!

– Федя, ты, наверное, проголодался? – Будищев вдруг вспомнил о своем товарище. – Наверное, сегодня мы не найдем мать моего друга, так что давай возвращаться. Может быть, мы еще пробудем здесь какое-то время, и я смогу поискать в другой раз?

– Подождите, молодые люди, если вы хотите есть, так вы пришли куда надо. Если уж вы проделали такой длинный путь, чтобы передать последние слова от умирающего сына матери, так неужели у старого Соломона не найдется чем вас накормить!

– Нет, что вы, нам нечем вам заплатить...

– Ничего, заплатите в другой раз. Но может быть, вы хотите выпить?

– Что вы, мы с Федей совсем не пьем, разве что помянуть безвременно ушедшего Марка.

Когда через три часа, трактирщик проводил солдат, он вдруг с изумлением сообразил, что они так и не выяснили, ни кто такой этот Марк Бернес, ни где может проживать его мать, ни где искать этих солдат, если все же она найдется.

– Что-то странное происходит в мире, – задумчиво сказал он вслух, хотя рядом никого не было, – русские солдаты пришли ко мне, бесплатно поели, выпили и унесли с собой почти целый штоф водки, а я ничего не могу понять... может, скоро конец света?

Рота штабс-капитана Гаупта разместились в небольшом селе Семеновке в десяти верстах от Бердичева. Местные жители приняли русских солдат без особой радости. Жили они и без того не слишком обильно, а от навязанных им постояльцев ни малейшего прироста не предвиделось, скорее наоборот. Первые пару дней намерзшиеся в пути солдаты просто отогревались у горячих печек, и больших проблем от них не было, но затем начались эксцессы. То домашняя птица пропадет, то дерзко глядящему местному жителю наломают бока, то молодухе залезут под подол. Впрочем, именно в их селе подобного рода происшествия случались достаточно редко, поскольку Гаупт бдительно следил за своими подчиненными и не допускал падения дисциплины. А вот из соседнего Белополья, где стояла стрелковая рота поручика Михая, доходили куда более удручающие известия.

Так случилось, что Дмитрий с Федором были расквартированы вместе с приятелями-вольнооперами. Хата, в которой их поселили, была не то чтобы велика, но достаточно просторна по сравнению с другими жилищами. Хозяин ее, мрачный мужик лет сорока пяти, по имени Охрим Явор, смотрел на постояльцев волком, но задирается не лез и лишь ревниво приглядывал за женой. Его супруга Ганна, румяная хохотушка, была по меньшей мере вполнину моложе его и относилась к постояльцам почти приветливо. Почти – потому что при муже старалась ее не выказывать, чтобы не вызвать его неудовольствия. Напряженности в семье добавляло то, что у молодой жены пока не было детей, а вот у Охрима была дочь от первого брака – двенадцатилетняя Оксана. Девочка отчего-то очень боялась постояльцев и старалась не попадаться им лишний раз на глаза.

Ганна же, в отличие от своих домашних, быстро сообразила, что с постояльцами им повезло. Ни студенты, ни Будищев лишнего себе не позволяли, а Шматов и вовсе вскоре стал помогать ей с домашней работой: колот дрова, носил воду и даже чистил в хлеву за скотиной. Дмитрий иногда подшучивал над своим товарищем, спрашивая, чем с ним расплачивается красавица-хозяйка, на что Федор неизменно краснел и бурчал что-то невразумительное.

Вскоре после прибытия произошло одно печальное событие: умер командир второго батальона подполковник Гарбуз. Поговаривали, что он и прежде хворал и вполне мог быть остаться в Рыбинске, испросив отпуск для поправки здоровья. Но будучи человеком долга, он не смог оставить своих подчиненных и отправился на войну вместе с ними. В дороге он простудился и еще больше ослаб, так что по прибытию ему пришлось лечь в постель, с которой

ему не суждено было подняться. Отпевали покойного в соборе, за гробом его шли все офицеры полка, а предавали земле под винтовочные залпы почетного караула.

Смерть этого достойного офицера произвела на многих удручающее впечатление, но жизнь продолжалась, и вскоре на первый план вышли другие заботы. Трижды в неделю в полку устраивались учения. Но, поскольку собрать разбросанные по округе роты и батальоны было делом совсем не простым, каждый ротный начальник учил солдат в меру своего разумения. К примеру, Гаупт стал усиленно обучать своих подчиненных рассыпному строю и караульной службе, а, скажем, поручик Михай по-прежнему главное внимание уделял маневрам в составе ротной колонны.

Вернувшись с учений, солдаты устало расходились по своим квартирам в чаянии тепла и горячей пищи. Хата Яворов находилась чуть на отшибе, и Будищев со своими товарищами несколько задержались. Еще подходя ко двору, они услышали истошный крик Ганны и удивленно переглянулись.

– Кажется, что-то случилось? – с тревогой спросил Лиховцев и озабоченно повернулся к Штерну.

– Похоже на то, – кивнул Николаша, – правда, я совершенно не представляю, что именно.

– Тоже мне бином Ньютона, – хмыкнул Будищев, – небось Федька набедокурил, а Охрим теперь жену уму-разуму учит!

– Да ладно тебе, Митька, не было ничего такого, – пошел в отказ подозреваемый.

– Удивляюсь я вам, Дмитрий! – с досадой заговорил Алексей. – Вы, несомненно, человек, хоть и поверхностно, но все же образованный. Но что от вас можно услышать кроме скабрёзностей? Вот и теперь вы помянули имя выдающегося ученого в совершенно неподобающем ключе!

– Хорош проповедовать, – оборвал его Будищев, – походу там что-то серьезное приключилось!

Навстречу солдатам со двора выбежала Ганна и, запнувшись, бухнулась перед ними на колени. Обычно хорошо и даже с некоторым кокетством одетая молодая женщина была растрепана и бессвязно что-то повторяла.

– Эй, хорош голосить! Говори, что за беда?

– Ратуйте, – выдохнула она, – Ксана, дочка...

– Да что случилось-то?

Все, что получилось разобрать из слов обезумевшей женщины, это то, что еще поутру какая-то нелегкая унесла дочку Охрима – Оксану – в лес и она до сих пор не вернулась. Самого Явора, отлучившегося по какой-то надобности из дома, не было, и что делать, Ганна не знала.

– Что же делать? – озадаченно воскликнул Лиховцев. – Пожалуй, надо пойти искать девочку, а то ведь, чего доброго, замерзнет.

– Ага, или волки съедят, – не подумав, добавил Шматов.

Услышав о такой возможности, и без того находящаяся в расстроенных чувствах женщина едва не грохнулась в обморок.

– Умеешь ты, Федя, женщин успокаивать, – покачал головой Будищев и обернулся к вольноопределяющимся. – Ребята я, кажись, у вас компас видел?

– Есть, а зачем вам?

– Поступим так, вы дадите мне компас и побежите к начальству доложить о случившемся. Вы с ротным вась-вась, так что он вас послушает. Пусть поднимает людей и идет на поиски. Федька пусть эту клушу в дом отведет, пока не застыла или еще чего не отчебучила, а я по следам пойду.

– Одному не годится, нужно остальных подождать!

– Ты на погоду посмотри. Рубль за сто, что через час снег повалит и мы не то что следов, света белого не увидим! Винтовку только мою возьмите, а то тяжелая зараза.

– А если и впрямь волки?

– Федька, твою мать, я тебе сейчас сам горло перегрызу! Да не менжуйся, я штык возьму, отобьюсь если что.

Товарищи с сомнением посмотрели на Будищева, но припомнив, как ловко тот кидал его в стену, вынуждены были согласиться. Лиховцев опрометью бросился в хату и вынес ему компас.

– Может, я все же с вами?

– Бежать целый час без остановки сможешь? Или два, или сколько понадобится?

Алексей вынужден был согласиться. С того момента, как их рота была расквартирована в селе, Дмитрий каждый день тренировался, вызывая недоумение сослуживцев. Бегал, колотил подвешенный в сарае мешок, набитый землей, подтягивался на перекладине. Если кто и мог до снегопада найти девочку, так это Будищев.

– Ну, хорошо, тогда возьмите еще и это, – вдруг протянул ему сверток Штерн.

– Что это?

Тот в ответ лишь развернул тряпицу, в которой оказался небольшой револьвер, и протянул его Будищеву.

– Вы умеете стрелять?

– Разберусь, – буркнул тот и сунул оружие за пазуху.

Следы маленьких ног нашлись сразу за хатой. Девочка, вероятно, вышла погулять, пока никого не было дома. К сожалению, вместо того чтобы пойти к подружкам, она потопала в сторону леса. «Грибы она, что ли, искала», – с досадой подумал Будищев, быстро идя по следу. Хотя нет, не грибы. Вон в приближающихся сумерках краснеют гроздья рябины на дереве. Не бог весть какое лакомство, но судя по всему, дети в этой деревне вообще ничего слаще морковки не видели.

А это что? Следы явно взрослого человека, причем, скорее всего, мужчины. Вот на оттаявшем днем пятачке они отпечатались достаточно ясно, и Дмитрий понял, что это следы солдатских сапог. Вот девочка попятилась, уронила собранные ягоды, а потом бросилась бежать к лесу. Напугавший ее человек вроде бы пустился следом, но он был тяжелее и глубже проваливался, а потому скоро отстал и вернулся в деревню. Ну что же, по крайней мере, следы девочки видны вполне отчетливо, и Будищев побежал. Добравшись до опушки леса, он вытащил компас и взял азимут на село. Затем крутнул барабан револьвера, попробовал, как штык выходит из ножен, и решительно двинулся в чащу.

Оксана очень замерзла и хотела есть. Но больше всего ей было страшно. И для чего она пошла к рябине, понадеявшись, что все солдаты на этих непонятных учениях. У них не любили и боялись военных. Человек, которого забирали в рекруты, становился все равно что мертвым и пропадал навсегда. Именно поэтому она дичилась постояльцев... а еще взрослые рассказывали, что москали¹⁷ могут быть опасны. Поймают дивчину и завяжут ей подол на голове, а после натешатся вволю. От них всего можно ожидать! Поэтому она очень испугалась, когда ее у рябины окликнул солдат. К тому же он неестественно улыбался, а глаза у него были недобрые. Оксана бросила рябину и бежала не оглядываясь, пока вокруг нее не сомкнулся лес. Спрятавшись под елкой, она какое-то время сидела там. Затем замерзнув, но немного успокоившись, пошла назад. Но идти по глубокому снегу было трудно, худые опорки начали промокать и потяжелели, и девочка, на свою беду, решила срезать путь. К сожалению, она не знала, что ноги у людей шагают по-разному и потому, если не придерживаться ориентиров, они начинают кружить. Сообразив, что идет не туда, девочка попыталась вернуться назад, но зашла уже

¹⁷ *Москаль* – в данном случае солдат. Забрать в москали – призвать в армию.

слишком далеко и потому устала. Оксана слышала, что в лесу темнеет быстрее, чем в поле, и понимала, что нужно идти, но сил не было. Бессильно опустившись на снег, она чуть было не расплакалась, но тут ей навстречу вышла собака. Довольно большая собака серой масти с торчащими ушами, почти такая же, как у охотника Василя. Только Серко Василя обычно весело машет хвостом, а у этой хвост волочился по снегу, лишь немного подергиваясь туда-сюда.

«Это волк», – поняла девочка, и ноги ее подкосились.

– Стой! – раздался чей-то голос, и Оксана, обернувшись, увидела еще одного солдата.

Отчего-то этот ей не показался страшным, тем более что это был один из их постояльцев. Волк же, услышав голос человека, оскалил зубы и зарычал.

– Порычи мне, падла, – пробормотал Дмитрий и сунул руку за пазуху.

Узнав, что в деревне пропал ребенок, штабс-капитан Гаупт тут же велел собирать охотников¹⁸ и решил лично возглавить поиски. Таковых вместе с деревенскими набралось почти четыре десятка человек. Проводником взялся быть Василь – звероватого вида угрюмый крестьянин, пришедший к месту сбора со своей собакой.

Все же, пока они собрались и подошли к лесу, уже начало темнеть. К тому же начал идти снег, быстро засыпавший следы. Однако люди были полны решимости спасти девочку и, запалив факелы, разбились цепью и решительно двинулись в чашу.

– Как думаешь, братец, – обратился к проводнику Гаупт, – успеем?

– Как бог даст, – буркнул в ответ Василь, – если мой Серко не оплошает, так сыщем, а нет...

Впрочем, долго искать им не пришлось, не успели они продвинуться слишком далеко, как навстречу им вышел запорошенный снегом Дмитрий, несший на себе Оксану.

– Живая? – встревоженно спросил штабс-капитан.

– Так точно, ваше благородие, – тяжело выдохнул солдат, – испугалась только сильно и замерзла.

– Ты тоже, наверное, озяб?

– Нет, я пока ее пер, даже взмок немного. Так вроде худющая, кожа да кости, в чем только душа держится, а вот поди ж ты!

– На-ка вот, братец, согрейся, – протянул ему флягу офицер.

Будищев немного удивился такой заботе, но отказываться не стал и охотно приложился к горлышку. Ароматная жидкость факельным шествием прошла по горлу и, провалившись внутрь, обожгла стенки желудка.

– Благодарствую, ваше благородие, хороший коньячок, – похвалил Будищев и протянул флягу обратно.

– Я тоже так думаю, – с иронией в голосе ответил Гаупт и улыбнулся в усы.

Тем временем к ним подбежал Охрим и, чуть не плача, бросился к дочери.

– Доню моя.

– Я тут, тату, – слабо улыбаясь, чуть слышно отвечала Оксана.

– Слышь, папаша, – обратился к нему Дмитрий, – надо бы девочку в тепло да водкой растереть или чем еще, а то заболит чего доброго. Так что двигаем назад!

– И то верно, – согласился с ним штабс-капитан и зычно крикнул: – Возвращаемся! Галеев, проследи, чтобы никто не отстал.

– Слушаю, ваше благородие, – гаркнул в ответ унтер и бросился выполнять распоряжение.

А к тяжело дышащему Будищеву подбежали приятели вольноперы с Федькой и бросились обнимать.

¹⁸ Охотник – здесь доброволец.

– Я знал, я верил, что вы хороший человек! – взволнованно повторял Лиховцев. – Эта ваша грубость и злоречивость это все внешнее, наносное...

– Да полно тебе, Алеша, – остановил его изливания Штерн, – ты ведь эдак задушишь нашего товарища!

– Ребята, пойдемте домой, а то так жрать хочется, что и переночевать негде, – усмехнулся Дмитрий горячности вчерашнего студента.

– И правда, давайте поторопимся, а в доме вы нам расскажете обо всех перипетиях этого приключения.

– Ну, кое-что я хотел бы сказать прямо сейчас, – улыбнулся Будищев. – Скажи мне, Коля, ты когда-нибудь видел, как волк смеется?

– Нет, а что вам встретился волк? – немного удивленно спросил Штерн.

– Вроде того.

– И что, он смеялся?

– Ржал во весь голос!

– Но почему?

– Да потому что, когда я попытался выстрелить из твоего револьвера, выяснилось, что он замерз к едрёной фене! Ты не представляешь, какое насмешливое выражение морды было у этого зверюги. Мой тебе совет, дружище, пользуйся в холодное время года зимней смазкой. Ну, или, по крайней мере, не наноси ее столь обильно.

– Но как же вам удалось спастись? – изумлению Лиховцева и Штерна не было предела.

– Как-как, волки вообще животные очень умные и без надобности на рожон не лезут. Я показал ему штык, а он с презрением посмотрел на меня и, отвернувшись, удалился.

Пока вольноперы охали и ахали, удивляясь похождениям своего товарища, Шматов шагал молча и счастливо улыбался. Он нисколько не сомневался, что его друг сможет выйти сухим из любой передраги, и был рад, что не ошибся.

Утром Будищев, как ни в чем не бывало, поднялся чуть свет, сделал зарядку, затем дважды обежал всю деревню, вызвав истерику у деревенских собак. Затем, обмотав руки тряпичками, принялся лупить импровизированную грушу. Наконец, утомившись, он умылся снегом и заскочил в хату. Федька и Николай еще дрыхли без задних ног, а Алексей со страдальческим выражением лица сидел на лавочке.

Вчера вечером расчувствовавшийся Охрим проявил настоящую щедрость: выставил на стол четверть невероятно мутного самогона и принялся потчевать своих постояльцев и главным образом, конечно, спасителя. Впрочем, балагуривший и веселящий других Дмитрий сам пил очень мало, но усиленно подливал всем остальным, включая хозяев. Кончилось всё тем, что и Явор, и вольноперы с Шматовым упали под стол в совершенно невменяемом состоянии.

– Что, Леша, головка бобо? – с участием спросил Дмитрий товарища.

Тот в ответ только махнул рукой, дескать, и не говори.

– Похмелись, там маленько осталось.

Лицо Лиховцева выразило такую гамму чувств от отвращения до ужаса, что Будищев только посмеялся, но больше предлагать выпить приятелю не стал.

– Митрий, – певуче протянула заглянувшая на их половину Ганна, – пособи мне.

– Что, помощник твой еще дрыхнет?

– Ага, как сурок, – улыбнулась женщина.

– А муж?

– А то ты не знаешь!

– Ладно пошли, а то от Лехинога вида самому можно позеленеть.

Помощь заключалась в том, что один мешок надо было передвинуть, другой переставить, но, в общем, сразу было понятно, что это лишь предлог.

– Спасибо тебе за Оксану – тихо промолвила Ганна, нервно теребя платок.

– Да не за что, – пожал плечами солдат, – тем более мне показалось, что вы не очень-то ладите.

– Глазастый, – покачала головой молодая женщина. – Нравная она, да и по матери тоскует, а меня сторонится. И Охрим через это злится. Случись с ней что, он бы меня со свету сжил.

– Надо бы и тебе ему ребенка родить, глядишь и полюбует.

– Надо бы, да с чего? Разве как Дева Мария, от духа святого...

Сказав это, Ганна подвинулась к нему вплотную и тяжело задышала. Дмитрий едва заметно улыбнулся, но отодвигаться не стал и только чуть язвительно спросил:

– А ты бы Федора пособить попросила, вон он вокруг тебя как вьется...

– Да на что он мне, – отмахнулась молодуха, – Федя еще парубок, а мне настоящий мужик нужен! Такой, как ты, сильный да смелый. Волка не побоялся, так что теперь робеешь?

Через некоторое время, едва отдышавшись, Ганна вскочила и принялась поправлять одежду. Делала она это настолько буднично и привычно, что Будищев почувствовал легкое раздражение.

– Послушай, подруга, – неожиданно спросил он, – а как так случилось, что тебя так долго дома не было, что Оксана из дому ушла, а ты и не знала?

– Чего это ты спросил? – подивилась женщина, повязывая на голову косынку. – Я к куме ходила.

– К куме или к куму?

На лице Ганны промелькнуло беспокойство, и она пристально взглянула Дмитрию в глаза.

– А тебе какое дело, ты мне что, муж?

Но тот уже понял, что его догадка верна, и, поднявшись, вышел вон из амбара.

Приближалось Рождество. После того как Будищев спас заблудившуюся в лесу девочку, отношения между солдатами и местными жителями постепенно наладились. Нет, они не стали дружескими, но перестали быть откровенно враждебными. Молодые женщины и девушки перестали шарахаться от москалей, а те, в свою очередь, прекратили задирать местных парней, провоцируя их на драку.

Полковник Буссе, узнав о совершенном его солдатом поступке, пришел в совершеннейший восторг и даже отметил его в приказе по полку. Кроме того, он наградил Дмитрия трехрублевой ассигнацией. Три рубля – деньги для солдата немалые. Однако и не сказать, чтобы большие. Тем более что следовало прикупить кое-какие мелочи, необходимые в быту и походе, а также «проставиться» перед товарищами. Все-таки подобные награждения происходят не каждый день, так что не грехи, а штоф водки, а лучше два, с приличной закуской, сослуживцам преподнеси. Все это, разумеется, лучше приобрести в городе. Потому как деревенским самогоном или, как его еще тут называют – горилкой, хорошо только тараканов травить.

Поэтому Будищев, отпросившись у ротного и прихватив с собой Шматова, отправился в Бердичев. Гулять, будучи солдатом, по городу, занятому воинской частью, то еще удовольствие. Во-первых, по тротуару ходить нельзя, только по дороге. Для других солдат, может, и привычно, что тротуар для господ, а Дмитрия это поначалу просто дико бесило. Во-вторых, кругом множество офицеров, и зазеваться с отданием чести никак нельзя. Тем паче что это офицеры твоего полка и с наказанием в случае оплошки проволоочки не будет. Ну и в-третьих, во всяком гарнизонном городе солдат – существо низшего сорта. К ним привыкли, на них уже почти не обращают внимания, но всякому известно, что солдат, может, и более ценен, чем нищий на паперти, но куда меньше, чем проститутка.

Первым делом друзья зашли в лавку Самюэля Шлагбаума, торгующего разной мелочевкой. Будищеву нужна была бритва, потому что отпускать бороду ему решительно не хотелось, а просить лишний раз Штерна тоже неудобно. Услышав, что им нужно, лавочник выложил перед солдатами несколько опасных бритв с заржавленными лезвиями, а одну даже с треснувшей ручкой.

– Вот видишь, Федя, – печально вздохнул Дмитрий, оглядев предложенный ему товар, – в какие ужасные времена мы живем! До чего нас довел кризис, даже у евреев нет денег, иначе разве бы это почтенный господин стал предлагать нам такую дрянь?

– Ну не скажите, господин солдат, – несколько смутился Самюэль, – эти, конечно, не столь хороши, но и не такая уж дрянь.

Не то чтобы еврейскому лавочнику стало стыдно, но бритвы действительно были нехороши, а «почтенным господином» его называли далеко не каждый день. Да что там, даже не каждый месяц!

– Вот есть недурной несессер, – выложил он перед Будищевым футляр из потертой кожи, в котором лежали бритва и помазок с чашкой. – Правда, он не дешев...

– Скажите, пан Шлагбаум, – улыбнулся солдат, – а разве я спрашивал у вас цену? Ну-ка, дайте посмотреть, что это за карманная гильотина...

– Господин солдат изволит шутить, – осклабился лавочник.

Но Дмитрий, не слушая его, внимательно осмотрел набор. На сей раз предлагаемая ему бритва была действительно неплоха, несмотря на более чем почтенный возраст.

– Посмотри, Федя, наверняка вот именно этим страшным орудием иудеи делают обрезание. Что, ты не знаешь, что такое обрезание? Ну, это вроде того, как у вас в деревне быков холостят, просто отрезают не так много!

– Послушайте, что вы такое говорите! Как вам не стыдно говорить про мой товар такие вещи?

– А вот посмотрите на эти следы, почтенный пан Шлагбаум, ведь это наверняка следы крови.

– И что с того? Разве вы не знали, что бреясь можно порезаться! Наверняка бывший владелец несессера так и сделал...

– Может быть, может быть... а может, эта кровь появилась после того, как прошлого собственника этой бритвы убили. Кстати, а как его звали?

– Какое это имеет значение? Послушайте, если вы не хотите ничего покупать, то зачем вы пришли к старому Шлагбауму! А если хотите, так для чего рассказываете эти ужасные вещи?

– Да что же вы так кипятитесь! Должен же я перед покупкой удостовериться, что вещь попала к вам честным путем? А вдруг с ней связан какой-то криминал, так хорош я буду, если ее найдут у меня!

– О господи! Ну, хорошо, прежнего владельца звали Косинским. Да, именно так, вот извольте видеть, остатки его монограммы – W и K. Владислав Косинский! Вы довольны теперь?

– Спокойствие, пан Шлагбаум! Только спокойствие! А сколько вы хотите за этот несессер?

– Три с половиной рубля!

– Вы зарезали господина Косинского за три рубля пятьдесят копеек?

– Да что же это такое! Послушайте, я не хочу вам ничего продавать. Уходите, пожалуйста, моя лавка на сегодня закрыта. А для солдат вообще навсегда! Уходите, а не то я позову городского!

– А в полиции знают, что вы торгуете вещами убитого Косинского?

– Да с чего вы взяли, что он убит? Он вполне жив и прекрасно себя чувствовал, по крайней мере еще вчера! А этот несессер и еще кое-какие вещи он сам принес мне под залог займа.

– А в полиции знают, что вы не просто лавочник, а еще и берете вещи под залог? А может, быть вы еще и краденое скупаете? Федя, пойдди, пожалуйста, позови городского...

– Что вы от меня хотите?

– От вас? Ничего! Просто я хочу купить эту бритву, но за более разумную цену. Скажем, семьдесят копеек. По рукам?

– Да вы с ума сошли! Минимум два рубля.

– Федя, ты только посмотри на этого человека. Он собирается сесть в тюрьму за рубль тридцать!

– Да почему же я должен сесть в тюрьму! Ведь Косинский жив и здоров...

– Что вы ко мне лезете со своим Косинским? Вы тут занимаетесь незаконным предпринимательством, а попутно еще и пытаетесь продать солдатам ржавые бритвы в надежде, что они порежутся и Российская империя останется без войск. Вы что, не знали, что если порезаться ржавой бритвой, так может случиться заражение крови?

– Послушайте, – вздохнул лавочник и выложил на стол еще одну бритву, – вот посмотрите, это очень хороший товар. Если вы пожелаете, я продам вам его за рубль. Нет, из уважения к государю-императору и его доблестной армии я продам вам ее за девяносто копеек. Только пообещайте, что вы больше не будете сюда приходить.

– Федя, посмотри и хорошенько запомни это место. Этой лавкой владеет почтенный господин Самюэль Шлагбаум, и это самый честный торговец в округе. Ты всегда должен приводить сюда всех знакомых солдат, потому что он хороший человек и нуждается в клиентах. Только из уважения к вам – восемьдесят копеек!

– Азохен вэй! Ладно, давайте свои восемьдесят копеек, а то ведь вы никогда не уйдете.

– Эх, пан Шлагбаум, вот умеете вы уговаривать! Все-таки есть у вашего народа коммерческая жилка.

– Конечно-конечно, вы пришли, рассказали мне какие-то страшные вещи, обвинили во всех смертных грехах и, можно сказать, ограбили, а теперь говорите, что у бедных евреев есть «коммерческая жилка»! Скажите, а это не вы искали родных человека по имени Марк Бернес?

– Нет, а кто это?

– О, не берите в голову! Не вы так не вы. Старый Шлагбаум не лезет в чужие дела и хочет лишь, чтобы его оставили в покое.

Алексей Лиховцев гулял по бердичевским улицам в самом прекрасном расположении духа, что случалось с ним не так часто. Он возвращался с почтамта, отправив письма своим родным и близким. Родственников у него было немного, только мать и младшая сестра – гимназистка. И надо сказать, что его решение уйти в армию было для них ударом. Разумеется, они вполне сочувствовали угнетаемым балканским славянам и были бы рады узнать об их освобождении, но вот к тому, что их любимый Лешенька вступит в ряды «освободителей», оказались решительно не готовы. Дело в том, что их финансовые дела находились в весьма плачевном состоянии и Алексей был единственной надеждой на исправление ситуации. То есть надо потерпеть совсем немножко, он окончит учебу в университете и сможет поступить на службу, после чего жизнь непременно наладится. Увы, вчерашний студент надел форму вольноопределяющегося и отправился на войну.

Елена – так звали сестру Лиховцева – горячо поддержала решение любимого брата, а вот мать... Евдокия Александровна едва не слегла от огорчения, но делать было нечего, и она благословила своего непутевого отпрыска на ратный подвиг. Теперь пользуясь всякой свободной минутой, он садился писать письма, в которых старался максимально подробно описывать свои будни, делая упор на то, что все это совершенно безопасно и потому родным не о чем беспокоиться. Другим адресатом для его писем была, конечно же, Софья. Любовь к этой необыкновенной девушке окрыляла Алексея, давала силы переносить любые тяготы и лишения и давала

смысл его существованию. Возможность писать ей была отдушиной для молодого человека, и он, конечно, пользовался ею. Однако делать это следовало, сохраняя известную осторожность. Помолвлены они не были, так что о чувствах было лучше умалчивать, ведь письма ненароком могли прочитать домашние Софьи Модестовны и бог знает что подумать. Но как удержать в себе рвущуюся наружу любовь? Хотя, кажется, на сей раз ему удалось найти слова, которыми получилось выразить свое состояние, оставшись при этом в рамках приличий, и Лиховцев, отправив свое послание, возвращался в приподнятом расположении духа.

Так он шел, улыбаясь своим мыслям, и машинально козыряя встречным офицерам, пока не заметил впереди двух солдат. Разумеется, это были солдаты его полка, других в Бердичеве просто не было, но всех их он конечно же не знал. Присмотревшись, Алексей понял, что это его приятели Дмитрий и Федор, с которыми он расстался еще утром. Шматов, у которого на спине висел довольно увесистый мешок, едва поспевал за решительно шагавшим Будищевым, а тот, казалось, не обращал ни малейшего внимания на неудобства своего товарища.

– Эй, погодите! – крикнул Лиховцев. – Я с вами.

Федя, увидев вольнопера, приветливо улыбнулся, а вот его спутник не выказал ни малейшей радости, как, впрочем, и неудовольствия.

– Ну что, отправил письма? – равнодушным голосом спросил он.

– Да, – просто ответил Алексей, поравнявшись. – А вы, я гляжу, с покупками?

– Ага, – словоохотливо отвечал Шматов, – тут и булки, и колбаса, и даже водка. Не знаю, правда, зачем их Граф набрал...

– А что такое?

– Да тут такое дело, взяли мы булку перекусить, разломил, а там таракан! Дмитрий такой шум поднял, хоть святых выноси.

– Темный ты человек, Федя, – вздохнул Будищев. – Ну, откуда в пекарне, да еще в еврейской, святые? Тем более если они булки с тараканами пекут.

– Так зачем ты их взял?

– Как зачем, давали – вот и взял.

– А если они тоже...

– Ой, ну мало ли, один раз обмишулились люди, с кем не бывает!

– А в колбасе...

– Так, Федор, хорош распотякивать! Еще чего доброго, господину студенту аппетит испортишь.

– А что в колбасе? – удивился Лиховцев.

– Поверь мне, Леша, есть вещи, которые лучше не знать!

– Да? А с водкой хоть все в порядке...

– За водку на этот раз пришлось заплатить. Но я работаю над этим.

– Простите, Дмитрий, но я решительно ничего не понимаю!

– И слава богу. Чем меньше людей знают про схему, тем больше она может принести прибыли.

– Послушай, Граф, – просительно протянул Шматов, – а давай пряников купим, ну хоть на пятак?

– На сладкое потянуло?

– Оксану угостим...

– Угу, и ее мачеху заодно.

– Да ладно тебе!

– Простите, Дмитрий, – вмешался Лиховцев, – мне отчего-то кажется, что вы стали хуже относиться к нашей милой хозяйке. Вам Ганна чем-то не нравится?

– А она не катеринка¹⁹, чтобы всем нравиться. Ладно, уговорил, черт языкатый! Вот тебе пятак, только в лавку сам сбегаешь, а то меня и так скоро весь Бердичев в лицо знать будет.

Закончив с делами в городе, солдаты отправились назад, в ставшую если не родной, то уж точно привычной, деревню. Хотя погода была безветренной, крепчавший мороз заставлял их поторапливаться, и не прошло и двух часов, как они прошли маршем добрый десяток верст. Семеновка встретила их запахом дыма и лаем собак, но приятели, не обращая внимания на деревенских кабыздохов, направились к своей хате. Охрима дома не было, Штерн заступил в караул, и только Ганна суетилась у печи. Было довольно жарко, и молодая женщина скинула верхнюю вышитую искусным узором сорочку, оставшись в одной нижней и юбке.

Ввалившиеся с холода солдаты остановились как громом пораженные, но та, не обращая на них ни малейшего внимания, продолжила заниматься своим делом. Федька, едва размотав башлык, так и остался бы глазеть на открытые, немного полные руки, выглядывавшие из разреза плечи и высокую грудь, которую почти не скрывала обтягивающая ее рубаха, но застеснявшийся Лиховцев ткнул его в бок, и солдаты принялись отряхивать друг друга от снега. Только Будищев, как ни в чем не бывало, скинул уже шинель и прошел в угол, где и устроился на лавке.

– Как погуляли? – поинтересовалась хозяйка.

– Хорошо, – отозвался Шматов, не отрывая от нее взгляд.

– Что нового в местечке?

– Стоит покуда... а ты, Аннушка, хлеб печешь?

– Так Рождество на носу. Будут люди колядовать, не отпускать же их с пустыми руками.

Из-за занавески, перегородившей комнату, выглянула Оксана и, узнав Дмитрия с товарищами, улыбнулась. Замерзнув в тот злополучный день в лесу, дочка Охрима простудилась и долго болела, но уже шла на поправку. Лечивший ее один из полковых врачей, Александр Соколов, даже разрешил своей юной пациентке ненадолго встать с постели.

– А мы тебе гостинца принесли! – воскликнул Федя.

– Какого гостинца? – воскликнула девочка с загоревшимися глазами.

– На-ка вот, – солдат протянул ей бумажный кулек с пряниками.

Оксана готова была с визгом кинуться к угощению, но, наткнувшись на взгляд мачехи, застеснялась и снова спряталась за занавеской.

– Куда ты, дуреха, – усмехнулась Ганна, – люди же с морозу, того и гляди опять застынешь. Ляг лучше.

– Хорошо, мамо, – послушно отозвалась девочка и скрылась с глаз.

Послышался стук отворяемой двери, и в хату вошел писарь Степка Погорелов. Надо сказать, визит его был изрядной неожиданностью. Ротный «грамотей» не без основания полагал Дмитрия угрозой своему привилегированному положению и потому недолго любил уметь читать и писать новобранца. И не подумав отряхнуть снег с сапог, он окинул взглядом присутствующих и, прочистив горло, удовлетворенно хмыкнул:

– Вернулись уже? Хорошо! Их благородие штабс-капитан Гаупт приказал Будищеву сей секунд к нему явиться.

– Раз приказал – явлюсь, – пожал плечами тот и не тронулся с места.

– Велено не мешкая! – попытался повысить голос писарь, но, встретившись с Будищевым глазами, осекся и замолчал. Затем мазнув липким взглядом по смутившейся хозяйке, не прощаясь, вышел.

¹⁹ Катеринка – просторечное название ассигнации с портретом Екатерины Великой, достоинством в сто рублей. Самая крупная купюра русского казначейства в то время.

После его ухода отогревшийся Дмитрий заглянул к Оксане и с удивлением увидел, что девочка от страха забилась под лоскутное одеяло и не высовывает оттуда и носа. Смутная догадка мелькнула в голове солдата, и он, присев рядом с больной, тихонько спросил:

– Это был он?

Испуганное личико выглянуло наружу, и девочка усиленно закивала. Будищев покачал головой в ответ, затем жестом фокусника вытянул непонятно откуда сахарный петушок на палочке и прошептал:

– Ничего не бойся!

– Послушайте, братцы, – спросил он товарищей, надевая шинель, – а отчего я на ротных учениях Погорелова никогда не видел?

– Так нестроевые же на них не ходят, – отозвался Лиховцев. – А что случилось?

– Да ничего пока не случилось, просто подумалось, что, когда мы учимся воинскому делу настоящим образом, эти обормоты бока по хатам греют.

– Как вы сказали? «Учимся воинскому делу настоящим образом»? – переспросил Алексей. – Неплохо сказано!

Однако Дмитрий не стал отвечать, а намотав башлык, стремительно вышел вон.

Гаупт с другими офицерами был расквартирован в так называемом господском доме. Принадлежал он здешнему помещику Сакулину и был, по сути, такой же хатой, как у прочих селян, только побольше и поприматнее. В обычное время там жил управляющий помещьем, а у самого господина Сакулина был дом в городе, откуда он лишь иногда заезжал посмотреть, как идут дела в имении. Половина господского дома была отведена под квартиры офицерам, а вторая стала чем-то вроде импровизированной канцелярии вкупе с кордегардией.

Поручик Венегер, вернувшийся из города в крайне рассеянном расположении духа, терзал струны гитары, что-то мурлыкая себе под нос. А Завадский с Гауптом играли в шахматы.

– Ах, господа, в какую же все-таки дыгу занесло нас! – воскликнул поручик, отставив с досадой в сторону инструмент.

– Что-то случилось, Николай Августович? – удивленно приподнял бровь штабс-капитан.

– Ничего не случилось, говным счетом, ничего! И так с самого нашего пгибытия. Всегда считал Гыбинск ужасно тихим и пговинциальным, а теперь, не повегите, даже скучаю!

– Да уж, раньше вы его не жаловали.

– Пгосто я не был знаком с Бегдичевым! Это же пгосто ужас какой-то, одни сыны Изгаиля кругом. Пгиличного общества – нет! Дам достойных хоть какого-нибудь упоминания – нет! Да что там, богдедя погядочного – и того нет!

– Напрасно вы так, – застенчиво улыбнулся Завадский, – я давеча встретил в кондитерской одну премилую особу.

– Могу себе представить! – фыркнул Венегер. – Какая-нибудь Сага Зильбегштейн!

– А вот и нет, прекрасную пани звали Катажиной Новицкой!

– Полячка? Одобгяю, молодой человек, среди них иной газ попадаются такие... огонь! Кстати, я не ослышался, вы пгеодолели пригодную застенчивость и пгедставились?

– Ну что вы, – смутился подпоручик, – я просто слышал, как ее назвал приказчик в лавке.

– О боже! – картинно закатил глаза Венегер. – Сказано «багышня», ну как я мог так хорошо о вас подумать!

– Кстати, Сергей Александрович, вам мат, – объявил Гаупт после очередного хода, – еще партию?

– О, нет, увольте, вы достаточно меня сегодня разгромили.

– А вы, Николай Августович?

– Нет, мон шег, я, ггешным делом, недолюбливаю эту иггу. Есть только две вещи, достойные офицега: кагты и женщины! Женщин, как я уже упоминал, здесь нет, а в карты иггать тоже не с кем... может вольноперов позвать?

- Боюсь, я не могу одобрить подобного.
- Тогда, может быть, вы не станете возгажать, если я завтра навещу наших соседей? Мы гаспимем великолепную пульку!
- Извольте, – пожал плечами штабс-капитан и, накинув на плечи мундир, вышел в смежную комнату. Там, у жарко натопленной печи отогревались только что сменившиеся караульные. Увидев офицера, они вскочили, но Гаупт только помахал рукой, сидите, мол.
- Это хорошо, что вы здесь, Штерн, – обратился он к вольноопределяющемуся, – подойдите, я хотел поговорить с вами.
- Слушаю вас, ваше благородие.
- Что вы можете сказать о Будищеве?
- О Будищеве? Ничего, а отчего вы спрашиваете?
- Так уж и ничего?
- Ну, солдат как солдат...
- Кинувшийся спасать деревенскую девчонку?
- Говоря по правде, господин штабс-капитан...
- Я же говорил вам, что вне строя вы может звать меня по-прежнему.
- ...хорошо, Владимир Васильевич, дело в том, что меня это тоже удивило. Человек он не злой, но сентиментальным или добросердечным его назвать трудно. Тем не менее он отправился на ее поиски не задумываясь!
- А вы видели, как он занимается гимнастикой?
- Конечно, как и все. Поначалу его упражнения вызывали всеобщий интерес, но потом все привыкли. Но почему вас это заинтересовало?
- Да так просто. Кстати, знаете, как называется это упражнение, когда человек подтягивается на перекладине, а потом переворачивается через нее?
- Кажется, он называл это подъем-переворот.
- Вот-вот, и практикуют его в германской армии.
- Вы полагаете, он шпион?
- Нет, конечно. Какой военный секрет можно выведать, став солдатом нашего, богом спасаемого сто тридцать восьмого полка?
- Это точно, – улыбнулся Штерн.
- Скажите, а это правда, что он побочный сын Блудова?
- По крайней мере, деревенские, по словам дядюшки, были в этом уверены.
- Что же, это могло бы объяснить многие странности в его поведении. Не чувствуется в нем ни крестьянин, ни бывший дворовый.
- У вас какие-то виды на него?
- Думаю все же перевести его в писари. Терпеть прежнего больше нет никаких сил. Вы же с Лиховцевым от бумажной службы бежите как черт от ладана. Так что, полагаю, легче будет подтянуть правописание у Будищева, нежели добиться способности мыслить от Погорелова.
- Ну, за этим дело не станет.
- Вы, думаете?
- Некоторым образом – знаю! Дело в том, что Лиховец каждый день занимается с ним и, по-моему, добился немалых успехов.
- А вот это – прекрасная новость! Если этот солдат научится грамотно писать, то лучшего и желать нельзя. Кстати, не пишут ли вам Батовские?
- Вы, вероятно, спрашиваете о Софи?
- И о ней тоже.
- Пишет, но нельзя сказать, чтобы слишком часто.
- А Лиховцеву?
- Еще реже.

- Понимаю, ну что же, будете писать в ответ, кланяйтесь от меня.
- Не премину.

В этот момент снаружи раздался шум, и в кордегардию ворвался ефрейтор Хитров. Вид у него был слегка ошалелый, но вместе с тем немного радостный.

- Так что, ваше благородие, – тяжело дыша, отрапортовал он, – происшествие у нас!
- Что случилось?
- Будищев Погорелова убил!
- Как убил?
- Не совсем убил, но собирался!
- Ничего не понимаю, ты говори толком...
- Докладываю, ваше благородие. Погорелов нынче ходил...
- Знаю, я сам его посылал.

– Так вот, а Будищев-то сразу исполнять не поторопился, а когда тот ему замечание сделал, так он драться кинулся. Насилу разняли!

- Так кто зачинщик?
- Будищев, конечно!
- Осмелюсь доложить, – вмешался Штерн, – но если действительно случилась драка, Будищев бы писаря на кулак намотал.

- Ладно, разберемся, – решительно ответил штабс-капитан. – Тащите обоих сюда!
- Слушаю!

Через несколько минут оба солдата стояли навтыяжку перед командиром роты. Только Погорелов шмыгал разбитым носом и опасливо косился на своего соседа. Тот же стоял совершенно невозмутимо, как будто случившееся его совершенно не касается.

- Говори, – велел Гаупт писарю.
- Так что, ваше благородие, – начал плаксивым голосом докладывать Погорелов, – Будищев на меня ни за что, ни про что напал и малым делом не убил! Зверь какой-то, а не человек.
- А ты что скажешь?
- Не было этого, ваше благородие, – пожал плечами Дмитрий, – разок по физии я ему, конечно, дал, а вот чтобы убить, это он придумал.

- А по физии за что?
- Он знает.
- Знает? Прекрасно, я тоже хочу знать.
- Не знаю я ничего, – завыл Погорелов, – он на меня как петух налетел...
- Слышь, убогий, – дернулся в ответ Будищев, – я тебя сейчас самого петухом сделаю!
- Вот видите, ваше благородие!
- Из-за бабы, что ли, повздорили? – поморщился штабс-капитан.

Услышав вопрос офицера, писарь вздрогнул, но отвечать ничего не стал, а Дмитрий просто повел плечами, что можно было толковать и так и эдак. Реакция обоих подчиненных не укрылась от Гаупта, и он решил, что дознался до истины. Впрочем, большой беды в произошедшем он не увидел. Дело житейское. Наказать, конечно, следовало обоим, но за этим дело не стало.

- Обоим под ружье, на час!
- Ваше благородие, – взмолился, услышав приговор, Погорелов, – явите божескую милость, не ставьте с ним рядом под ружье, он ведь пырнет меня, ирод!
- Он может! – подтвердил Хитров, преданно глядя на командира роты.
- А вот чтобы подобного не случилось, ты за ними и присмотришь, – бессердечно улыбнулся Гаупт и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

На лице ефрейтора явственно читалось: «а меня за что?», но возражать он не посмел и только гаркнул, приложив ладонь к козырьку кепи:

– Слушаю!

Через несколько минут оба нарушителя дисциплины стояли навтыжку с винтовками на плечах, а рядом с ними топтался незадачливый командир звена.

– Чтобы вас!.. – замысловато выругался он, постукивая ногами в сапогах одну об другую.

– Так точно, – еще больше вытянулся Будищев, заставив тем самым вздрогнуть незадачливого писаря.

– Господин ефрейтор, не уходите, – жалобно попросил Погорелов, – ить убьёт!

– Так тебе и надо! Не смог ротного разжалобить, так стой теперь.

– Что тут у вас за кабак? – раздался совсем рядом зычный бас, и Хитров, резко обернувшись, увидел подошедшего Галеева.

– Да вот... – помялся он, – драку учинили...

– А ты, значит, ни хрена лучше придумать не смог, как к ротному с этой ерундой побежать?

– Так ить, господин старший унтер-офицер, я думал, что он Погорелова-то до смерти убил! Он же весь в кровище был...

– Думал он, – с досадой перебил его командир отделения, – а того ты не подумал, что господ офицеров по пустякам тревожить не надо? На это унтера есть, фельдфебели... что, первый год служишь?

– Никак нет! Только он ведь – писарь, все одно бы дознались...

– С чего бы это? Мало ли на какой косяк он рылом напоролся! Ладно, хрен с тобой, мерзни теперь вместе с ними.

Пока унтер с ефрейтором, отойдя чуть в сторону, таким образом беседовали, Будищев подмигнул писарю и прошептал:

– Не бойся, я штык марать не стану, я тебе горло перегрызу, а всем скажу, что это волки!

Тот в ответ только обреченно посмотрел на своего мучителя, но, не решившись ничего ответить, продолжал стоять. Час – не бог вещь какое время для наказания, однако на морозе мало провинившимся не показалось, а потому, когда время вышло, все вздохнули с облегчением. Писарь с Хитровым направились к господскому дому, а Галеев с Будищевым пошагали к хате Явора.

– В городе-то был? – спросил унтер, зябко поведя плечами.

– Ага.

– Все взял?

– Обижаете, господин унтер!

– Какая нелегкая тебя угораздила с этим слизняком связаться?

– Не поверишь, он сам полез.

– Да ну!

– В том-то и дело. Я ему просто посоветовал рядом с нашей хатой поменьше ходить, а он с размаху мне как... едва увернулся!

– Да, хорош бы ты был, если тебе Степка зафинтил, – засмеялся Северьян. – А ты что же?

– Ну, а я не промазал, так он, паскуда, орать начал, как потерпевший!

– Понятно. А от чего ты его отвадить хотел? Нешто он на вашу хозяйку глаз положил?

– Типа того, – помрачнел Дмитрий.

В жарко натопленной хате их уже заждались. В гости к ее обитателям заявились дядька Никифоров и еще пара унтеров, приглашенных по случаю «проставы». Накрытый стол ломился от яств, но начинать без Будищева и Галеева было не с руки, и гости стойко терпели, сглатывая слюну.

– Где вы столько пропадали? – встревоженно спросил Лиховцев.

– Свежим воздухом дышали.

– А ротный зачем вызывал?

– Да ты знаешь, Леша, мы так толком и не поговорили...

– Ну, это не секрет, – пробасил Галеев, – их благородие хотел тебя в писарчуки перевести.

Да только вишь, как неловко вышло...

– А Погорелова куда?

– А ты думаешь, почему он так злобится? – вопросом на вопрос ответил унтер. – Ладно, бог с ними, скажите лучше, наливать нам сегодня будут? А то я озяб чего-то!

Перед собравшимися тут же появился запотевший от мороза штоф полугара²⁰, вызвав у них гул одобрительных возгласов. Содержимое было немедленно разлито по чаркам, разобрав которые все вопросительно взглянули на Будищева с Галеевым.

– Ну чего, скажите что-нибудь občеству, – хмыкнул Никифоров.

– Почему бы и не сказать, – пробасил командир отделения. – Митька у нас солдат справный и, самое главное, бедовый! На таких все и держится, они шилом бреются, дымом греются, ну и своего при случае не упустят, это уж как водится. Еще года не прослужил, а его уже полковник отметил да наградил. И я ни в жизнь не поверю, что этот стол всего на три рубля накрыт. Так что давайте выпьем, дай бог, не по последней!

Служивые с удовольствием выпили и тут же закусили ядрено пахнущей чесноком колбасой и нежными белыми булками. Затем еще по одной, и еще...

Охрим, которого тоже пригласили, выпив немного, отошел от своей обычной угрюмости и, что-то бубня, рассказывал то Шматову, то дядьке Никифорову. Федька, почти не слушая его, смотрел влюбленными глазами на сновашшую кругом, принарядившуюся для такого случая Ганну.

Молодая женщина, почувствовав повышенное внимание к себе, покраснелась, похорошела и усиленно потчевала дорогих гостей, не забывая улыбаться.

– Кушайте, прошу пана, сегодня же свято!²¹

Дмитрий же, сам выпив всего ничего, подливал другим, говорил тосты, подшучивал над собравшимися, а потом тихо вышел на хозяйскую половину и заглянул за занавеску к Оксане. Девочка, свернувшись калачиком на своем топчане, крепко спала, не обращая внимания на шум. Какое-то время он печально смотрел на нее, а затем обернулся на скрипнувшую половицу и увидел ее мачеху. Та пьяно улыбнулась и, покачав головой, заговорила:

– Ой, не разумею я тебя, москаль, хитрый ты или глупый?

– Глупый, наверное, – пожал плечами тот.

– Она долго спать не хотела, все тебя ждала да беспокоилась отчего-то.

– Пусть спит, ей полезно.

– Не была бы хворой, побежала бы с подружками колядовать, а так что же.

– Ничего, какие ее годы, наколядуется еще.

– Ты на нее глаз положил, что ли?

– Дура ты, Аня!

– Может, я разумом и не дюже богата, а глаза у меня есть!

– Да не поймешь ты.

– А ты Расскажи, может, и сразу же.

– Я в детдоме вырос, в приюте по-вашему. Там у нас девочка одна была. Не сказать, чтобы сильно похожа, но вот глаза – ну точно такие же у Оксанки вашей.

– Так ты сирота!

– Да почему сирота... просто родители пили. Дома жрать нечего было, вот я по улицам да по рынкам и шарился. Воровать стыдно, так я истории жалостные людям рассказывал, они меня и кормили. Потом инспекторам попался, они меня в детдом и определили.

²⁰ Полугар – сорт водки.

²¹ Свято – праздник (укр.).

- Нешто так бывает, чтобы при живых родителях?
- Всяко бывает, Аннушка.
- А что с той дивчиной?
- Какой дивчиной... а, с этой... да ничего хорошего. Под колеса попала...
- Как под колеса?
- Ну, лихач по дороге летел, да и сбил насмерть.
- Ой, лишенько!
- Вот такие дела. Ладно, иди к гостям, а то Охрим и так уже, наверное, косяка давит.
- Та, нашел лихо! Он как выпьет – ничего не помнит да ничего не знает, кроме этой проклятушей горилки.

Штаб Болховского полка, расположившийся в здании городской управы славного города Бердичева, в будние дни представлял собой нечто среднее между присутственным местом и ярмаркой. Множество людей – офицеры, чиновники, местные купцы и бог знает кто еще – сновали туда-сюда по коридорам, громко разговаривали, торговались, спорили, а бывало и переходили на площадную брань. Как известно, армия в России большая, солдат в ней много, а каждого нужно одеть, обуть, накормить, а все это стоит денег. И у бердичевских коммерсантов таки было что предложить и по хорошей цене, вот просто, ей-богу, вы нигде дешевле не купите! Однако известно также, что интендантские чиновники просто славятся своей скаредностью и так и норовят снарядить всем необходимым служивых без убытка для казны. То есть – даром! А где вы такое видели, чтобы купцы торговали себе в убыток? Нет, они, конечно, патриоты и во всех церквях, костелах и особенно синагогах днем и ночью молятся о здравии государя-императора, но надо же и совесть иметь!

Вот очередной негоциант, горестно вздыхая, спустился по лестнице, подсчитывая при этом в уме прибыль. Нет, вы не ослышались, он действительно считает доходы, но лицо у него при этом такое, будто уже целый год не имеет ничего кроме убытков и вот-вот пойдет по миру. Едва его ноги оказываются на земле, как рядом остановилась пролетка и разбитной извозчик-поляк, подобострастно улыбаясь, спросил:

- Куда угодно почтенному пану?
- Почтенному пану угодно идти домой пешком, – сухо ответил коммерсант и продолжил движение.

– Ваше степенство, – не отступает извозчик, – да разве же можно, по такой погоде идти домой пешком! Да вы же непременно промочите ноги и, чего доброго, простудитесь. А я бы вашу милость со всем уважением довел и всего-то за пару злотых²². Просто как какого-нибудь князя!

– Разбойник! – останавливается купец, изумленный наглостью извозчика. – Да как у тебя язык повернулся назначить такую несусветную цену! Если ты хочешь знать, я за десять злотых купил вот эти галоши, и теперь мои ноги ни за что не промокнули. Два злотых! Да мне идти-то всего ничего, а этот негодяй...

За их перепалкой с интересом наблюдают два солдата, сидящие в санях. Они прибыли за какой-то надобностью со своим фельдфебелем. Но их начальник ушел в штаб и пока не появился, а Шматову с Будищевым скучно, и они рады любому развлечению, хотя польская речь не очень понятна для их слуха.

После Рождества морозы спали, но никакой слякоти на улицах города не наблюдается, так что промочить ноги старому еврею вряд ли грозит. Повздыхав и ругнув про себя несговорчивого клиента, извозчик отъехал в сторону и принялся набивать трубку. Ничего страшного, место тут бойкое, найдутся еще пассажиры.

²² Хотя злотые уже не имели хождения, поляки по привычке переводили цены в них. 1 злотый = 15 копеек.

– Ишь ты, табачком балуется, – завистливо сказал Федька, глядя на манипуляции поляка. – Хорошо тебе, Граф, ты не куришь, а у меня уши скоро опухнут.

– Курить вредно, – меланхолично ответил ему Дмитрий.

– Ага, ты давеча это и про водку говорил, но пить ее что-то не прекращаешь!

– Ты не путай, выпить у нас, дай бог, раз в месяц выходит, а «козью ножку»²³ ты готов одну за другой смолить. Задымил нафиг!

– Дохтура сказывают, что табачный дым болезни отгоняет, – не совсем уверенно возразил ему Шматов.

– От твоего самосада даже тараканы дохнут.

Пока они говорили, извозчик закончил набивать трубку и потянулся за спичками. Но в коробке оказалась всего одна спичка, да и та, вспыхнув белым пламенем, тут же потухла.

– Вот холера! – чертыхнулся поляк и с надеждой оглянулся кругом. Увы, кроме двух москалей рядом никого не было. Можно было, конечно, отлучиться в лавку, но вдруг в этот момент случится клиент? В другой раз он, возможно, не стал бы и разговаривать с ними, но очень уж захотелось курить.

– Пшиячеле, машь запаувки? – спросил он у Шматова.

– Чегось? – не понял вопроса солдат.

– Огоньку просит, – усмехнувшись, пояснил ему Будищев.

– Так ест, огонь, – закивал головой извозчик.

– Есть, как не быть, – отвечал Федька и полез в карман за огнивом.

Меньше чем через минуту он высек кремнем искру и, раздув трут, протянул его обалдевшему от подобной архаики поляку. Тем не менее старый способ оказался вполне надежным, и прикурить получилось.

– Дзенькуе, – поблагодарил извозчик затягиваясь.

– Спасибо много, – заявил ему в ответ Дмитрий, – лучше угости табачком этого малахольного. Да не тушуйся, я не курящий, а ему много не надо.

– Прошу пана, – засуетился поляк, оскорбившийся намеком солдата на жадность, – тше-стуйше.

– Вот спасибо, – обрадованно взялся за кiset Шматов и отсыпал себе ароматного табака на ладонь. – Спаси тебя Христос, добрый человек. А то ведь кой день с куревом бедствую.

– Веж ещтце, не вахайще.

– Что, не сговорился с пассажиром? – поинтересовался Дмитрий, пока обрадованный Федька отсыпал себе в кiset свалившееся на него богатство.

– Так быва. То есть богаты, но бардзо скупы жид. – Пожал тот плечами и представился: – Мое име Ян. Ян Квинта.

– О как, а на трубе ты не играешь?

– Не, я не ест музыкем²⁴, – удивился их новый знакомый.

В этот момент из управы вышел офицер, и извозчик тут же развернул к нему свой экипаж, потеряв всякий интерес к своим собеседникам. На этот раз клиент оказался сговорчивым, и Квинта с шиком покатыл его мимо вытянувшихся во фронт солдат.

– Граф, а чего это пшек сказал, что он не мужик?

– Что? А вон ты про что. Нет, он сказал, что не музыкант.

– А про какую трубу ты его спрашивал?

– Да так, не бери в голову. Табачком-то разжился?

– Ага!

²³ *Козья ножка* – просторечное название самокрутки.

²⁴ *Поляк сказал:*– Друг, у тебя есть спички?– Да, закурить.– Спасибо.– Пожалуйста, господа, угощайтесь.– Берите еще, не стесняйтесь.– Так бывает. Это богатый, но очень скупой еврей. Мое имя Ян. Ян Квинта.– Нет, я не музыкант.

– А чего сам не попросил?

– Да я...

Между тем старый еврей, которого так неудачно пытался подвезти Ян Квинта, продолжал идти к дому, стараясь не поскользнуться. Говоря по правде, он уже жалел, что отказался от услуг извозчика, но уж больно его задела наглость поляка. Начнись торг хотя бы с двадцати копеек, он легко бы сбил цену вполовину и уже, наверное, подъезжал бы к дому, но два злотых! Куда только катится этот мир?

– Пан Борух, это вы? – отвлек его от размышлений чей-то тонкий голос. – Здравствуйте!

– Что такое? – удивленно переспросил коммерсант, увидев перед собой хрупкую девушку в старом тёмно-сером пальто и такой же невзрачной шляпке. – Простите, пани, не имею чести вас...

– Да как же, пан Борух, я же Геся. Геся Барнес!

– Геся... Подожди-ка, да ведь ты, верно, дочка пани Ребекки Барнес?

– Ну, конечно.

– Ой вэй, сколько лет, сколько зим! Я ведь не видел ни тебя, ни твоей достопочтенной матушки с тех пор, как вы уехали. С тех пор маленькая Геся выросла и стала настоящей красавицей, а ведь казалось, что прошло не так уж много времени. Кстати, как поживает твоя матушка?

– Увы, достопочтенный пан Борух, мама умерла еще полгода назад.

– Какая ужасная новость! Мне так жаль, но скажи мне, девочка, что ты делаешь здесь одна?

– Так уж случилось, что мне пришлось покинуть наше местечко и вернуться в Бердичев.

– Одной?

– Ну да, у меня ведь больше никого нет.

– Подожди-ка, а разве в вашем местечке не было синагоги? А может, там нет ни одного ребе и совсем-совсем нет общины, чтобы позаботиться о бедной сироте? Как же они отпустили тебя одну!

– Простите, пан Борух, – закусила губу девушка, – но как раз от их забот я и уехала.

– Уехала от забот? Ну, конечно, дела у вас, судя по всему, шли не важно, а когда пани Ребекка покинула этот мир, то ты осталась бесприданницей. Так ведь?

Ответом старому негодянту был только кивок, а он, переведя дух, продолжал:

– И тогда кагал²⁵ решил найти тебе мужа?

На этот раз не последовало даже кивка, но старик был опытен и даже где-то мудр, а потому понял все сразу.

– И тот, кого выбрали старейшины, не пришелся тебе по вкусу? Ну, конечно, вряд ли они выбрали жгучего красавца с приличным капиталом и москательной лавкой в придачу. Девочка моя, но в том ли ты положении, чтобы перебирать?

– Простите, пан Борух, – закусила губу девушка, – но я не хочу связывать свою судьбу с этим дурачком Моше, только от того, что так решила община.

– Ой вэй, но что же ты будешь делать?

– Пан Борух, – решила наконец Геся, – я знаю, вы добрый человек, и вас, наверное, послал на эту улицу сам Господь. Вы не могли бы мне помочь?

– Тебе нужны деньги? – понимающе кивнул старик.

– Нет, – вспыхнула девушка, – мне нужна работа!

– Что?!

– Мне нужна работа. Я готова делать что угодно. Стирать, мыть полы, ухаживать за больными. Просто я хочу заработать себе на жизнь.

²⁵ Кагал – здесь еврейская община.

– Вот оно что. Но что ты умеешь делать?

– Я же сказала...

– Нет, ты сказала, на что ты готова, но вот что ты умеешь? Ты очень молода и хороша собой, тебя могли бы взять служанкой в хороший дом или, может быть, даже гувернанткой, но справишься ли ты?

– Чтобы стать гувернанткой, нужны рекомендации, – тихо проронила Геся и потупила взгляд.

– Азохен вэй! – вскипел старый еврей. – Да рекомендации еще далеко не все! Нужно быть хорошо одетой, нужно уметь вести себя в приличном обществе. Нужно, наконец, что-то знать самой, чтобы учить этому детей. У тебя есть образование?

– Нет, конечно, но матушка, пока была жива, занималась со мной. Я умею писать и считать, говорю по-немецки, по-польски, по-русски и немного по-французски. Еще я умею шить...

– Так, гувернантки из тебя точно не выйдет. Служанкой еще можно, но у нас тут не Варшава и даже не Киев.

– Я хочу пока остаться в Бердичеве.

– Почему?

– Я надеюсь, что мой брат когда-нибудь вернется.

– Твой брат? Ах, да, бедняга Марк. Ты так думаешь, он еще жив?

– Я надеюсь.

– Ну, хорошо. Ты сказала, что можешь шить. Я могу поговорить с пани Резенфельд о тебе. Если ты и вправду умеешь, то она, может быть, возьмет тебя портнихой. Глядишь, если повезет, станешь со временем модисткой.

– О, благодарю вас, пан Борух! – пылко вскричала девушка, но старик остановил ее:

– Не стоит, девочка моя. Скажи лучше, где ты остановилась?

– Сняла угол у пана Вулфовица.

– У трактирщика! Азохен вэй, а может, ты хочешь быть совсем не портнихой? Тогда тебе нужно к мадам Цукерман, но тут, прости, я не смогу составить тебе протекцию...

– Что вы такое говорите! – оскорбилась Геся.

– Вот что, девочка, – не обращая внимания на ее возмущение, продолжал старик. – Мы сейчас же отправимся к пану Вулфовицу и заберем твои вещи. Сегодня ты переночуешь у меня, а завтра мы отправимся к пани Резенфельд. Я уже не молод, сын мой в отъезде, так что твоей репутации ничего угрожать не будет, хотя какая может быть репутация у девушки, сбежавшей из дому. Ничего не желаю слышать!

– Я не хочу обременять вас, – пролепетала Геся, но пан Борух уже поднял руку и заголосил на всю улицу:

– Извозчик!! Да что же это такое, когда в них нет надобности – кишат просто как тараканы, а вот если позарез необходимы – так нет ни одного!

Из-за скандала, приключившегося перед самым Рождеством, Гаупт пока не стал назначать Будищева писарем, а позже у него выявились и иные таланты, так что совсем было скисший Погорелов вздохнул немного свободнее. Во-первых, пришел приказ усилить стрелковую подготовку перед ожидаемым смотром. После того, как были выделены необходимые огнеприпасы, штабс-капитан зачастил вместе с подчиненными на стрельбище, и тут выяснилось, что Дмитрий недурно стреляет. Поначалу ему не очень получалось определять расстояние, указанное на прицеле в шагах, но скоро он приноровился и стал одним из лучших стрелков в роте.

Во-вторых, однажды его вместе с неразлучным Шматовым послали получать казенное имущество. Не одних, конечно, а под началом Фищенко. Что там приключилось, никто доподлинно не знал, но только фельдфебель после этого заявил, что впредь будет брать с собой только Будищева. Штабс-капитан сначала хотел спросить «отчего так?», – но, глянув на довольную рожу сверхсрочника, сам все понял.

Время для занятых службой солдат летело совершенно незаметно. Не успели оглянуться, как миновал январь, а за ним и февраль. Холода сменяли оттепели, затем иной раз снова ударили ненадолго морозы, но приближение весны чувствовалось по всему. Но главным ее проявлением, к сожалению, была совершенно непролазная грязь.

Тринадцатого марта свершилось событие, которого долго ждали. Для проведения торжественного смотра в Бердичев прибыл его императорское высочество великий князь Николай Николаевич. Младший брат государя был назначен главнокомандующим действующей армией и теперь объезжал вверенные ему части.

Рота Гаупта выступила из Семеновки рано утром, когда дорога была еще скована ночным морозом, так что до Бердичева они добрались благополучно. Но затем стало пригревать уже повесенному теплое солнышко, и земля принялась оттаивать. Так что когда перед выстроенным полком появился экипаж главкома, вокруг была уже непролазная грязь.

Поговаривали, что Николай Николаевич был не здоров и именно поэтому показался перед войсками в коляске, а не как обычно – верхом. Но, скорее всего, ему просто не хотелось испачкаться. Объехав полк, великий князь остался доволен и велел офицерам подойти к нему поближе. Те немедленно бросились выполнять приказ и оставили солдат с унтерами одних.

– Глянь, как почесали, – шепнул Будищев, показывая глазами Лиховцеву на торопящихся офицеров их роты.

– Умоляю, перестань! – не разжимая губ, взмолился Алексей, зная манеру своего товарища все вышучивать, самому оставаясь невозмутимым.

Главком тем временем обратился к собравшимся с кратким напутствием. Похоже, он действительно не совсем оправился от болезни, а может, просто устал, во всяком случае, голос его был тускл и невыразителен.

– Я надеюсь, что когда вас призову, вы и в деле окажетесь такими молодцами, а где и когда, я и сам не знаю²⁶.

Господа-офицеры сочли этот спич похвалой и закричали: «ура!» А через секунду к ним присоединился и весь полк.

– Походу, нам речь не толкнут, – заметил Дмитрий, но его товарищи в этот момент громко приветствовали своего главнокомандующего и не расслышали.

Вернувшись к ротам, офицеры встали во главе их, и тогда полковник Буссе принялся командовать:

– К церемониальному маршу, поротно, шагом арш!

Ничто так не улаживает сердце воинского начальника в России, как торжественный марш подчиненных ему войск. Мерная поступь солдат, заставляющая дрожать землю, наполняет его гордостью, а безукоризненно ровные колонны радуют глаз. Болховцы, конечно, оправдали надежды великого князя и прошли просто образцово. Но боже, что это был за марш! Если первая рота шла еще по более-менее крепкой земле, то следующие за ней так ее размесили, что вторая рота шла уже по щиколотку, а третья – по колено в грязи. Тем не менее полк шел бодро и молодецкато, разбрызгивая сапогами жидкую землю, так что даже великий князь нашел в себе силы улыбнуться и милостиво кивнуть своим чудо-богатырям.

В конце колонны двигалось несколько обозных транспортов, и в том числе лазаретная линейка, рядом с которой невозмутимо гарцевал верхом полковой священник отец Григорий. Вид у батюшки при этом был такой бравый, что Николай Николаевич удостоил его отдельной похвалы.

Едва последовала команда «стой!», Будищев огляделся и едва не фыркнул от смеха. От блестящего вида солдат, какими они явились на смотр, мало что осталось. Он и его товарищи

²⁶ Подлинная речь великого князя Николая Николаевича перед 138-м полком.

были с головы до ног забрызганы грязью, так что казалось, идут не военные, а какие-то ожившие глиняные статуи. «Големы», вспомнил он их название.

– Шматов, етить тебя через коромысло! – раздалась ругань Хитрова. – А где твои сапоги?

– Соскочили, господин ефрейтор, – отрапортовал в ответ незадачливый Федька²⁷.

– Голова у тебя не отскочила?

– Никак нет!

– Эхма, – с горечью протянул Дмитрий, – такую возможность войну выиграть упустили!

– О чем ты? – удивленно спросил его Алексей.

– Если бы турки нас сейчас увидели, то либо от страха разбежались, либо от смеха померли, – под всеобщие смешки ответил ему приятель.

– Разговорчики, – раздался грозный рык фельдфебеля, и все стихло, только смешливый Штерн продолжал беззвучно хохотать.

Интересные события в таком захолустье, как Бердичев, происходят далеко не каждый день. Поэтому торжественный смотр, проводимый великим князем, вызвал немалый интерес во всех слоях здешнего общества. Крыши всех близлежащих домов были просто усеяны местными жителями, в основном, конечно, мальчишками. Однако и более солидные люди проявили вполне извинительное в данном случае любопытство и рассматривали происходящее из окон или экипажей, чтобы потом еще долго обсуждать увиденное.

В трактире пана Соломона тоже все разговоры вертелись вокруг смотра и приезда великого князя. Завсегдатаи горячо обсуждали увиденное, и гадали, к чему это может привести. Все присутствующие сходились во мнении, что будет война, и расходились лишь в том, примут ли в ней участие великие державы.

– Точно вам говорю, что в военные действия непременно вступит Италия! – разорвался один низкорослый тип, все лицо которого сплошь заросло черными курчавыми волосами.

– Зачем это макаронникам? – пожимал плечами другой. – Вот Австро-Венгрия, это – да!

– Да за тем, что Кавур – это голова!

– А Андраши, по-вашему, это не голова?

– Тьфу на вашего Андраши и на Франца-Иосифа вместе с ним!

– Чего это он мой? К тому же ваш Виктор-Эммануил ничуть не лучше!

Пан Соломон обычно любил такие разговоры, но сейчас отмалчивался. К тому же в его заведение заглянул сам пан Борух, а таких гостей он всегда обслуживал сам. Сказать по правде, такому солидному господину, как пан Борух, совсем не пристало появляться в подобных трактирах, но он привык заходить сюда еще в молодости, когда был вовсе не таким богатым и важным.

– Что-то у вас совсем не веселое лицо, мой друг, – спросил он у хозяина после обмена приветствиями. – Вы, может, не здоровы?

– Нет, слава богу, достопочтенный.

– Дела идут плохо?

– Грех жаловаться, пан Борух. Все же прибытие Болховского полка весьма оживило торговлю. Я слышал, вы тоже заработали немножко пенензов?²⁸

– Совсем немного, пан Соломон.

– Конечно-конечно! Но говоря по чести, я жду не дождусь, когда же они уйдут в поход.

– Отчего так?

– Не берите в голову, пан Борух. Просто у меня остались от этих солдат неприятные воспоминания.

– Понимаю, – покачал головой старый еврей, – они верно что-то сломали или испортили?

²⁷ Реальный случай во время смотра в Бердичеве.

²⁸ Деньги – pieniądze (польск.).

- Ах, если бы!
- Тогда украли?
- Ну что вы, я сам им все отдал.
- Как же так?
- Ой вэй, это очень печальная история, достопочтенный! Меня обманули как последнего шлемиля²⁹.
- Что вы говорите? И как же это произошло?
- Все из-за моей доброты, пан Борух. Сюда как-то пришли русские солдаты, и один из них стал рассказывать, что ищет семью своего друга – еврея. Дескать, он умер и просил передать последнее прости его матери.
- Да что вы говорите!
- Вот-вот, вы, пан Борух, улыбнулись. Расскажи мне кто-нибудь эту историю, так я бы, наверное, сам смеялся во весь голос! Но этот мошенник был так красноречив и говорил столь жалобно, что все мои посетители рыдали в три ручья, и я вместе с ними!
- Не может быть!
- Еще как может, достопочтенный.
- И чем же все кончилось?
- Чем-чем, он со своим товарищем хорошо покушал и еще лучше выпил. Не забыл прихватить кое-что с собой и был таков! А мы провожали его с таким почетом, как будто он цадик³⁰ праведной жизни.
- И вы больше его не видели?
- Я, слава богу, нет!
- А кто видел?
- Он заходил в пекарню к пану Руфиму.
- И что?
- Да ничего, если не считать, что он нашел в его булке запеченного таракана и устроил дикий скандал!
- Азохен вэй!
- Вот-вот, пан Руфим тоже так сказал, когда этот молодчик ушел от него с целым мешком превосходных булок.
- И что же, он обратился в полицию?
- А что бы он сказал квартальному, что сам дал солдату булок, а теперь хочет их забрать?
- Последние времена настали!
- И не говорите...
- Кстати, а как звали того еврея?
- Какого?
- Ну, того, мать которого он хотел навестить?
- А зачем вам это?
- Мне просто любопытно.
- Ох, пан Борух, зачем вы заставляете меня вспоминать этот позор? Ну, если вам угодно, то он назвал его... как же он назвал-то его... а, вот, Марк Бернес, вот как!
- Как вы сказали?
- Марк Бернес.
- Не может быть!
- Вы знаете этого человека?
- Возможно, пан Соломон, возможно. Скажите, а что если он сказал не Бернес, а Барнес?

²⁹ Дурак (*идши*).

³⁰ Цадик – благочестивый, безгрешный человек в иудаизме.

– Может и так, вы же знаете, как эти гои могут исковеркать наши имена. Но какая разница?

– Да так, никакой, – нахмурился пан Борух и пробормотал чуть слышно: – Бедная девочка, стоит ли говорить ей...

Родители Николая Штерна были людьми не то чтобы богатыми, но и бедными их было назвать никак нельзя. У них был свой дом, счет в банке и небольшое поместье. Двести десятин земли, конечно, не латифундия, но, сдавая их в аренду, они имели верных шестьсот рублей в год, что вкупе с жалованьем отца позволяло с уверенностью смотреть в будущее. Единственного сына они любили и баловали, отчего он, вероятно, и вырос немного шалопаем. Его решение пойти в армию не слишком их обрадовало, но с другой стороны, желание сражаться за правое дело говорило об известной зрелости их отпрыска. Тем не менее они не оставляли его своими заботами и время от времени посылали ему денег. Так что, получив очередное извещение о переводе, Николаша ничуть не удивился.

– Ну что, братцы, гуляем! – радостно заявил он приятелям, засовывая извещение в карман.

– Мне право неудобно, – попытался отказаться Алексей, но тут же получил тычок в бок от Дмитрия.

– Слышь, ты точно студентом был?

– Да, – удивился Лиховцев, – а отчего ты спрашиваешь?

– Студент, а простой истины не знаешь!

– Да какой же?

– На халяву и уксус сладок!

Что такое «халява», Алеша не знал, но догадаться было немудрено, и потому он попробовал возмутиться, – Дмитрий, как вам не стыдно!

– Стыдно у кого видно.

– Bravo! – захохотал Штерн. – Вы, мон шер, каждый раз удивляете меня своим остроумием, а это немногим удавалось.

– Учитесь, пока я жив.

– Обязательно. Ну, так вы со мной?

– Всенепременно. Кстати, если Алешка все же откажется, меня это несильно расстроит.

– Почему?

– Нам больше достанется!

– Учитесь, Алексей, вот здравый взгляд на мир.

– Вы куда? – высунулся откуда-то из-за угла Шматов.

– В штаб полка, – отрезал Будищев, – приказ командира.

– Я с тобой...

– Еще чего! Полковник увидит твою рожу и сразу вспомнит, кто сапоги на смотре потерял! Чего доброго на гауптвахту определит, ну и нас с тобой заодно.

– Да ладно вам, Дмитрий, – засмеялся Николаша, – не стоит так пугать нашего друга. Тем более что в тот памятный день весьма многие лишились обуви.

– Весьма многие ее потом нашли, а вот Федька свои совсем пролюбил!

– Как вы сказали?

– Как обычно! Серьезно говорю, не стоит его с собой брать, он нас плохому научит.

– Ну чего ты, Граф! – заканючил Шматов.

– Право же, – не выдержал Лиховцев, – если в нашей компании кто-то и способен сбить человека с пути истинного, то это как раз вы!

– Да, а кто меня давеча чуть в бордель не затащил?

– Куда?

– В публичный дом! Причем весьма низкопробный.

– Но каким образом?
– Граф, ну чего ты, ну ошибся я! – покраснел Федька.
– Кстати, а как вы определили «низкопробность»? – живо заинтересовался происшествием Штерн.
– Бабы страшные! И у каждой на морде лица написано – осторожно, СПИД!
– Что, простите, написано? Кто спит?
– Инфекция дремлет, от сифилиса до трипера!
– Фу, какая гадость!
– Вот именно, а этот олух царя небесного заныл, дескать, давай зайдем, никогда не видел!
– И чем же закончилась сия авантюра?
– Мы позорно бежали!
– Ах-ха-ха, – зашелся в смех Николаша. – Алексей, вы теперь как хотите, но непременно должны пойти с нами. Иначе наша нравственность может непоправимо пострадать!

Увольнение для вольноопределяющихся дело самое обычное, можно даже сказать пустяковое. В принципе, будь у них такое желание, они могли даже ночевать на съемной квартире. Так что Штерн и Лиховцев получили отпускные записки без малейшей проволочки. Что же касается Будищева и Шматова, так это совсем другое дело. Новобранцам, по здравому рассуждению, вообще ходить в увольнение не положено. Правда, Дмитрий с неразлучным Федькой уже неоднократно бывал в Бердичеве по всяким поручениям, да пару раз Галеев взял грех на душу и отпустил их. Тем паче что вернулись друзья не с пустыми руками и про своего благодетеля – унтера – не забыли. Но надо же, в конце концов, и честь знать!

– Чего это ради, барчук, я этих двух орлов отпустить должен? – хмуро спросил Северьян у пришедшего договариваться с ним Штерна.

– Ну отчего же, должны, Северьян Карпович, – широко улыбнулся Николаша. – Я вас некоторым образом об одолжении прошу.

– К вам, Николай Людвигович, я со всем почтением, однако дать увольнение Будищеву и Шматову никак не могу. Приказ штабс-капитана Гаупта – никого без особого его на то распоряжения не увольнять. Вы с господином Лиховцевым у нас люди почти вольные, с вас другой спрос. К тому же его благородие еще раньше указывал вам препятствий не чинить.

– Досадно, – огорчился Штерн, однако спорить не стал и, пожав плечами, вышел из господского дома.

– Это вы правильно решили, господин унтер-офицер, – одобрительно поддакнул скрипевший в углу пером Погорелов, – ишь чего удумали...

– Тебе заняться нечем? – без малейшей приязни взглянул на писаря Северьян.

Тот тут же уткнулся в свои бумаги и какое-то время старательно выводил буквы, затем, окончив работу, посыпал написанное песком.

– Готово!

– Ну, наконец-то, – буркнул Галеев и, забрав перебеленный писарем документ, принялся его читать.

Убедившись, что все верно, унтер отправился к ротному, а писарь, нервным движением пригладив расчесанные на пробор волосы, задумался. Затем одернул мундир и вышел наружу. Быстрым шагом он пересек всю деревню и вскоре оказался возле хаты Явора. После стычки с Будищевым Погорелов опасался здесь появляться, но сейчас пересилил свой страх и старательно осмотрел снаружи хату и двор.

Поначалу ни квартирующих солдат, ни хозяев нигде не было видно, но затем вышел Охрим и стал запрягать в телегу свою каурую лошадку. Через несколько минут «экипаж» был готов и тронулся в путь. Было четко видно, что помимо хозяина в телеге сидит четверо солдат. Рот писаря немедленно скривила мстительная усмешка, и он побежал к Хитрову. Ефрейтор встретил его не слишком любезно, однако, услышав в чем дело, сразу же переменился в лице.

– Так говоришь, самовольно ушли? – хищно раздувая ноздри, переспросил он.

– Так точно, Василий Лукич, ушли сукины дети!

– И не побоялся на патруль нарваться, паскуда.

– Так ведь он грамотный. Такому ничего не стоит фальшивую увольнительную записку написать, а его приятели вольноперы могут и печать куда надо приляпать. Вот зря их благородие этих барчуков к канцелярии допускал!

– Кабы ты, Степка, свое дело хорошо знал, так и не допускал бы, – осклабился Хитров. – Хотя, ежели их с подделанной увольнительной поймают, так еще лучше. За такое гауптвахтой не отделаешься, тут арестантскими ротами пахнет.

– Вот сейчас бы переключку и объявить!

– Годи, – осадил его Хитров, – я с тобой уже раз поторопился, да и вяпался. Тут все умно надо сделать. Пусть подальше уйдут да в городе чуть повеселятся, чтобы их там тепленькими взяли...

– Это верно, это правильно, – с готовностью закивал писарь, – это вы, Василий Лукич, здраво рассудили.

– Ты вот что, – остановил его ефрейтор, – скажешь тишком ротному, что Северьян их уволить не уволил, но обещал прикрыть в случае чего?

– Да как же это! – испугался писарь. – Он ведь старший унтер!

– Вот-вот, и если его не подставить, так он может и заступиться перед господином штабс-капитаном.

– Боязно, – с тревогой в голосе протянул Погорелов.

– А за девчонкой по лесу гоняться тебе не боязно было? – насмешливо спросил Хитров. – Или ты думал, дурашка, никто не узнает, за что тебе Будищев рыло начистил?

– Да что вы такое говорите, господин ефрейтор, – лицо Степки вытянулось и стало похоже на маску. – Да и не было ничего такого...

– Вестимо, что не было, иначе он бы тебя убил.

– Не погубите, Василий Лукич, век благодарен буду!

– Да ладно, чего там, не убыло бы от девки. Только смотри, чтобы все по уму на сей раз вышло!

Через пару часов по деревне побежали посыльные, собирая солдат на переключку. В последнее время таковые проводились не слишком часто и зачастую сводились к тому, что унтера и ефрейторы отмечали своих подчиненных на месте, а потом докладывали фельдфебелю. Но на сей раз переключку проводил сам Фищенко в присутствии подпоручика Завадского. Взяв в руки список, он громко выкрикивал фамилии и, услышав в ответ «я», отмечал ответившего крестиком.

– Бородин!

– Я!

– Беспальный!

– Я!

– Будищев!

...

– Будищев, твою мать!

– Нигде не видать, господин фельдфебель!

– А Шматов?

– И он тоже.

– Самовольная отлучка?

– Видать с вольноперами ушли!

– Так, может, их тоже отпустили? – нахмурился Фищенко.

– Никак нет, только барчуков.

- Тьфу ты черт, прости Господи! Не было печали...
- Будем искать? – с готовностью в голосе спросил Хитров.
- А ты чего радуешься? – вскипел фельдфебель. – Твои подчиненные – твой и ответ!
- Я давно докладывал, что не надежный этот Будищев!
- Ладно, закончим перекличку, а то, может, еще кого нелегкая унесла.

Но не успели они продолжить, как перед ротой появились запыхавшиеся Дмитрий с Федором.

- Разрешите встать в строй, господин фельдфебель?
- Где вас носило, обормоты?
- Так это, вы же сами велели Шматову сапоги справить...
- Что?
- Ну, да, так и сказали, дескать, хоть из-под земли, но достань, не позорь роту!
- И как, достали?
- Так вот, будьте любезны, в лучшем виде!

Действительно, на ногах испуганного солдата вместо всегдашних опорок красовались новенькие сапоги. Может, и не совсем такие, как утерянные на достопамятном смотре, но все же вполне годные.

– Это где же ты их раздобыл? – прищурился Фищенко.

– Как и велено было – под землей! – невозмутимо отрапортовал Будищев. – От того и сразу сигнал о перекличке не расслышали.

– Отставить веселье, – вмешался Завадский, услышавший смешки в строю, – продолжайте перекличку, а опоздавших накажите своей властью.

– Так точно, ваше благородие! – вытянулся старый служака. – Будьте покойны, не возрадуются.

После построения фельдфебель подозвал к себе провинившихся и, не долго думая, отпустил Шматову крепкого леща, от которого тот отлетел в сторону. Затем обернулся к Будищеву и с угрозой в голосе спросил:

- А теперь говори как на духу, где были?
- Сапоги искали, – стиснув зубы, ответил Дмитрий, держа руки по швам.
- Вместе со студентами?
- Они нас только подвезли немного.
- Куда подвезли?
- До соседней деревни. Тамошний сапожник взял сапоги Шматову стачать недорого.
- Тьфу! Не могли в Семеновке сговориться?

Весь вид Будищева выражал искреннее раскаяние, дескать, не догадались. Фельдфебель в ответ только покачал головой, потом показал провинившимся два пальца, показывая, сколько каждый получит внеочередных караулов, и махнул рукой.

– Ступайте, да смотрите больше не попадайтесь!

Едва муж повез квартирующих у них солдат в город, Ганна, принарядившись, направилась навестить куму. Совсем уже оправившаяся после болезни Оксана снова осталась одна. Она была уже большой девочкой и понимала, куда именно направилась мачеха. Но она к тому же была неглупой и потому помалкивала о своих догадках. К тому же она любила одиночество и была даже немного рада, что дома никого нет.

Присев на скамейку в своем углу, Оксана открыла свой сундучок и принялась перебирать содержимое. Вот тяжелые мониста, доставшиеся ей от матери. Вот ленты, привезенные из города отцом. Вот деревянная куколка, искусно вырезанная нескладным солдатом Федей. А вот ее главное сокровище – маленькое овальное зеркальце с ручкой. Это *его* подарок. Дмитрия. Ей до сих пор никто ничего не дарил, кроме отца, разумеется. Дмитро, как она его называла,

очевидно, тоже не собирался, но заметив, как она наблюдает за его бритьем, понял это по-своему и, закончив, протянул зеркальце ей. Восхищение девушки, впервые увидевшей свое отражение не в ковше для умывания, было так велико, что он засмеялся и махнул рукой, дескать, дарю.

Вдоволь налюбовавшись на себя, она отложила зеркало в сторону и задумалась. Оксана знала, что русские солдаты скоро отправятся на войну с турками и что, скорее всего, Дмитро она больше не увидит. Это печалило ее, но девочки в ее возрасте не умеют заглядывать в будущее слишком далеко. Она просто думала, что их постоялец самый красивый, храбрый и добрый человек, которого она только знала. И если бы они вместе прошли по улице, держась за руки, все знакомые девчата ахнули бы от зависти. Ее мечты были, впрочем, бесхитростны и целомудренны и не шли дальше этого. Но и от них так сжималось сердце и сладко ныло в груди, что девочке казалось, что она вот-вот задохнется. Однако на грезы у нее было не так много времени. Мачеха ушла, а хозяйство ждать не будет, и Оксана побежала управляться со скотиной. Задав корму животным, девочка вышла из хлева, и вдруг сердце ее екнуло. Прямо на нее смотрел тот самый солдат, что напугал ее зимой. Все та же неестественная улыбка и недобрый взгляд. Все те же короткопалые, заросшие рыжими волосами руки. Если на Дмитриии форма сидела как влитая и казалась очень красивой, то этого солдата мундир делал просто отвратительным. В нем он выглядел представителем какой-то неведомой злой силы и потому казался еще страшнее.

– Ну, что ты испугалась, глупая, – сказал он каким-то скрипучим голосом, – я тебе гостинца вот принес...

Оксана, пристально глядя на незнакомца, попятилась к хлеву. Тот, поняв ее намерение, быстро шагнул вперед и хотел было схватить девочку за руку, но она увернулась и опрометью бросилась бежать. Но солдат ловко подставил подножку, и она рухнула как подкошенная. Тот тут же навалился сверху и, зажав ей рот руками, потащил внутрь хлева. Руки его пахли так же отвратительно, как и он сам, так что девочка едва не задохнулась. Тем не менее она не собиралась сдаваться без боя и тут же вцепилась в палец зубами. Этого нападавший не ожидал и, вскрикнув, на секунду выпустил свою жертву. Та тут же испустила истошный крик, но негодяй ударил ее и заставил молчать. Сил сопротивляться больше не было, и Оксана, содрогаясь от рыданий, чувствовала лишь, как насильник задирает на ней подол, как его отвратительные липкие пальцы скользят по ее ногам. Казалось, что спасения нет, но внезапно все прекратилось. Кто-то рывком стащил с нее нападавшего и отшвырнул в сторону. Девочка не понимала, что происходит, и лишь продолжала плакать, инстинктивно пытаясь прикрыться.

Еще на построении Дмитрия охватило какое-то мрачное предчувствие, а увидев полное неудовольственной злобы лицо Хитрова, он всерьез забеспокоился. Пока фельдфебель отчитывал их с Федькой, он просто места себе не находил и, когда тот наконец отпустил их, едва не бегом кинулся к выгону, где стояла хата Явора.

– Граф, а Граф, – спросил поспешавший за ним Шматов, – а как ты догадался, что переключка будет?

– Как-как, – пробурчал тот в ответ, – каком кверху! Ротный в последнее время как наскипидаренный бегаёт, и унтера вместе с ним. Ежу понятно, что лафа заканчивается и скоро выступаем, а значит, будут гайки закручивать!

– А я думал, ты с барчуками в Бердичев пойдешь...

– Чего я там не видал?

– Ну, как же, Штерн угощение выставить обещался, еды господской...

– Тихо! – прервал словоохотливого приятеля Будищев.

– Чего?

– Что это за шум в сарае? – подозрительно спросил Дмитрий и, не договорив, кинулся на источник звука.

Широко распахнув дверь, он увидел картину, от которой его на секунду замутило. Обезумевший от животной страсти Погорелов подмял под себя девочку и, задрав на ней юбку, пытался распоясаться. Недолго думая, солдат схватил насильника за шиворот и, оторвав от жертвы, въехал кулаком в печень, а когда противник согнулся от удара, от всей души добавил коленом. Свалившийся как подкошенный писарь завыл и попытался вскочить, но запутался ногами в спущенных шароварах и снова грохнулся. Дмитрий хотел было добавить педофилу ногой, но, заметив какое-то смазанное движение сзади, резко обернулся. Оказалось, что это был его приятель Федька, подхвативший стоящие в углу вилы и смотревший на происходящее совершенно безумными глазами.

– Ты что, дурак? – удивленно спросил он его. – Отвечать же будешь как за порядочного!

– У нас в деревне за это убивают, – с мрачной решимостью заявил в ответ Шматов.

– Брось вилы, – мрачно посоветовал ему Дмитрий, – он уже свое получил. Сейчас отведем его к ротному, и вся недолга. Гаупт за такие дела не похвалит, будет этому любителю молоденьких девочек небо в алмазах!

Договорив, он склонился над плачущей девочкой. Подхватив Оксану на руки, он отнес ее в дом, а та, содрогаясь от рыданий, шептала ему:

– Ты казав, він больше не придет... ты казав, не бойся...

– Прости, – говорил он ей в ответ, стараясь успокоить, и она, чувствуя себя в безопасности, понемногу затихла.

Какое-то время он продолжал держать ее на руках, а потом бережно опустил на лавку. Но девочка не хотела, чтобы он уходил, и, обхватив обеими руками, не отпускала. При этом она ничего не говорила и лишь доверчиво прижималась к нему. Тут в хату заглянул Федька и, немного помявшись, выпалил:

– Слышь, Граф, а ведь он не дышит!

– Кто?

– Дык, писарь, кто же еще...

– Зашибись! Только этого нам и не хватало.

Мягко, но решительно, освободившись от рук Оксаны, Будищев вышел из хаты и вдруг резко схватил приятеля за шиворот.

– Это ты его?

– Да ты что, Граф! – испуганно отшатнулся тот.

– Говори правду!

– Нет, я его только разок пнул, а он как неживой! Я нагнулся, а он не шевелится...

Быстро зайдя в сарай, Дмитрий нашел лежащее на полу тело и замысловато выругался. Погорелов действительно был мертв, и ничего с этим поделать было нельзя.

– Куда пнул-то?

– В бок...

– Походу, он, когда грохнулся, приложился башкой вот об этот пенек, мать его!

– Нечто от такого пустяка помереть можно?

– Голова – предмет темный и исследованию не подлежит, – задумчиво заявил Будищев, припомнив где-то слышанную фразу.

– Что же теперь делать?

– Что-что, снимать штаны и бегать!

– Вот что, – решительно заявил Федор, – я на себя все возьму!

– В смысле?

– Скажу, что я Погорелова прибил! Увидел, мол, что он с девчонкой творит, ну и вдарил...

– Это ты хорошо придумал, – одобрительно ответил Дмитрий. – Тебя на каторгу, Ксюху ославим на всю деревню, зашибись, чо! Тебя бы такого умного в правительство, хотя, судя по всему, там таких и без того хватает.

– Ты думаешь, он успел? – хмуро спросил Федька.

– А кумушкам деревенским не один ли хрен? Так и будет для всех со сбитой целкой.

– И что делать?

– Ты не знаешь, где у хозяев водка?

– Нет, а зачем?

– За надом!

Ганна вернулась домой только через пару часов. Зная, что Оксана управила худобу³¹, она и не подумала обходить хозяйство, а, присев на скамью, обвела угрюмых солдат лукавым взглядом.

– Чому зажурились, москалики? – пропела она грудным голосом.

– Устали, – односложно ответил ей Дмитрий, а Федька и вовсе отвернулся к стене.

– Я тоже заморилась.

– Могу себе представить!

– Ни, не можешь, – сладко потянулась молодая женщина и засмеялась счастливым смехом. – А где Оксана?

– Спит она. Не тревожь ее.

– От лежебока! Так и проспит все царствие небесное.

Вольноопределяющиеся вернулись поздно. Оба были изрядно пьяны, а потому веселы. Лиховцев принялся выкладывать на стол принесенную с собой снедь, а Штерн взгромоздил на стол штоф водки.

– Ну что, гуляем? – спросил Николаша, широко улыбнувшись.

– Я смотрю, вы уже, – скупно улыбнулся Дмитрий.

– Есть немного, друг мой! Впрочем, я пьян не от выпитого.

– Что-нибудь случилось?

– О да! Я влюбился...

– Неужто в Алешку?

– Фу, какой вы все-таки пошляк, Будищев! Нет, я встретил совершенно необыкновенную барышню. Все же, какая досада, что унтер не отпустил вас с нами! Если бы вы увидели ее, то наверняка даже ваше черствое сердце пришло бы в движение. Боже, как она мила!

– Не обращайтесь внимания, – заметил закончивший сервировать стол Лиховцев. – Коля подобным образом описывает всех понравившихся ему особ женского пола. А поскольку он ужасно влюбчив, происходит это с завидной регулярностью. Тем не менее мы действительно недурно провели время, и могу сказать только одно: очень жаль, что вас не было с нами!

– Как бы не так! Мы и без того едва не опоздали на построение, с этими чертовыми сапогами.

– Вот как? Право, неожиданный поворот событий. Кстати, а как сапоги?

– Вон стоят, можешь полюбоваться. Фищенко так восхитился их видом, что сразу залепил нам по паре нарядов вне очереди. Если не считать этого, то мы провели время очень скучно. Правда, Федя?

Услышав вопрос, Шматов вздрогнул, но промолчал. В отличие от него, Штерна остановить было невозможно.

³¹ В данном случае – покормила скотину.

– Ах, какая чудная все-таки девушка, – продолжал он живописать свою новую возлюбленную. – Вы не поверите, мила, красива, грациозна как лань! А глаза... боже, какие бездонные глаза!

– Николя, конечно, несколько преувеличивает, – с улыбкой подтвердил Лиховцев, – однако не могу не признать, что барышня действительно примечательная. Правда, у нее горе...

– В смысле, горе, этого ушибленного Купидоном встретила?

– Нет, не настолько большое, – ухмыльнулся Алексей, под воздействием спиртного куда лучше воспринимавший шутки Будищева. – Так вы будете пить?

– Ну, наливайте, раз принесли.

– А где наша прелестная хозяйка?

– Я туточки, – выплыла со своей половины успевшая принарядиться Ганна. – А где Охрим?

– Увы, вашего супруга задержали какие-то неотложные дела! Впрочем, полагаю, вам это не помешает поддержать нашу компанию?

– Ой, – весьма натурально смутилась женщина. – Нехорошо это как-то. Разве только чуточку.

– Чуточку так чуточку! – почти пропел взявшийся за штоф Штерн.

– Ну и что за горе у прекрасной незнакомки, лишившей покоя нашего Николашу? – поинтересовался Дмитрий, когда все выпили.

– Весьма запутанная история, – охотно принялся рассказывать Алексей, – вообразите, у нее недавно умерла мать, а еще раньше забрали на службу брата. Очевидно, их семья связывала все свои надежды с его возвращением домой, но не так давно в Бердичеве появился какой-то солдат и сообщил, что ее брат умер. Надо сказать, что эту печальную весть он принес не ей, а каким-то знакомым... в общем, она теперь ищет этого солдата, но никак не может найти. Что совсем неудивительно, ведь наш полк довольно велик!

– Я обещал найти ей этого солдата, – мечтательно пояснил Штерн, – вы бы видели, как загорелись ее глаза!

– И как же её зовут? – нахмурился Будищев.

– Гесья Барнес, а брата – соответственно Марк Барнес.

– Тю, да она жидовка! – с презрительным разочарованием в голосе протянула Ганна.

– Ну что вы такое говорите! – укоризненно покачал головой Николай. – Прежде всего, она прекрасная молодая женщина. К тому же несть ни эллина, ни иудея... кстати, Дмитрий, а вы ничего не знаете по этому поводу?

– Боюсь, ничем не смогу помочь, – равнодушным голосом ответил тот, бросив быстрый взгляд на Федьку.

Но тот сидел мрачный и был настолько погружен в свои мысли, что, кажется, ничего не замечал вокруг. Дмитрий тоже был не слишком расположен веселиться, а приятели-вольноперы и без того были подшофе, так что гулянка долго не продлилась. Через час, решив, что выпито достаточно, все отправились спать.

Утро началось с требовательного стука в дверь, после чего в хату ввалились Галеев, Хитров и еще пара солдат, держащих в руках винтовки с примкнутыми штыками.

– Вы чего, сказались? – напала на них Ганна. – Добрые люди еще спят!

– Тихо, хозяйка, – оборвал ее унтер. – Скажи-ка лучше, ты вчера возле хаты других солдат, кроме своих постояльцев, не видела?

– Ничего я не бачила! – решительно заявила в ответ женщина, уперев руки в бока.

– А дома всё время была, может, отлучалась куда?

– Николы такого ни було!

– Что случилось, господин унтер-офицер? – вышел вперед кое-как одетый Штерн.

– Не твое дело! – рыкнул на него Хитров, но наткнувшись на строгий взгляд Галеева, сбавил тон. – Где Будищев?

– Здесь я, – выглянул из-за занавески Дмитрий.

– Одевайся, – хмуро велел ему унтер. – С нами пойдешь.

– Слушаю.

– Шматов, и ты тоже.

Винтовки им взять с собой не позволили, однако ремни отбирать не стали. Скоро они подошли к господскому дому, где их ожидал штабс-капитан Гаупт и другие офицеры роты.

– Здравия желаю вашему благородию, – выкрикнул Дмитрий и стал в полном соответствии с уставом «есть глазами начальство».

– Вольно, – махнул рукой Гаупт. – Погорелова видел вчера?

– Никак нет, ваше благородие! Вроде бы...

– Так «вроде бы» или не видел?

– Не видел!

– Врет он, ваше благородие, – вмешался Хитров. – Он с писарем крепко не ладил, так что более некому!

– Да что случилось то?

– Молчать! Говорить будешь, когда тебя спросят.

– Виноват! Так точно!

– Писаря Погорелова нашли сегодня утром в деревенском колодце, – пристально глядя Будищеву в глаза, сказал штабс-капитан. – Ты ничего не хочешь сказать по этому поводу?

– Никак нет!

– А отчего вы с ним подрались?

– Так это когда было, ваше благородие.

– Отвечай!

– Из-за бабы!

– Ну, допустим, а из-за какой?

– Так это...

– Отвечай!

– Из-за хозяйки нашей.

– Из-за нее могли, – хохотнул в сторону Венегер, – бабец пегвый согт!

– А ты что скажешь? – обратился к Шматову командир роты, с досадой посмотрев на своего субалтерна.

Федор все это время стоял ни жив ни мертв и только время от времени моргал своими голубыми глазами. Услышав вопрос, он вздрогнул и с каким-то отчаянием в голосе выкрикнул:

– Не могу знать, ваше благородие!

Собственно, этой фразой все его ответы и ограничились. Как ни пытали его Гаупт или другие офицеры, бедолага кричал, выпучивая глаза: «Не могу знать!»

Гаупту и раньше неоднократно приходилось видеть, как молодые солдаты теряют в присутствии офицеров всякую способность соображать и только повторяют, как заведенные, сокровенную фразу: «Не могу знать!» Но все же было в поведении Шматова нечто такое, что наводило на мысль о его неискренности. Однако тот же опыт недвусмысленно подсказывал, что просто допрашивая его, ничего не добиться. Солдат будет упираться до последнего, но ничего не скажет. И что еще хуже, лаской тоже ничего не добиться. Слишком уж велика пропасть между нижними чинами и офицерами. Но не вызывать же полицейского чиновника в самом деле? Эдак позору не оберешься, да и о карьере можно забыть. Разве только в отдельный корпус жандармов путь останется, но это офицеру генерального штаба совсем уж последнее дело!

– Вот что, – хмуро велел он Галееву, – обоих до выяснения под арест!

– Слушаю, ваше благородие! – вытянулся унтер в ответ.

– Да смотри, чтобы не вместе, – спохватился штабс-капитан, вдруг подумав, что лучше бы их было допрашивать по отдельности.

– Как прикажете, вашбродь!

Проводив глазами вышедших, Гаупт сел писать докладную записку о происшествии командиру полка. Быстро описав случившиеся, он хотел было кликнуть писаря, но вспомнил, что тот лежит сейчас в холодном сарае, временно превращенном в прозекторскую. И над его холодным телом колдует полковой врач Соколов.

– Проклятье! – вырвалось у штабс-капитана.

За дверью послышалось какое-то шуршание, и офицер раздраженно крикнул:

– Ну, кто там еще?

Дверь отворилась, и на пороге появились Штерн с Лиховцевым.

– Разрешите, ваше благородие?

– Ну, входите, раз пришли, – нелюбезно ответил им Гаупт. – Чем могу?

– Прошу прощения, господин штабс-капитан, но нам стало известно о причине ареста Будищева и Шматова.

– И что же?

– Ваше благородие, – начал было Николаша официальным голосом, но тут же сбился, – Владимир Васильевич, мы пришли засвидетельствовать полную невиновность нашего товарища.

– Рядовой Штерн, вы издеваетесь? – не принял его тона Гаупт. – От вас еще вчерашним перегаром разит! Что вы можете засвидетельствовать, кроме собственного пьянства?

– Осмелюсь доложить, – отодвинул стушевавшегося товарища Лиховцев, – что мы вернулись вчера не так поздно. И ничего подозрительного не заметили.

– И что с того?

– Простите, ваше благородие, но...

– Замолчите, Алексей. То, что вы вступились за товарища, разумеется, похвально, в особенности, если бы вы по-прежнему учились в своем университете. Однако нынче вы в армии, а тут действуют свои законы.

– Это, несомненно, так, – не стал спорить Лиховцев, – но я некоторым образом юрист и мог бы быть полезен при расследовании.

– В самом деле, – задумался на секунду Гаупт, – впрочем, вы как приятель подозреваемого лицо заинтересованное. Нет, вы не можете вести расследование!

– Тогда позвольте мне быть его адвокатом.

– Адвокат бывает в суде, а сейчас до него далеко.

– Но все же, отчего вы решили, что Будищев со Шматовым вообще причастны к этому происшествию?

– На него указал командир звена Хитров.

– Ну, это еще ни о чем не говорит. Всем известно, что ефрейтор терпеть его не может.

– Ладно, но Будищев однажды избил Погорелова.

– Да вашего писаря, если хотите знать, вся рота дружно ненавидела, – снова вмешался Штерн. – Редкостная он был гнида! Царство ему небесное.

– Помолчи, Николай, – одернул его Лиховцев и снова обратился к офицеру: – А вот это, к сожалению, правда. Покойный и впрямь был не слишком приятный человек.

– Не спорю, однако же прочие его просто ненавидели, а вот ваш протеже ему нос расквасил! Кстати, вы в курсе за что?

– Ну, разумеется, из-за дамы, – снова подал голос Николаша.

– Вероятнее всего, из-за хозяйки дома, – перебил его Алексей. – Но она вряд ли послужила бы причиной убийства.

– Отчего так?

– Ну, как вам сказать... Ганна – женщина, несомненно, красивая, но нельзя сказать, чтобы слишком добродетельная. За таких не убивают.

– Много вы понимаете, – покачал головой штабс-капитан. – Ну, ладно, я понимаю ваши резоны. Но поскольку вы грубо нарушили дисциплину, явившись ко мне напрямую, то наказания вам не избежать! Садитесь сюда и извольте переписать набело эту записку для полковника Буссе. Не знаю, убил ли ваш приятель Погорелова или нет, но обязанности писаря пока что придется исполнять вам.

– Слушаю, ваше благородие!

Закончив с вольнооперами, Гаупт направился к сараю, ставшему волею судьбы моргом. Приложив к носу надушенный платок, чтобы избежать неприятного запаха, штабс-капитан вошел внутрь. Посреди импровизированной прозекторской стоял стол, на котором лежало то, что некогда было человеком. Судя по всему, младший полковой врач уже закончил.

– Что у вас, Александр Викторович? – спросил у него штабс-капитан.

– Ничего интересного, – пожал плечами эскулап. – Если не считать непредусмотренного природой пролома в виске, ваш бывший писарь был на редкость здоровым индивидом.

– Что же послужило причиной одного пролома?

– Трудно сказать, некий тупой твердый предмет.

– Тупой?

– Ну, да. Возможно, он ударился обо что-нибудь твердое при падении в колодец.

– Но какая нелегкая потянула его к этому проклятому колодцу?

– Все, что могу сказать, – пожал плечами Соколов, – что Погорелов был мертвецки пьян.

– То есть?

– В нем водки было – быка хватит свалить. Причем не просто водки, а ядерного деревенского самогона. Вероятно, захотел пить, стал доставать ведро, да и полетел вниз. При падении разбил голову.

– А потом захлебнулся?

– Нет, легкие чистые. Очевидно, смерть была мгновенной.

– Какие-нибудь еще повреждения?

– Ничего, чтобы не могло быть следствием падения.

– Его могли избить и бросить в колодец?

– Могли-то могли, но если вы про Будищева, то...

– Что?

– Просто я как-то был свидетелем, как он на спор ломал ребром ладони довольно толстые жерди. Причем я проверял, они не были надломлены или подпилены. Так что если бы это было его рук дело, то повреждений нашлось не в пример больше.

– Вы уверены?

– Владимир Васильевич, помилуйте, ну как тут можно быть в чем-то уверенным?!

– Хорошо, но могло быть так, что некто ударил Погорелова этим самым «твердым тупым предметом» по голове, пробил ему череп, а потом кинул в колодец?

– Вопрос интересный, Владимир Васильевич, и отвечаю я вам на него так: вероятность подобного хотя и существует, но довольно-таки невелика. Дело в том, что удары, нанесенные человеком и полученные при случайном падении, несколько отличаются друг от друга. Но в любом случае этот был нанесен не Будищевым.

– Почему вы так уверены?

– Ну, это просто. Вы видели, насколько Будищев выше покойника? Если бы был именно он, то удар был бы нанесен сверху вниз, чего в данном случае не наблюдается.

– А если Шматов?

– Кто, простите?

– Рядовой Шматов, приятель Будищева.

– Господь с вами, господин штабс-капитан! Неужели вы всерьез полагаете, что я помню всех рядовых вашей роты? Если так, то вы безбожно льстите моей памяти, чего она совершенно не заслуживает.

– Да, действительно, – смутился Гаупт, – прошу прощения, он примерно четырехвершкового³² роста.

– Ну, это, пожалуй, возможно. Но повторяю, вероятность такого не слишком велика.

– Что же, я вас понял, Александр Викторович. Готовьте заключение, мне необходимо будет приложить его к докладной записке.

– Сию секунду!

– Да, и постарайтесь писать разборчиво. Перебелить ее будет некому, разве вы сумеете воскресить вашего пациента.

– А вот это вряд ли, – скупно улыбнулся врач.

– Э-э... вряд ли воскресить или вряд ли написать разборчиво? – пошутил Гаупт.

– И то и другое, Владимир Васильевич, сами, небось, знаете, умеющих писать каллиграфическим почерком с медицинского факультета нещадно изгоняют еще на втором курсе³³. Чтобы, так сказать, не позорили профессию.

Все же разговор с врачом не успокоил до конца офицера. Штабс-капитан был человеком дотошным и не любил неясностей. Но как дознаться до истины, он не представлял. Заключение врача насчет Будищева почти успокоило его. «Почти», потому что оставался нервно ведущий себя Шматов. Но если первый был крепким орешком и расколоть его даже в случае виновности было непростым делом, то второй, вне всяких сомнений, был слабым звеном. «А что если виновен Шматов, а тот его покрывает?» – мелькнула мысль у Гаупта.

Тут его внимание привлек только что подъехавший экипаж. Впрочем, назвать экипажем эту повозку было бы изрядным преувеличением. Скорее, просто линейка, но управлял ей не кто иной, как полковой священник отец Григорий Лапшин.

– Здравствуйтесь, батюшка, – поприветствовал его офицер, в голове которого мелькнула удачная, как ему показалось, мысль.

– Спаси Господь, – благословил его иеромонах.

– Вы, верно, в связи с нашим происшествием?

– Истинно так, – важно кивнул тот, – надо бы отпеть новопреставленного раба Божьего.

– Отец Григорий, – решил Гаупт, – у меня к вам дело.

– Слушаю вас.

– Видите ли, есть основания полагать, что в несчастном случае могут быть замешаны два человека.

– Что это значит, вашего писаря убили?

– Я пока не знаю, но...

– И какого же рода у вас дело?

– Не могли бы вы поговорить с подозреваемыми. Так сказать, помочь им облегчить душу.

– Господин штабс-капитан, – пристально посмотрел на Гаупта священник, и от его пронзительного взгляда тому стало не по себе, – а вы меня, часом, ни с кем не перепутали?

– Отец Григорий, я прошу вас подействовать в раскрытии возможного преступления!

– Нарушение тайны исповеди, сын мой, никакими резонами оправдать нельзя! – назидательно произнес священник.

– Но...

³² Вершок – 44,45 мм. По русской традиции рост человека указывался в вершках, свыше двух аршин. То есть рост Шматова порядка 1,6 м.

³³ Вообще-то тут автор несправедлив. В те времена каллиграфический почерк считался обязательным для образованного человека. Так что современные врачи в эту категорию попали бы вряд ли.

– Никаких но! Впрочем, если вероятный преступник действительно раскается, то я попытаюсь убедить его признаться. Это все, что я могу вам обещать.

– О большем я вас и просить не смею.

– Ну, хорошо, о ком речь-то?

– Один из них...

– Их что, несколько?

– Двое, батюшка. Так вот, один из них рядовой Будищев...

– Господи! – всплеснул руками отец Григорий. – Да вы точно не в себе, Владимир Васильевич! Нашли того, кто может раскаяться на исповеди, нечего сказать. А кто второй?

– Рядовой Шматов.

– Федор... этот, если ему Будищев голову не задурил, может и повиниться.

– Вот и я на это надеюсь. Кстати, основной подозреваемый – как раз Шматов.

– Даже так? Чудны дела твои, Господи!

После этого разговора священник напрямик направился к импровизированной гауптвахте, где долго беседовал с арестованными. Закончив, он отслужил службу по безвременно почившему писарю и обратился к своей пастве с проповедью, содержание которой Гаупт не слишком запомнил. Кажется, священник призывал солдат жить в соответствии с законами Божескими и человеческими и возлюбить ближних, как самого себя. И уж во всяком случае, не притеснять местное население. Все это время штабс-капитан пристально наблюдал за отцом Григорием, но тот оставался невозмутимым.

Никто после этого не обратился к нему с признанием, а поскольку никаких прямых улик не было, то решено было считать смерть Погорелова несчастным случаем, а Будищева и Шматова из-под стражи освободить. Без наказания они, впрочем, не остались. Именно им пришлось копать могилу усопшему в еще не оттаявшей толком земле.

Весна все больше вступала в свои права, когда наконец пришел высочайший манифест о начале войны с Османской империей, а вместе с ним приказ о выступлении. Надо сказать, что долгая стоянка в Бердичеве подействовала на солдат и офицеров несколько расхолаживающим образом. Начались разговоры, что войны, вероятнее всего, не будет, а войска после нахождения в летних лагерях вернутся в казармы. Однако двенадцатого апреля стало ясно, что война началась, а уже двадцать первого полк выступил в поход.

И вновь местные жители, любопытствуя, заполнили все крыши и возвышенности, чтобы поглазеть на такое зрелище. Однако на этот раз земля успела подсохнуть, и все обошлось без потеранных сапог. Под звуки полкового оркестра болховцы рота за ротой проходили маршем по знакомым улицам к железнодорожной станции. Составлявшие большинство населения этого городка евреи и поляки, конечно, обошлись без приветственных криков и патриотических манифестаций. Но вездесущие мальчишки радостно бежали вслед солдатам, а некоторые барышни все-таки махали платочками.

Среди последних была и Геся Барнес. Бедная девушка сама не заметила, как не на шутку увлеклась рослым и красивым Николашей Штерном. Он был добр, вежлив и неизменно весел, так что в него нельзя было не влюбиться. Правда, он так и не нашел солдата, принесшего в Бердичев скорбную весть о бедняге Марке, но разве его можно в этом винить? Как вообще можно в чем-то обвинять такого чудесного человека! К тому же взаимные чувства так охватили их, что молодые люди и думать забыли о чем-то кроме друг друга. И вот теперь он уходит, а она остается здесь! Его вообще могут убить на этой дурацкой войне, и она его больше никогда-никогда не увидит... это было ужасно несправедливо!

От таких мыслей бедной девушке хотелось плакать, но разве можно было показать эти слезы другим? Поэтому она улыбалась и махала платком, надеясь, что он ее увидит. Надо сказать, что в своем лучшем платье и почти новенькой шляпке Геся была необычайно хороша. А

одолженные у подружки длинные до локтя перчатки делали ее даже изысканной. Во всяком случае, многие офицеры, завидев столь прелестную особу, подкручивали усы и подбоченивались, но она не обращала на них никакого внимания, ведь она ждала его!

И судьба наградила ее за терпение, очередная марширующая рота, повинувшись приказу начальства, остановилась на минуту, и она увидела Николашу. Тот тоже заметил ее и замахал рукой. Строгий офицер хотел было сделать ему замечание, но, увидев Гесю, улыбнулся и приложил два пальца к козырьку кепи. Рядом со Штерном стоял его приятель Алеша, тоже очень приятный молодой человек, к тому же влюбленный в кузину Николая. Других она просто не замечала, хотя они явно обратили на нее внимание, и по рядам солдат пошли смешки. Правда, был еще один солдат, довольно высокого роста, острый взгляд которого кольнул девушку. Но он сразу же отвернулся, а она через минуту и думать о нем забыла.

– Глянь, какая мамзеля нашего барчука проводить пришла, – толкнул Дмитрия в бок неразлучный с ним Федька.

– Ничо так, с пивом пойдет, – с деланным равнодушием отвечал ему Будищев.

– В шляпке, как барыня, – мечтательно протянул Шматов.

– Тебе-то что?

– Да ничего, – пожал плечами солдат, – твоя-то в платке была, по ней сразу видно – из простых, а эта... Красивая!

– Какая еще моя?

– Ну та, помнишь...

– Тьфу, нашел, о чем толковать. Я уж и забыл про нее.

– Ну и зря, красивая девка. Не такая, конечно, как у Николки, однако...

– Слышь, завязывай с бабами, а то я тебя донимать начну!

– А чего я?

– Да ничего! Тебе вот Ганна хоть на прощание разок дала?

– Ты чего, Граф! – Покраснел до корней волос Федька. – Услышит еще кто.

– Значит, дала, – констатировал Будищев в ответ.

– Да тихо ты!

– Не бойсь, Охрим не услышит.

Они попрощались с хозяевами еще ранним утром. Явор буркнул им на прощание что-то вроде: «Помогай вам Бог», раздобревшая к весне хозяйка, и впрямь в последнее время ставшая довольно благосклонной к Федору, даже всплакнула немного. А сильно вытянувшаяся и как-то даже повзрослевшая Оксана стояла и загадочно улыбалась. Еще накануне вечером она протянула Дмитрию красиво вышитый рушник. Внимание от дважды спасенной им девчонки было неожиданно приятно, и он хотел в благодарность поцеловать ее в щеку, но чертовка неожиданно подставила ему губы и обожгла в темноте жарким поцелуем. После этого девочка, хотя, наверное, уже девушка, тут же испарилась, оставив ошарашенного солдата одного.

– Равняйсь! – прервала его воспоминания поданная зычным голосом ротного команда. – Смирна! Шагом арш!

И рота как чудовищный механизм, состоящий из множества винтиков, в едином порыве двинулась вперед, грузиться в вагоны. Путь болховцев лежал на Балканы. Освободить из турецкого ига единоверную Болгарию, а также всех балканских христиан.

Апрель 1877 года выдался в Бессарабии жарким. Пригревавшее по-летнему солнышко иной раз уже не радовало, а напротив – вызывало раздражение у измученных долгим переходом людей. По железной дороге Болховский полк добрался только до станции Бирзулы, а дальше пришлось идти своим ходом. Больше всего неудобств доставляла нехватка воды. Фляг у большинства солдат не было, и потому им приходилось идти, страдая от жажды. Тем не менее люди шли бодро, стараясь не замечать трудностей, и через десять дней тяжелого пере-

хода добрались до Кишинева. Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич пожелал лично встретить полк и остался доволен увиденным.

– Экие молодцы! – немного патетически воскликнул он. – Видит Бог, разобьем турок.

– Под вашим командованием всенепременно! – подобострастно отвечал ему Буссе, заслужив милостивый взгляд царского брата.

– А ведь я помню, как ваши орлы браво маршировали в Бердичеве. Некоторые даже сапоги потеряли.

Толпящиеся вокруг офицеры из блестящей свиты его императорского высочества сдержанно похихикали шутке великого князя, после чего их кавалькада стремительно понеслась в город, провожаемая усталыми взглядами солдат.

– Граф, а Граф... – хриплым голосом спросил Шматов.

– Чего тебе?

– Вода еще есть?

– А ты свою куда дел?

– Дык это...

– Другим отдал?

– Мучаются же люди...

Дмитрий с досадой поглядел на товарища. Он, в отличие от многих своих сослуживцев, еще в Семеновке сообразил, что из водочного штофа выйдет прекрасная фляга, особенно если оплести ее ивовым прутом. Сам он, правда, плести не умел, но недостатка в такого рода мастерах под Бердичевом не было. Позаботился он и о Федоре, и о вольнооперах, так что переход дался им значительно легче, чем остальным. Вот только сердобольный Федька регулярно делился своими запасами драгоценной влаги с другими и потому к вечеру сам страдал не меньше остальных.

– Люди, между прочим, ржали надо мной, когда я бутылки подбирал, – пробурчал Будисцев, но все же протянул флягу товарищу.

Шматов быстро приложился к горлышку и сделал несколько жадных глотков. Шагающий рядом дядька Никифоров с тоской посмотрел, как тот пьет, и, облизнув губы, устало сказал:

– Наверное, тут дневку устроят.

Дмитрий в ответ только пожал плечами и продолжал шагать, цепляя на ходу бутылку к поясу. Вскоре и впрямь объявили привал. Услышав команду, утомленные солдаты стали искать, где пристроиться на отдых. Некоторые, скинув амуницию, садились прямо на землю, где стояли. Те, кому повезло больше, устроились в тени повозок. Третьи же, особенно страдавшие от жажды, двинулись в поисках колодца.

Кишинев был буквально напичкан военными всех родов войск, от казаков до артиллеристов. Все мало-мальски приличные квартиры были заняты, так что многие офицеры Болховского полка вынуждены были разместиться вместе с солдатами в чистом поле, поскольку палаток у них не было. Впрочем, уже на следующий день ситуация изменилась. Великий князь решил перенести главную квартиру действующей армии в Плоешти, а вслед за ним отправилась целая свора штабных офицеров, чиновников военного ведомства, поставщиков и просто разных темных личностей, крутящихся вокруг начальства.

Штерн, у которого еще осталось немного денег, предложил приятелям пойти в чайную. Те на сей раз не стали отказываться, тем более что находилось сие заведение совсем недалеко от места их стоянки.

Внутри довольно большого, хоть и неказистого здания было шумно, да к тому же изрядно накурено. В нескольких смежных комнатах яблоку было негде упасть от толпящихся там посе-

тителей. Одни сидели за маленькими столиками, другие стояли рядом, а между теми и другими пулей носились чернявые половые³⁴ с чайниками.

Хозяин наметанным глазом сразу определил, что у вольноперов денежки водятся, и предложил друзьям занять «отдельный кабинет» или попросту небольшой закуток, отделенный занавеской. Николаша тут же согласился, и через минуту они уже сидели за столом, а ловкий мальчишка в длинной, почти до колена, рубашке взгромоздил перед ними большущий чайник, пышущий жаром, чашку меда и связку баранок.

– Пжаласта, – с улыбкой немного ломаным языком сказал он им.

– Угощайтесь, – широким жестом махнул Штерн.

– Благодарствуйте, барин, – шутовски поклонился ему в ответ Будищев, – все как в лучших домах Парижа, Лондона и Бердичева.

– Ах, друг мой, зачем вы бьете по больному? – с улыбкой отвечал ему Николаша. – Вы ведь знаете, что мое разбитое сердце осталось именно в этом городке!

– Будет день – будет и пища, – философски отвечал ему Дмитрий, пожав плечами. – Кто знает, может, еще сегодня какая-нибудь смуглянка-молдаванка излечит тебя от этой страсти. А впереди Болгария, где девушки, по слухам, тоже ничего.

– Смуглянка-молдаванка, – задумчиво повторил за ним Лиховцев. – Право, друг мой, вам определенно не чужда поэзия, но вы всякий раз используете ее, чтобы опошлить высокие чувства. Удивляюсь я вам, честное слово!

– А я удивляюсь нашему разлюбозному Николаю Людвиговичу, – нимало не смущаясь полученной отповедью, отвечал Будищев. – Вот ни разу не поверю, что в этом богоугодном заведении не подают ничего крепче чая! Зачем-то же он согласился на «отдельный кабинет», так какого черта?

– Ну, это само собой, – ухмыльнулся Штерн и, встав, выглянул из-за занавески, чтобы привлечь к себе внимание половых.

Пока они так говорили, Шматов успел налить себе полное блюдо горячего чая и маленькими глотками прихлебывал его, блаженно шурясь при этом.

– Кушай, Федя, кушай, – не преминул поддеть его Дмитрий, – наедай шею, как у быка... хвост!

– Черт возьми! – вдруг воскликнул Штерн и выскочил наружу.

– Что это с ним? – удивленно спросил Лиховцев, отставив в сторону стакан.

– Небось, девку увидал, – ухмыльнулся Будищев, берясь за чайник.

Однако он ошибся, и через минуту Николаша вернулся назад, ведя за собой тщедушного молодого человека в студенческом мундире.

– Господа, – торжественно провозгласил он, – позвольте представить вам моего хорошего приятеля, которого я совершенно не чаял встретить здесь! Рекомендую, студент Горного института Всеволод Гаршин, прошу любить и жаловать.

– Здравствуйте, господа, – вежливо поклонился тот и протянул руку, которую по очереди пожали Алексей, Дмитрий и ужасно смутившийся Федька.

– Какими судьбами, дружище? – начал расспрашивать его Николай.

– Я приехал, чтобы принять участие в войне, – буднично и без малейшей аффектации ответил тот.

– Вот как?

– Именно так, неужели вы думали, что я смогу в такой час остаться праздным? К сожалению, я слишком поздно узнал, что вы уже вступили в армию, и не успел к вам присоединиться. Но уладив дела, я тут же отправился в Кишинев, рассчитывая вступить в какой-нибудь полк. Правда, у меня нет никаких знакомств...

³⁴ Половой – трактирный слуга.

– Ну, тогда ты попал по нужному адресу, дружище! – хлопнул его по плечу Штерн. – Я в довольно хороших отношениях с нашим ротным командиром и могу замолвить за тебя словечко.

– Был бы чрезвычайно тебе этим обязан...

– Не вижу повода не выпить, – с усмешкой проронил внимательно наблюдавший за их разговором Будищев.

– Чудесная мысль! – хлопнул себя по голове Николаша и, сорвавшись с места, выбежал наружу.

Через минуту он уже вернулся вместе всё с тем же половым, несущим очередной чайник. Однако на этот раз в нем оказался не отвар китайской травы, а превосходная виноградная водка.

– Ну что же, за боевое содружество! – провозгласил тост Штерн, разлив содержимое чайника по маленьким чашкам.

Выпив, приятели закусили баранками и принялись расспрашивать друг друга о службе, общих знакомых и тому подобном. Дмитрий с Федором почти не участвовали в разговоре, но если первый внимательно прислушивался, то второй лишь смущенно улыбался, ничего не понимая в их речах.

– Кстати, – воскликнул немного покрасневшийся от выпитого Штерн, – я слышал, что у нас в полку будет организована охотничья команда. Было бы недурно вступить в нее, а?

Лиховцев с Гаршиным горячо поддержали эту идею и вопросительно уставились на остальных.

– Я с Графом, – застенчиво улыбнулся в ответ Шматов, – куда он, туда и я.

– А вы, Дмитрий?

– Охотничья, это в смысле – добровольно? – спокойным голосом переспросил тот.

– Разумеется!

– Тогда черта с два!

– Что?! – вытянулись лица у вчерашних студентов.

– Я сказал нет!

– Но отчего?

– Оттого, что дураки делятся на три категории, – охотно пояснил им Будищев, – идиоты, кретины и добровольцы!

– Как вас понимать? – удивился Гаршин. – Разве вы не добровольно пошли в армию...

– Нет, меня загнали сюда насильно. И я не имею ни малейшего желания сложить свою голову за свободу болгар или еще кого. Прятаться за чужими спинами я, конечно, не стану, но и вперед не полезу.

– Вы... вы... – новый знакомый был так поражен услышанным, что никак не мог найти слов от удивления.

– Вечер перестает быть томным, – хмыкнул Дмитрий. – Федя, пошли отсюда, барчукам есть о чем поговорить и без нас, сиволапых. Приятно оставаться, господа.

– Что это было? – Гаршин нашел наконец в себе силы говорить.

– Не обращай внимания, – махнул рукой Штерн, – наш друг большой мизантроп и циник. Что, впрочем, совершенно не мешает ему быть отличным товарищем.

– Да как вы вообще можете общаться с таким человеком!

– Простите, Всеволод, – счел своим долгом вмешаться Лиховцев, – но вы его совершенно не знаете. Он странный, мрачный и иногда не слишком приятный в общении человек, но вместе с тем определенно не лишенный благородства. При всем при этом сильный и храбрый.

– Храбрый?!

– А как бы вы назвали человека, рискнувшего отправиться в одиночку в зимний лес, чтобы спасти совершенно неизвестного ему ребенка? И при этом без колебаний вступившего в схватку с волками!

– Поразительно! Но как это возможно в одном человеке?

– О, это далеко не самое удивительное. Пообщавшись с ним немного, вы наверняка перемените свое мнение.

Пока полк стоял в Кишиневе, начальство развило бурную деятельность по подготовке к походу. Были наконец-то закуплены жестяные фляги для солдат, сухарные мешки, белые чехлы для кепи с назатыльниками и множество других полезных вещей. Наконец все было готово, и 6 мая авангард 13-го корпуса, состоявший из Болховского и Нежинского полков и девяти артиллерийских батарей, выступил по направлению к границе. Погода к тому времени совершенно переменилась, и на смену все усиливающейся жаре пришли проливные дожди, мигом превратившие грунтовые дороги в одну громадную лужу, полную раскисшей и липкой грязи. В этой грязи стали немедленно вязнуть обозы и артиллерия, так что солдатам пришлось прийти на помощь лошадям.

Не миновала сия чаша и наших друзей. Рота Гаупта была закреплена за одной из батарей, и ее солдаты временно переквалифицировались в бурлаков. Во всяком случае, Будищев, впрягаясь в ляжку, чувствовал себя именно так. Хуже всего было то, что палаток им так и не выдали, так что после тяжелого дня обсушиться было совершенно негде.

– Когда же это проклятый дождь кончится? – со стоном прохрипел Шматов, прислонившись к одиноко стоящему дереву. – Сколько можно, льет и льет.

– Погоди, еще не рад будешь, – буркнул в ответ Дмитрий, доставая что-то из-за пазухи.

– Кабы не дождь, – продолжал причитать Федька, – сейчас бы кашевары костры развели да сварили чего-нибудь горячего.

– Ничего, на сухарях посидишь!

– Злой ты, Граф!

– Нет, я самый добрый, – усмехнулся тот в ответ и протянул приятелю кусок сыра.

– Ты где взял? – изумился Шматов.

– Где взял, там уже нет.

– Купил?

– Ага, я же миллионер.

– Неужто...

– Федя! Ну сколько раз тебе говорить, не задавай глупых вопросов – не получишь уклончивых ответов.

Некоторое время Шматов жевал молча, раздумывая над мудреной фразой, сказанной ему приятелем. Но надолго его, как обычно, не хватило, и, покончив с угощением, он спохватился:

– А с барчуками поделился?

– Чтобы мне Гаршин своими проповедями всю плешь проел? Ему бы в попы пойти – цены бы не было!

Новый доброволец довольно быстро вписался в их роту. Несмотря на невзрачную внешность, в этом вчерашнем студенте чувствовалась какая-то внутренняя сила. Он никогда не жаловался на трудности, но всегда был готов прийти другим на помощь. Первым брался за любую работу и последним бросал. Солдаты скоро прониклись к нему нешуточным уважением и даже звали его не «барчуком», как прочих вольноопределяющихся, а Михалычем. Вот только у Будищева с ним отношения не складывались, впрочем, Дмитрий не слишком к этому и стремился, хотя Лиховцев и Штерн несколько раз пытались их примирить.

– Ах, вот вы где! – воскликнул подошедший вместе с другими вольнооперами Николаша, так и не растерявший своей жизнерадостности. – Мы вас обыскались.

– Нашли? – немного насмешливо поинтересовался в ответ Дмитрий.

– Как видите.
– Рад за вас.
– Судя по всему, завтра мы перейдем границу.
– И что, кормить будут лучше?
– Ну да, – засмеялся Штерн, – по крайней мере хотелось бы.
– Главное, что мы ближе к цели, – устало сказал Гаршин, присаживаясь рядом. – А бытовые трудности можно перенести.

– Война войной, а обед по расписанию! – ответил ему Дмитрий и, снова вытащив из-за пазухи сверток с сыром, развернул его и принялся нарезать ломтями. – Угощайтесь.

– О, чудная брынза! – воскликнул с набитым ртом Штерн.

– Действительно недурно, – согласился с ним Алексей и вопросительно посмотрел на Всеволода.

– Благодарю, – кивнул тот Будищеву, – а где вы его взяли?

– У местных, – лаконично отвечал ему Дмитрий, не став вдаваться в подробности.

– Вы совершенно бесподобны, мой друг, – снова начал Николаша. – Непонятно только когда успели, я ведь готов поклясться, что вы все время тащили вместе с нами эту проклятую пушку.

Будищев, впрочем, не стал отвечать на этот вопрос, а, подняв воротник шинели, сел рядом со Шматовым и надвинул на глаза кепи. Приятели, немного помедлив, последовали его примеру и тоже устроились отдыхать.

К утру дождь почти прекратился, и, хотя небо по-прежнему хмурилось, лица солдат повеселели. Увы, намочивший все вокруг дождь не дал возможности разжечь костры и приготовить пищу, так что им пришлось снова довольствоваться сухарями. Предстоял очередной тяжелый день, как две капли непрерывно льющейся с неба воды, похожий на предыдущие. Штабс-капитан Гаупт, несмотря на окружающую обстановку, сверкавший белоснежным воротничком и гладко выбритым подбородком, хмуро осмотрел бивуак своей роты. Он был по-своему заботливым командиром, и то, что подчиненные ему солдаты который день не получают горячего питания, конечно, беспокоило его. Но поскольку поделаться с этим ничего было нельзя, он старался сосредоточиться на своих обязанностях. Впрочем, нижние чины, невзирая ни на что, были бодры и почти весело козыряли своему начальству. Кое-где слышались забористые шутки и смех, так что офицер не без удовлетворения подумал, что стойкость и неприхотливость русского солдата еще не раз принесет пользу армии.

– Здравия желаю вашему благородию, – отвлек его от мыслей чей-то голос, и Гаупт, обернувшись, увидел их нового вольноопределяющегося – Гаршина.

– Ах, это вы, – улыбнулся он, – ну как вам служба? Не жалеете, что отказались от должности писаря?

– Нет, что вы, – помотал головой вольнопер. – Я не ищу никаких поблажек в этой войне.

– Как знаете, – пожал плечами штабс-капитан. – Вы что-то хотели?

– Нет, ничего... разве что...

– Что вас беспокоит?

– Простите, но я никак не могу понять, зачем бить по лицу солдат, и без того измученных тяжким трудом и бескормичей?

– Вы, верно, про Венегера? Ладно, не отвечайте. Он сам мне сказал, что вы как-то странно на него смотрели. Так вот, господин Гаршин, я уважаю ваш порыв, приведший вас в действующую армию, но хочу сказать, что в армейской службе вы ровным счетом ничего не понимаете.

– Но...

– Не перебивайте старшего по званию! Даже если он обращается к вам вне строя. Так вот, упаси вас бог как-то конфликтовать по этому поводу, равно как и по всякому другому, с поручиком! Просто потому, что он – офицер, а вы пока что – нижний чин. К тому же должен

добавить, что я, конечно, не одобряю его методов, но не могу отрицать, что иногда по-другому нельзя. Увы, народ наш темен и неразвит, а прогресс в военном деле, равно как и во всяком другом, не стоит на месте. И иной раз приходится, я повторяю – приходится, обучать его воинской дисциплине и технике методами, далекими от гуманизма. Вы понимаете меня?

– Но разве нельзя действовать по закону?

– По закону, милостивый государь, очень легко превратить жизнь солдата в ад. Но самое ужасное состоит в том, что солдат, наказанный по закону, будет думать, что лучше бы ему, пардон, морду набили.

– Но это отвратительно!

– Господин Гаршин, мы с вами на войне, и вы вряд ли даже в горячечном бреде можете себе представить, сколько мы всего увидим ужасного и отвратительного!

Пока они так беседовали, к ним подскочил полковой адъютант поручик Линдфорс и, ловко соскочив с седла, поприветствовал, приложив два пальца к козырьку кепи.

– Доброе утро, господа!

Гаршин с Гауптом откозыряли в ответ, а затем обменялись рукопожатиями.

– Какие новости, Павел Иванович?

– Да какие могут быть новости, – отмахнулся тот. – Полковник с утра в совершенно вздрюченном состоянии, а потому рвет и мечет!

– Что случилось?

– Да сушая нелепость! Вообразите, какой-то местный пейзажник ухитрился пробраться пред светлые очи его превосходительства генерала Тихменева и пожаловаться на наших солдат.

– Навегное, дочку испогтили? – не без интереса в голосе спросил только что подошедший к ним Венегер.

– Как бы не так, головку сыра украли!

– Совсем отощали солдатики, – постным голосом отозвался поручик, – на дочек кгестьянских даже не смотрят, а только на съестное. А ведь сгеди них попадаютя и весьма недугные!

Линдфорс ответил на шутку приятеля лошадиным ржанием, и даже Гаупт слегка улыбнулся в усы. Только Гаршин оставался стоять с каменным лицом, что, впрочем, все списали на его общеизвестную нравственность.

– Мародерство – вещь, конечно, недопустимая, но в сложившихся условиях я не могу осуждать своих солдат, – решительно махнул рукой Гаупт. – К тому же головка сыра не бог весть какая потеря.

– Можете быть покойны, Владимир Васильевич, наш «старик» сказал точно так же, однако генерал рвет и мечет, так что приходится изображать принятие мер.

– Глупая затея! У нас в авангарде более пяти тысяч солдат, попробуй дознайся. А во время дознания даже самый неразвитый солдат сообразит о подобном методе пополнения желудка, если, конечно, это еще не пришло ему в голову. А то, что виновника не нашли, лишь подстегнет предприимчивость.

– Кажется, местный сыр называется брынзой? – задумчиво спросил Гаршин, до тех пор, казалось, погруженный в свои мысли.

– Да, а вам что-то известно об этом происшествии? – удивленно уставился на него штабс-капитан.

– Что? А нет, совершенно ничего не известно, просто...

– Пгосто пост, котогый мы в последнее вгемя вынуждены дегжать, все время поворачивает наши мысли только в одном напгавлении, – закончил за него Венегер со смехом.

Все присутствующие дружно поддержали его и еще некоторое время смеялись. Затем Гаупт поежился, глядя на вновь усилившийся дождь, и спросил:

– А что слышно по поводу охотничьей команды?

– Отложено до прибытия в главную квартиру. Мой драгоценный братец находится по этому поводу в черной меланхолии.

– Его все-таки прочат начальствовать этой командой?

– Именно. Кстати, у меня к вам дело, господин штабс-капитан.

– Слушаю вас.

– Наш «старик», повинуюсь приказу его превосходительства, приказал усилить дозорную службу. Пока «охотников» у нас нет, патрули будут высылаться по очереди ото всех рот. Начнем с вашей, приказ уже заготавливают, так что ждите.

– А вот это, пожалуй, разумно. Все-таки граница рядом. Хорошо, я распоряжусь.

– Честь имею, господа, – откланялся Линдфорс и, вскочив в седло, выругался на вновь усилившийся дождь. – Черт поberi, что за погода!

Впрочем, непогода досаждала не только военным. Примерно в это же время на перрон Кишиневского вокзала вышла из только что прибывшего поезда миловидная барышня. Пелерина, покрывавшая ее плечи, вряд ли была надежной защитой от струй, льющихся из столь некстати разверзшихся небесных хлябей, но она храбро шагнула вперед и, не обращая внимания на дождь, двинулась к своей цели.

– Не изволите ли в экипаж? – принялись зазывать ее местные извозчики, но та в ответ лишь покачала головой.

– Лучше скажите, правильно ли я иду к миссии Красного Креста? – смущенно спросила она.

– Правильно-правильно, – буркнул в ответ один из них, сообразивший, что у молодой женщины, очевидно, нет денег.

Скоро барышня была у цели своего путешествия и решительно двинулась к входу.

– Как прикажете доложить? – преградил ей дорогу здоровенный солдат в накинутой на плечи шинели.

– Мне нужно... – замялась девушка, – к самому главному...

– Это к его превосходительству Сергею Петровичу Боткину, – удивился страж, – так их нет сейчас!

– А кто есть?

– Михоленко, – раздался чей-то громкий голос, – что там у тебя?

– Да вот барышня, желают...

– Что еще за барышня? – наружу вышел благообразный господин в чиновничьем мундире. – Чем могу служить, мадемуазель?

– Я хотела бы служить в госпитале, – решительно ответила ему посетительница.

– Вот как, а что же вы умеете?

– Все, что потребуется.

– Довольно странный ответ. Дело в том, милейшая, что нынешнее развитие медицины даже от сестер милосердия требует известных знаний. Вы где-нибудь учились этой науке?

– Нет, но...

– Боюсь, что в таком случае я не смогу быть вам полезен, равно как и вы нам.

– Но что же мне делать? – с отчаянием в голосе спросила девушка.

– Милая барышня, вас, вероятно, подвигло на это деяние желание следовать некоему молодому человеку, ушедшему в армию? Я вполне понимаю и даже в некоторой степени одобряю ваш порыв, но боюсь, что лучшее, что вы можете сделать, это вернуться домой к родителям!

– Мне некуда возвращаться, – потерянным голосом отвечала ему она.

– Ну, это вы зря, мадемуазель, ваши родные, вполне вероятно сердятся на вас, но вряд ли настолько...

– Вы не поняли, – перебила его девушка, – у меня никого нет! Мои родители умерли. К тому же матушка перед смертью долго болела, поэтому мне волей-неволей пришлось научиться ухаживать за больными. Возможно, я не знаю каких-то научных вещей, но как ухаживать за тяжелобольными мне, к сожалению, известно очень хорошо!

– Простите, – смешался чиновник, видя ее неподдельное горе. – Но почему же вы приехали сюда, неужели у вас совсем никого не осталось?

– Никого. Возьмите меня. Я готова ухаживать за умирающими. Готова помогать при перевязках, мыть обессилевших и выносить за ними судна. Готова кормить страждущих с ложки и...

– Вы сейчас это серьезно?

– Да... простите, как мне вас называть?

– Надворный советник Гиршовский, – изобразил поклон ее собеседник, – но можете звать меня Аристархом Яковлевичем. Я некоторым образом начальник одного из полевых госпиталей... а как вас зовут?

– Гес... Гедвига Берг.

– Пардон, а вы...

– Я лютеранка.

– Нет, простите, – смешался Гиршовский, – я вовсе не это хотел спросить, у вас есть бумаги?

– Увы, меня обокрали в поезде, и почти не осталось никаких документов или вещей, кроме этого узелка.

– Господи, какой ужас! Впрочем, сейчас действительно кругом столько всяких подозрительных личностей. Как говорится, кому война, а кому мать родна! Ну, хорошо, я, пожалуй, возьму вас санитаркой. Учтите, работы у вас будет много, причем довольно тяжелой и грязной. Так что если вы отправились в действующую армию за мужским обществом, то хочу сразу вас заверить, что времени на это не будет. И не надо так смотреть! Я человек прямой и даже, некоторым образом, бесцеремонный, поэтому сразу предлагаю определиться. Если вам мое предложение подходит, то...

– Да, я согласна, – быстро ответила ему Гедвига.

– Ну что же, прекрасно! Я вижу, вы совсем промокли и, как понимаю, переодеться вам не во что? Пойдемте, я, по крайней мере, напою вас горячим чаем. Никаких возражений, вам это совершенно необходимо, это я как врач говорю!

На следующий день, когда девица Берг приступила к своим обязанностям, один из младших врачей спросил Гиршовского: зачем тот принял еще одну барышню, ведь в персонале не было недостатка?

– Ах, молодой человек, – покачал головой старый врач, – с одной стороны, вы совершенно правы. В нашем госпитале довольно иной раз весьма милых сестер милосердия, причем многие из них хороших фамилий. Есть, кажется, даже одна княжна. Но ни одна из них, кроме, разумеется, «крестовых»³⁵, понятия не имеет, что их ждет! А вот мадемуазель Гедвига представляет это вполне верно. И если я в ней не ошибся, то пользы от нее будет значительно более, чем от любой другой барышни.

– А вам не кажется, что она жидовка?

– И что, судно, простите, с солдатским дерьмом как-то иначе воняет, когда его выносит еврейка?

– Нет, но...

– А посему, настоятельно рекомендую вам, коллега, впредь воздерживаться от подобного рода высказываний!

³⁵ Крестовая сестра – то есть монахиня.

В середине мая дожди закончились так же внезапно, как и начались, после чего наступила страшная жара. Скоро выяснилось, что русские солдаты, казавшиеся совершенно нечувствительными к холоду и сырости, гораздо хуже переносят избыток тепла. Дня не случалось, чтобы на марше у кого-то из них не случался обморок, хотя смертельных случаев, возблагодарение Господу, пока не было. Другой напастью стали частые кишечные заболевания. С последними начали всемерно бороться, для начала запретив пить сырую воду, и вскоре положение улучшилось.

Поход продолжался уже почти месяц, когда авангард 13-го корпуса достиг Плоешти и встал на дневку. При входе в город болховцев встречал сам государь, у которого для каждой роты нашлось доброе слово. Солдаты в ответ так дружно кричали «ура», что многие охрипли.

Будищева этот порыв чувств почти не затронул, а вот Шматов орал так и смотрел на самодержца с таким обожанием, что Дмитрий мог только подивиться такому верноподданническому экстазу. Когда царь наконец уехал, многие солдаты и офицеры бросились бежать следом за его коляской. Государю даже пришлось попросить их «пожалеть свои ноги»³⁶, но те, разумеется, его не послушали и бежали, пока царский экипаж не скрылся вдали.

Вечером в полку только и было разговоров, что о встрече с царем. Под впечатлением были даже вольноопределяющиеся, а Федька просто прожужжал своему приятелю все уши. То, как посмотрел, то, как рукой махнул, то улыбнулся уж очень милостиво...

– Жуй давай, – не выдержал он наконец, указывая товарищу на плошку с остывающей кашей.

– Ага, – охотно согласился тот и тут же продолжил как ни в чем не бывало: – Слышь, Граф, это же в нашей деревне никто сроду царя не видал, а я сподобился!

– Что, и помещик?

– А чего помещик, – пожал плечами Шматов, – он как волю объявили, совсем редко появляться стал.

– Чего так?

– Да кто его знает? Раньше-то почитай не выезжал из усадьбы своей. Все хозяйством занимался.

– Это как?

– Да я мальцом еще совсем был, а родители сказывали, строг был, по хозяйству-то. Как что не по его, так велит выпороть!

– А за что?

– Да за все! Вспахано с огрехами – пороть. Скирды неровно уложены – опять же пороть. А уж если сено сырое, так снимай портки и не греш!

– А теперь?

– А что теперь? Волю объявили, стало быть, крепости более нет. Он осерчал, конечно, говорят, даже кричал, что манифест подложный...

– Значит, теперь не порет?

– Ну почему? Случается, только теперь для этого надо исправника вызвать да в суд отвести³⁷. Там, конечно, не откажут, но это же какая волокита... вот он подальше от имения-то и держится, чтобы не сердчать. А все государь наш, царь-батюшка, ослобонил...

– Понятно.

– Ничего-то тебе, Граф, не понятно! Хороший ты человек, только не знаешь нашей жизни, хоть вроде и из крестьян сам. Ты вот ни черта, ни бога не боишься, и даже офицера в тебе своего чуют, а через то многое спускают... не поротый ты!

³⁶ Реальный факт.

³⁷ Телесные наказания для крестьян в России отменили только в 1906 году.

Какое-то время они, чувствуя неловкость, сидели молча. Но Шматов, давно признавший верх Будищева, очевидно, ощущал какую-то вину, оттого что осмелился так говорить со своим старшим товарищем, и явно мучился, подыскивая тему для разговора.

– Тебя, должно, опять с Линдфорсом пошлют? – наконец нашелся он.

– Типун тебе на язык, – буркнул в ответ Дмитрий, – задрал уже этот подпоручик!

После того, как на переходе Будищева назначили в патруль, начальником которого был брат полкового адъютанта, тот проникся к нему небывалой симпатией и упросил Гаупта всегда посылать его с ним. Тому, разумеется, и в голову не пришло отказать, а Дмитрий стал всерьез беспокоиться, нет ли на уме у молодого и миловидного офицера каких извращений.

На самом деле, он совершенно зря его подозревал в чем-то нехорошем. Просто подпоручик как-то видел его тренировки и запомнил, как ловко тот умеет ломать руками и ногами разного рода предметы. К тому же необычный солдат имел неосторожность травить на привале анекдоты, от которых все, включая начальника патруля, безудержно смеялись. Стоит ли говорить, что не все из них были приличными? Впрочем, после некоторой адаптации юный подпоручик смог блеснуть ими перед другими офицерами, после чего его репутация весьма укрепилась. Многие даже поверили, что Ваня Линдсфорс ничуть не меньший повеса, чем его старший брат.

Между тем настоящая война становилась все ближе. Настоящая это не та, которую объявляют дипломаты, обмениваясь нотами. Настоящая это та, где гремят выстрелы, взрываются бомбы и ежечасно, ежеминутно и ежесекундно гибнут или калечатся люди, стремясь при этом убить или покалечить других.

Русские войска подтягивались к Дунаю, собираясь переправиться на вражеский берег, а турки, в свою очередь, были полны решимости этого не допустить. Болховцы стояли в пятнадцати верстах от Дуная и потому не видели развернувшейся там эпичной картины сражения, однако звуки канонады доносились столь ясно, что любому новобранцу было понятно – дело там жаркое и кровь льется рекой.

Наконец, пятнадцатого июня полк, получив приказ, двинулся к месту переправы. Лица людей в ожидании боя сразу стали серьезными, однако вступить в сражение им сегодня не пришлось. Уже на полпути встречный казак принес радостную весть о первой победе русского оружия – наши перешли Дунай!

– Вот и хорошо, – буркнул про себя Дмитрий, прибавив вместе со всеми шаг.

– Что? – тут же встрял не расслышавший его Федор.

– Ничего, шагай давай!

Однако если судьба взяла тебя на заметку, то от нее не спрячешься. Уже был виден стоящий у самого Дуная городок Зимницы, когда подскакавший к строю брат полкового адъютанта подпоручик Линдсфорс коротко переговорил с едущим рядом Гауптом. После чего тот крикнул во весь голос:

– Будищев, в распоряжение его благородия, быстро!

– Есть, – без малейшего энтузиазма откликнулся вызванный и вышел из строя.

Довольно улыбнувшийся подпоручик показал ему на ведомую в поводу лошадь и махнул рукой, дескать, садись и держись за мной. Дмитрий терпеть не мог верховую езду, но делать нечего, так что пришлось с видом христианского мученика прыгать в седло и, раскачиваясь, нестись следом за офицером.

Несмотря на то что передовые русские части уже переправились через Дунай, турки еще вполне могли прервать сообщение между двумя берегами. Для этого у них были необходимые силы: вооруженные пароходы и даже бронированные чудища – мониторы. Все, что наши могли им противопоставить, это маленькие паровые катера, вооруженные шестовыми минами. Совершенно неожиданно эти утлые суденышки оказались весьма действенным оружием в войне. Еще до переправы два молодых и отчаянных лейтенанта – Федор Дубасов на

катере «Цесаревич» и Алексей Шестаков на «Ксении» – атаковали и уничтожили турецкий монитор «Сельфи». Это так деморализовало турок, что они отвели свои боевые корабли и никак не препятствовали переправе.

Однако не всем так повезло. В небольшой заводи, у импровизированного причала стоял катер «Шутка», вышедший в атаку на вооруженный турецкий пароход, но так и не добившийся успеха. Его командир, мичман Константин Нилов, с немалым сожалением вспоминал свой не успех, но поделаться ничего уже было нельзя. Вряд ли напуганный враг еще раз подставится для атаки.

На берегу тем временем появился какой-то верховой офицер, сопровождаемый солдатом. Последний с любопытством взглянул на катер и, соскочив с седла, направился к воде.

– Куды прешь, пехота! – беззлобно ругнулся на него стоящий в карауле матрос Нечипоренко.

– Тебя забыл спросить, – усмехнулся солдат.

– Ты что, не видишь, тут флот стоит!

– Ты про эту лоханку?

– Но-но-но! – выглянул из-за борта не показывавшийся до сих пор мичман.

– Виноват, ваше благородие! – тут же пошел на попятный пехотинец. – Сослепу ваш линкор сразу не разглядел...

– Костя Нилов? – вдруг радостно вскрикнул продолжавший сидеть в седле подпоручик. – Да ты ли это?

– Ваня Линдфорс? – удивленно отвечал тот.

– Ну, конечно! Ты как здесь?

– Да вот, переправу от турок охраняем, а ты?

– Наш полк во втором эшелоне, скоро уже подойдет.

– Прекрасно! Не желаешь чаю?

– Я бы с удовольствием, но...

– Много времени это не займет. Нечипоренко, ставь самовар! Давно не видевишиеся приятели разговорились. Прихлебывая ароматный чай, они быстро перебрали общих знакомых, а затем перешли к более животрепещущей теме – войне. Если Линдфорсу пока что похвастать было нечем, то Нилов уже ходил в атаку и с удовольствием поведал другу детства об этом во всех леденящих душу подробностях. Сидящий неподалеку солдат, которому тоже достался чай, внимательно прислушивался к их разговору и, как показалось мичману, несколько раз ухмыльнулся.

Наконец, когда Константин с сожалением добавил, что только неисправность мины спасла турецкий корабль от верной гибели, дерзкий солдат улыбнулся явно и имел наглость заметить вслух:

– А вот это как раз неудивительно. Кто же так концы изолирует?

– Послушай, – не выдержал мичман, – твой солдат, он что, бессмертный? Или у него зубы, как у акулы, в три ряда растут?

– Будищев, – строго прикрикнул на подчиненного Линдфорс, – отставить разговоры...

– Хотя погоди, – остановил приятеля Нилов, вдруг вспомнивший, как старый гальванер наставлял на заводе молодых мастеровых. «Главное – изоляция», – говорил он им, поднимая палец вверх. – Ты что, разбираешься?

– Немного, – пожал плечами Дмитрий.

– Исправить можешь?

– Если запчасти и изоляция есть, почему нет?

– Но мы спешим, – неуверенным голосом заметил подпоручик.

– Это недолго, ваше благородие, – успокоил его солдат. – А если турки у переправы появятся, то нам без защиты может хреновато стать.

– Вокс попули – вокс деи!³⁸ – подтвердил его слова Нилов.

Дмитрий быстро разобрался в устройстве минного катера. Сама мина крепилась на длинном шесте, которым ее надо было подвести под борт вражеского корабля. Запал на ней был электрический, а ток для его инициации должен был идти по кабелю от гальванической батареи. Для замыкания цепи был устроен простейший рубильник. Все было очень просто, но тем не менее требовало аккуратности и регулярного обслуживания, а вот с последним неопытные моряки явно не справились. Быстро очистив контакты и заизолировав их с помощью просмоленных полосок парусины и вара, Будищев привел схему в рабочее состояние. Нужно было только проверить, а вот с этим оказались проблемы. Лампочки, чтобы сделать контрольку, у моряков не было, а предназначенный для проверки состояния цепи гальванометр³⁹ был разбит во время последней атаки. Подрывать же для проверки запал было как-то чересчур.

– Слышь, как там тебя, Нечипоренко! – крикнул он ревниво смотрящему за его действиями матросу. – Поймай лягушку.

– Каку-таку лягушку? – изумился тот.

– В принципе – любую, но чем больше, тем лучше!

– Исполнять! – строго велел моряку изумленный Нилов и, повернувшись к приятелю, тихо спросил: – Откуда ты взял это чудо?

– Ты все равно не поверишь, – не менее изумленно покачал головой подпоручик в ответ.

– А все-таки?

Линдфорс в ответ шепнул ему на ухо несколько слов, причем с каждым из них у Нилова только шире открывались глаза. Наконец он выдохнул и все так же тихо переспросил:

– Граф Блудов?

– Кажется – да.

– Чудны дела твои, Господи!

Наконец Нечипоренко притащил пойманную им лягушку и протянул Будищеву. Тот, к еще большему изумлению наблюдавших за его манипуляциями, не долго думая, разрубил ее пополам и пристроил половинку трупика к блестящей клемме. Затем плюнул на деревянную свайку, растер слюну и примотал к деревяшке провод.

– Кто-нибудь, замкните контакт, – крикнул он внимательно наблюдавшим за ним морякам, закончив свои манипуляции.

Один из них тут же щелкнул рубильником, и, когда Будищев начал тыкать свайкой в останки земноводного – случилось чудо! Под воздействием электричества ноги невинно убиенного животного стали дергаться, повергнув присутствующих в мистический шок.

– Колдун! – только и смог охнуть матрос.

Дмитрий же просто улыбнулся и сказал:

– Готово!

– А зачем лягушка? – спросил наконец-то пришедший в себя подпоручик.

– Ну, – пожал плечами Будищев, – можно было и на причиндалы Нечипоренко кабель прицепить, только он орать будет громко...

Мичман и остальные матросы, привлеченные любопытством к месту ремонта, очевидно, знакомые с действием электричества, согнулись от хохота и едва не попадали в воду. Неизвестно, сколько бы они еще продолжали смеяться, но тут сигнальщик, сидевший на невысокой вышке, протяжно закричал:

– Турки!

– Спасибо тебе, Господи! – прошептал Нилов и принялся командовать. – Разводить пары! Катер к бою!

³⁸ Глас народа – глас божий (*лат.*).

³⁹ *Гальванометр* – простейший прибор, используемый в то время.

– А вот теперь, ваше благородие, – обратился к своему начальнику Дмитрий, – нам действительно пора!

– Ты куда, Кулибин? – изумился, услышав эти слова, мичман. – Пока мы в гости к туркам не сходим, я тебя никуда не отпущу!

– Как это?

– Да так! Если эта проклятая мина опять не сработает, я тебя самого под их борт засуну!

– Но, Константин, – встрепенулся Линдфорс, – нам ведь действительно пора!

– Ванечка, милый, – голос Нилова стал вкрадчивым, – да разве же я тебя задерживаю? Поезжай, родимый, да кланяйся братцу Павлу Ивановичу. Давно его не видел, не забудь, пожалуйста...

– Твою мать, – почти застонал в ответ Будищев, но было поздно.

Несколько дюжих моряков бдительно следили, чтобы невесть откуда взявшийся гальванер⁴⁰ не сбежал ненароком.

– Я с вами, – решительно заявил подпоручик, но надевавший набитый пробкой жилет мичман в ответ только покачал головой.

– Мон шер, ну посмотри на наш «броненосец», куда я тебя засуну? Твой этот, как его, Блудов...

– Будищев, – машинально поправил его Линфорс.

– Да хоть, О’Бриен де Ласси, – засмеялся Нилов, – в общем, твой «гений гальваники» нам действительно может пригодиться. А что ты будешь делать, саблей турецкий монитор рубить? Так что, жди нас здесь, Ванечка, мы скоро!

Рядовой Федор Шматов с тоской глядел на виднеющийся вдали турецкий берег Дуная. В отличие от румынского, он был довольно высок, крут, а местами даже обрывист. От мыслей, каково пришлось под турецким огнем переправлявшимся тут накануне солдатам, у него все съеживалось внутри. Но самое главное, он очень беспокоился о пропавшем приятеле – Будищеве. Ускакавший вместе с подпоручиком Линдфорсом Дмитрий пропал, как в воду канул. Что хуже всего, спросить о его судьбе было некого. Однако Федька все же старательно прислушивался к чужим разговорам, вдруг кто-нибудь упомянет о пропавшем товарище.

– Да уж, несладко нашим пришлось, – вполголоса заметил стоявший неподалеку Лиховцев.

– Вы правы, – напряженно ответил ему Гаршин.

Шматов хотел было обратиться к вольнооперам, но тут раздалась команда, и их батальон снова двинулся вперед.

Посреди Дуная, ближе к румынскому берегу был небольшой островок, скорее даже просто отмель, под названием Чингинев. На него уже был наведен понтонный мост, по которому сейчас и шагали болховцы. Зайдя на остров, они тут же грузились на баржи, уже пришвартованные к маленькому колесному пароходку, предназначенному оттащить их на противоположный берег.

– Поторапливайтесь! – скомандовал кто-то из офицеров.

– Давай быстреей, не задерживай, – тут же откликнулись унтеры, понукая солдат.

Те, впрочем, и сами, ничуть не мешкая, занимали места в баржах, и скоро первый батальон был готов к отплытию. Единственная труба парохода выкинула в небо густой клуб дыма, машина в его чреве забухала, и плицы колес начали мерно шлепать по водной глади. Концы, за которые баржи были ошвартованы к буксиру, натянулись, и маленький караван начал движение. Ширина Дуная в этом месте превышала версту, но пароходик тянул бодро, и их переправа

⁴⁰ Гальванер – так в то время именовались электрики.

скоро должна была закончиться, но тут раздался гудок, и люди стали встревоженно озираться, пытаясь понять, что происходит.

– Турки! – вдруг закричал глазастый Штерн, и его крик тут же подхватили другие.

Федор вместе со всеми посмотрел, куда показывал вольнопер, и сердце его обмерло. Наперерез их каравану по волнам шел довольно большой колесный пароход, на мачте которого трепыхалось красное полотнище с полумесяцем.

– Здорово они нас подловили, – с каким-то злым и вместе с тем веселым ожесточением воскликнул Николаша. – Сейчас подойдут и перетопят как котят!

– Ничего, наши не бросят, – неуверенным голосом возразил Лиховцев.

Как будто отвечая на его слова, с румынского берега ударили пушки. К сожалению, прицел был взят неверно, и водяные столбы от падений снарядов встали довольно далеко от турецкого корабля. К тому же тот оказался не один – вслед за колесным пароходом, пыхая дымом, двигалось какое-то приземистое чудище. Потом сказали, что это был новейший бронированный монитор, построенный для турок в Англии. Но тогда этого никто не знал, и даже отчаянные храбрецы принялись креститься, ожидая неминуемой гибели.

Впрочем, батареями русская оборона не ограничивалась. Рассекая острыми форштевнями волны Дуная, наперерез туркам уже летели русские минные катера.

Вообще-то катер с совершенно небоевым названием «Шутка» был построен в Англии, для морских прогулок цесаревича Александра, но великий князь с началом войны передал его морякам. С кораблями на Черном море было так худо, что те были рады и катеру, тем более что у него был стальной корпус и довольно мощный паровой двигатель. Быстро переоборудовав для несения шестовых мин, его включили в состав Дунайской флотилии.

К середине июня минные катера уже успели громко заявить о себе. И на Черном море, и на Дунае ими было утоплено несколько боевых кораблей турок, вселив в сердца остальных почти суеверный страх. Увы, мичман Нилов довольно поздно принял командование «Шуткой» и не успел еще отличиться, хотя желал этого со всей страстью.

Он не слишком разбирался в новомодных гальванических штуках, и, возможно, именно поэтому загадочные манипуляции странного солдата внушили ему уверенность, которую он едва не утратил после предыдущей неудачной атаки.

Направляемый твердой рукой своего командира, катер, постепенно убыстряя ход, двинулся в сторону противника. Из-под железного листа, прикрывавшего машинное отделение, слышался ритмичный стук и пыхтение, в такт которым утлое суденышко вздрагивало. Кажется, там сидит какой-то очень злой и сильный зверь, дрожащий от желания выпрыгнуть наружу и разодрать на части безумцев, решившихся потревожить его.

– Не бойсь, пехоцкий! – осклабившись, крикнул Будищеву стоящий рядом с рулевым Нечипоренко.

Тот стоял, одной рукой держась за борт, а второй сжимая винтовку, и материл про себя Линдфорса, Нилова, весь военно-морской флот Российской империи, но более всего себя самого. «Ну, вот на хрена я полез чинить проводку этим раздолбаям!» – приговаривал он про себя.

Турки скоро заметили приближающуюся к ним опасность и открыли огонь из пушек. Однако их артиллеристы оказались не на высоте, и турецкая картечь летела куда угодно, только не в страшные катера гяуров. А вот русские батареи успели исправить прицел, и новые всплески встали гораздо ближе к противнику.

Первым, как ни странно, отвернул монитор. Описав довольно большой круг, приземистый корабль усиленно задымил и двинулся к своим берегам, очевидно, не желая связываться с «сумасшедшими русскими». А вот на пароходе замешкались и начали поворот слишком поздно, так что «Шутке» удалось подойти к нему довольно близко. К тому же что-то произошло с пушками, и огонь на некоторое время прекратился.

Впрочем, легче от этого атакующим не стало. Турецкий командир, сообразив, что что-то пошло не так, вызвал на палубу стрелков и приказал отогнать дерзких гяуров винтовочным огнем. От жужжания пуль сразу стало жарче, однако закусивший удила Нилов и не подумал прекратить атаку и лишь крепче вцепился в поручень.

Вид палящих по нему турок неожиданно успокоил Будищева. Теперь ему было чем заняться, и солдат, зарядив винтовку, приложился к ней и выстрелил в приближающуюся громадину парохода. Хлесткий звук на долю мгновения перекрыл шум двигателя, и все как по команде обернулись на Дмитрия. Но тот, не обращая ни на кого ни малейшего внимания, снова загнал патрон в патронник и продолжил огонь. Правда, целиться с борта, прыгающего на волнах катера, было неудобно, и вряд ли это имело практический смысл, но сидеть без дела было совсем невозможно, так что Дмитрий, закусив губу, продолжал.

Между тем борт турецкого корабля был все ближе, и можно было невооруженным глазом разглядеть бородатые рожи, поминутно прикладывающиеся к винтовкам денегей⁴¹. Как оказалось, особой меткостью они не отличались, так что пока русские моряки оставались невредимыми. А вот Дмитрию, кажется, удалось кого-то подстрелить, и бедолага исчез за бортом турецкого корабля, оглашая окрестности истошными криками.

В этот момент османам тоже улыбнулась удача, и одна из пуль поразила матроса-рулевого. Но не успел тот, обливаясь кровью, сползти вниз, как перепрыгнувший через весь катер Нилов принял из его ослабевших рук штурвал и что было мочи заорал:

– Давай!

Здоровый как медведь Нечипоренко тут же ухватился за длинный шест, на конце которого была закреплена мина, и выдвинул его по направлению к вражескому пароходу. Еще секунда, и смертоносная адская машина скользнула под днище турецкого судна и, ударившись об него, привела в действие взрыватель. На сей раз электрическая цепь оказалась ненарушенной, и мина исправно взорвалась, подняв огромный столб воды, рухнувший с высоты на русский катер. К счастью, его котел и машина были защищены импровизированным гласисом из котельного железа, так что коварной воде не удалось затушить топку и лишит маленький корабль хода.

На подорванном пароходе тем временем началась паника. Решив, что он вот-вот затонет, одни турецкие моряки принялись прыгать за борт, другие молиться, а третьи попытались спустить на воду шлюпки.

Но на уходящей с победой «Шутке» ничего этого уже не видели, поскольку, развив полный ход, уходили от своего поверженного противника.

– Ура! – радостно закричал Нилов, и матросы тут же подхватили его клич, а мичман продолжал, обращаясь к своим подчиненным: – Всех к крестам представляю!

– Ваше благородие, – подал снизу голос матрос-кочегар, – тут это...

– Что там еще?

– Так это – тонем!

– Как?

Заглянув вниз, офицер увидел, что из-под решетчатого настила, покрывающего днище, внутрь катера поступает вода.

– Хреново, – буркнул оказавшийся рядом с ним Будищев, – надо к берегу.

– Ты бы не умничал! – взвился Нилов, которого бесцеремонность странного солдата все-таки начала откровенно бесить. – Лучше бери магеринг⁴² да вычерпывай!

– Чего брать? – изумился Дмитрий, но его уже оттеснили кинувшиеся вниз матросы.

⁴¹ *Дениж* – турецкий матрос. *Аскер* – солдат.

⁴² *Магеринг* – парусиновое ведро.

Буквально через несколько секунд они разломали настил и принялись споро вычерпывать прибывающую воду, передавая друг другу эти самые магеринги.

– Давайте, братцы! – поторапливал их командир. – Если не будем мешкать, тогда глядишь и успеем.

– Ага, если поторопимся. И это, к турецкому берегу ближе...

– Пожалуй, – скрипнул зубами мичман.

Несмотря на все усилия, вода все прибывала и вычерпывающим её матросам доставала уже до колен. Сбавивший ход катер сносило вниз течение, но берег был уже совсем близко, и люди продолжали работать как проклятые. Наконец почувствовался толчок, и «Шутка» ткнулась в турецкий берег. Он был гораздо выше румынского, и катер оказался как бы в тени довольно изрядной возвышенности. Но, по крайней мере, немедленное затопление ему теперь не грозило, и экипаж смог перевести дух.

Мичман Нилов с удовлетворением посмотрел на почти скрывшийся под водой турецкий пароход и довольным голосом произнес:

– А все-таки мы их на дно пустили!

– Так точно, вашбродь, – угодливо поддакнул ему Нечипоренко.

Офицер обернулся на его голос и не без удивления увидел, что Будищев склонился над раненым рулевым. С треском разорвав на матросе голландку⁴³, Дмитрий осмотрел его простреленную грудь и, покачав головой, взялся за перевязку. Зажав пузырящуюся кровью рану сложенной в несколько раз чистой холстиной, он приложил сверху кусок непонятно откуда взятой кожи и принялся крепко бинтовать тело моряка лентами, нарванными из его же одежды.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил мичман.

– Надо чтобы воздух не попал в такую рану, – пояснил солдат, продолжая свою работу. – Это даже опаснее, чем истечь кровью, может случиться этот, как его, пневмоторакс!

– Вы и в этом разбираетесь? – Нилов от удивления не заметил, что перешел на «вы».

– Хрена тут разбираться, – хмуро буркнул в ответ солдат, потом, видимо, спохватился из-за грубости ответа и, бросив на Нилова опасливый взгляд, продолжал: – Главное, ваше благородие, теперь его к врачам побыстрее доставить.

– С этим могут быть проблемы, – покачал головой офицер, решив на сей раз не заметить непочтительности. – Похоже, застряли мы тут надолго.

– Никак нет, вашбродь, – вмешался кочегар, – осмелюсь заметить, что, скорее всего, от взрыва заклепки в днище повывлетали. Надо под них пластырь из парусины завести, тогда можно будет воду вычерпать и идти домой с форсом, как адмиральский катер по Фонтанке.

– Хм, давайте попробуем, – пожал плечами мичман, – хотя я полагаю, что наше бедственное положение не осталось незамеченным и скоро мы получим помощь.

– Кстати, а куда нас занесло? – поинтересовался Будищев.

– В каком смысле?

– Ну, кем этот берег занят, нашими или турками? А то с этой кручи нас очень просто можно перестрелять.

– Ну, это ты, братец, хватил, кто же в нас стрелять-то станет?

– Да вон хотя бы те обормоты, – солдат махнул рукой в сторону ближайшей возвышенности.

Приглядевшись, Нилов тоже заметил, что с высокого берега за ними наблюдают какие-то люди. Точнее, видны были только их головы в каких-то лохматых головных уборах.

– Это, вероятно, казаки, – неуверенно заявил мичман.

– Ну, если казаки начали чалмы носить, тогда – да!

⁴³ Голландка – белая матросская рубашка с синим форменным воротником.

Как будто подтверждая самые мрачные предположения Будищева, непонятные люди на турецком берегу открыли по ним огонь. Моряки тут же кинулись прятаться за железными листами, которыми был блиндирован их катер, а Дмитрий, подхватив винтовку, неловко сверзился за борт и, оказавшись по пояс в воде, прикрылся корпусом «Шутки».

Патронов у турок оказалось довольно, и их пули с отвратительным лязгом то и дело били по катеру и поднимали фонтанчики в волнах Дуная рядом с ним. Правда, для того чтобы прицелиться в находящихся внизу русских, им приходилось слишком уж высовываться из-за кручи. Этим тут же воспользовался Будищев. Уложив ствол «крынки» на борт катера, он тщательно прицелился и выстрелил. Как ни странно, первый же выстрел оказался удачным. Одному из противников пуля ударила прямо в грудь, и он с протяжным криком сверзился вниз.

Вражеский огонь тут же утих, и матросы на катере тоже смогли взяться за винтовки. Правда, на весь экипаж у них было всего две «барановки»⁴⁴ для караульной службы да револьвер Нилова.

Впрочем, туркам вести огонь было тоже не слишком удобно, а может, стрелки из них были никудышные, но ситуация сложилась патовая. Добраться до моряков с «Шутки» враги не могли, точно так же как и те до них. Тем не менее нападавшие попытались взять своих противников «на арапа».

– Эй, урус, сдавайся, а то башка будэм рэзать! – раздался крик на ломаном русском.

– Та дэ ты бачив, поганый, чтобы русские сдавались? – злобно прорычал в ответ перешедший от волнения на родной язык Нечипоренко и, приложившись к винтовке, пальнул вверх.

– Кто же так ругается, – покачал головой Дмитрий и, зарядив «крынку», подал голос: – Эй, чучмек, я твой дом труба шатал! Ты меня понимаешь?

– Сдавайся, шакал!

– Понимаешь, – удовлетворенно заметил солдат, и продолжил: – Я твою маму любил!

– Ты как сказал?!

– Я твою сестру любил! Ишака любил и даже тебя, когда ты был маленький!

– У, шайтан! – закричал оскорбленный в лучших чувствах башибузук и выскочил на кручу.

Сухо шелкнул выстрел, и так и не успевший выстрелить джигит полетел вниз и, подняв брызги, шлепнулся в воду.

– Русский! – раздался сверху другой голос, уже куда лучше говорящий на языке Пушкина. – Думаешь, ты самый умный?

– Спускайся вниз, узнаешь! – закричал ему в ответ Будищев, перезаряжая винтовку.

– Я тебя теперь запомню, – продолжал невидимый собеседник, – и сделаю с тобой то, что ты сказал Мурату.

– Ты тоже любишь его ишака? Я так и знал, что он на это обиделся!

Матросы, с интересом прислушивающиеся к их перебранке, довольно заржали, но невидимый противник, наученный горьким опытом, так и не показался.

– Как тебя зовут, русский? – снова подал голос башибузук. – Я хочу знать, кто убил моего брата!

– Зачем тебе? Ты все равно сейчас сбежишь, как трус, а я скормлю твоего братца свиньям.

– Смеёшься, шакал? Ничего, придет время, посмеемся вместе! На реке тем временем послышался звук работающей паровой машины, и обернувшийся на него Нилов увидел, что к ним на выручку идут остальные катера их отряда. Первым, попыхивая дымком из трубы, шла «Царевна», на носу которой во весь рост возвышался лейтенант Шестаков с подозрительной трубой в руках и в пробковом жилете поверх мундира. Матросы в катерах крепко сжимали винтовки, готовые открыть огонь, но враги не стали дожидаться их подхода и ретировались.

⁴⁴ «Барановка» – винтовка системы Альбини-Баранова, принятая на вооружение в Российском флоте.

Экипаж «Шутки», обнаружив, что опасность миновала, тут же принялся за дело. Два моряка стали заводить под днище кусок парусины, а другие два продолжали вычерпывать воду.

Дмитрий же, не выпуская из рук оружия, занялся сверзившимися с кручи врагами. Вытащив их по очереди на берег, он деловито снял с них ремни с кинжалами и шашками, кремневый пистолет и сумку с принадлежностями.

– Это – мародёрство, – хмуро заметил Нилов, внимательно наблюдавший за его манипуляциями.

– Это – трофеи, ваше благородие! – почтительно, но твердо возразил ему Будищев.

Кроме всего прочего, в воде, благо было неглубоко, нашлись также два ружья убитых. Одно из них, правда, разбилось при падении и пришло в полную негодность, но второе выглядело почти целым. Дмитрий внимательно осмотрел его и остался доволен. Длинная винтовка была куда меньше калибром, нежели его «крынка», замок на ней открывался рычагом, и вообще выглядела она довольно современной на фоне переделочного оружия русских солдат⁴⁵.

– Что тут у вас? – громко спросил Шестаков, едва его катер приблизился.

– Господин лейтенант, – официально доложил ему мичман, – во время атаки был подорван вражеский колесный пароход. Из-за полученных повреждений были вынуждены идти к берегу, для производства необходимого ремонта...

– Видел твои подвиги, Константин Дмитриевич, – добродушно ответил тот, откозыряв в ответ, – поздравляю с почином. Помяни мое слово – быть тебе георгиевским кавалером!

– Твои бы слова, Александр Павлович, да богу в уши, – пошутил в ответ Нилов.

– А это еще кто такой? – удивленно спросил Шестаков, заметив занятие Будищева.

– Ох, брат, ты все равно не поверишь!

– Попробуй, может, и поверю.

– Это гальванер.

– Гальванер, в солдатской форме?

– Я же говорил, не поверишь! Вообрази, перед самым появлением турок встретил друга детства – подпоручика Линдфорса, а с ним этот солдат. И можешь мне не верить, но он разобрался с нашим хозяйством и сумел его починить.

– Да полно!

– Уж поверь. Неделю назад мы безуспешно атаковали «Подгорицу», и эти проклятые мины хоть бы хны! А этот новоявленный Кулибин поковырялся в них четверть часа, и вот, пожалуйста – турок на дне!

– Совсем воинские начальники на местах с ума посходили, – усмехнулся лейтенант, – это надо же, готового гальванера в пехоту засунуть!

– Вот только... – помялся мичман.

– Что?

– Трупы обирает, хотя вправду сказать, это он их и подстрелил...

– Что в бою взято, то свято! – решительно махнул рукой Шестаков. – Эй, служивый!

– Слушаю, ваше благородие!

– Я смотрю, ты на все руки мастер, и в минах понимаешь, и стрелять ловок...

– Так точно!

– ...и за словом в карман не лезешь, люблю таких!

– Рад стараться!

– Ладно, тащи свою добычу на «Шутку» да пойдем отсюда. А то, не ровен час, опять турки набегут.

⁴⁵ Винтовки систем Кринка, Альбини-Баранова и Карле, получались путем переделки дульнозарядных винтовок образца 1857 года.

Пустившиеся в обратный путь катера скоро пересекли Дунай и вернулись в ставший родным варденский рукав. Изведшийся на берегу Линдфорс, с одной стороны, был ужасно огорчен, что ему не удалось принять участие в закончившейся столь удачно атаке вражеского корабля, а с другой – был так рад, что они вернулись целы и невредимы, что был готов расцеловать и Нилова, и Будищева. Юному подпоручику, конечно, хотелось во всех подробностях узнать о произошедшем почти на его глазах деле. Но они отсутствовали в полку уже довольно много времени, и надо было как можно скорее возвращаться.

– Ваше благородие, – тишком шепнул ему Дмитрий, – давайте-ка поскачем к своим, пока ветер без сучков.

– Что? – выпучил глаза Линдфорс.

– Я говорю, скажите вашему приятелю, что у вас утюг горячий на любимых галифе и плита не выключенная дома остались! А то их высокоблагородие господин полковник и вам чертей выпишет, и мне, многогрешному, мало не покажется.

– Вечно ты говоришь какими-то загадками, хотя на сей раз твои рассуждения вполне справедливы, – согласился с ним подпоручик и обернулся к морякам. – Увы, господа, дела службы требуют нашего незамедлительного отбытия. Честь имею!

– Бывай, Ванечка, – помахал ему рукой в ответ Нилов, – да Павлу кланяйся, не забудь!

– Всенепременно! – крикнул ему в ответ Линдфорс и ударил коня шпорами.

– Странная парочка, – хмыкнул Шестаков, заметивший, что солдат, в отличие от офицера, неважно держится в седле.

– Зато появились очень вовремя, – улыбнулся в ответ мичман, представляя, как хорошо будет выглядеть на его груди орден святого Георгия.

– Будешь рапорт составлять, не забудь отметить этого солдата. А я с этим документом к его императорскому высочеству загляну. Полагаю, цесаревич не откажется перевести к нам столь ценного специалиста. Так что будь добр, не жалея похвал в адрес служивого. Кстати, как его зовут-то?

– Э-э... Дмитрий Блудов, кажется...

– Блудов?

– Представь себе, бастард графа Блудова!

– Однако!

К сожалению, Будищев не ошибся в своих предположениях. Полковник Буссе заметил отсутствие подпоручика, и нельзя сказать, чтобы очень уж ему обрадовался. Подпоручик попытался оправдаться, но старик не стал его и слушать, а велел вместо охотничьей команды принять похоронную и отправляться вместе с ней хоронить тела павших при штурме русских солдат и офицеров. Несколько таких команд, посланных от Болховского полка, занималось уборкой трупов целых два дня. В одну из них, как и следовало ожидать, угодил и Дмитрий вместе с неразлучным Федором. Только теперь им стало ясно, с каким ожесточением происходила эта битва. Весь склон был просто усеян телами павших. Кроме того, немало солдат утонуло при форсировании Дуная, и теперь их трупы то и дело всплывали вниз по течению.

В этой скорбной работе русским воинам с охотой помогали местные жители. Большинство мужчин, правда, ушли в формируемые из болгар дружины ополчения, но старики, женщины и даже дети находили павших, помогали их собирать и наравне с солдатами копали могилы.

Вдоль лежащих рядами мертвых тел ходил с кадилом в руках отец Григорий и служил панихиду. Скорбное лицо его было полно мрачной торжественности, а и без того громкий голос казался особенно проникновенным. В службе ему помогали местные священники, отпевавшие павших за их свободу солдат и офицеров.

– Прими, Господь, души новопреставленных рабов твоих, павших за веру, – широко перекрестился Шматов, наблюдая за службой.

– Хорош причитать, – оборвал его товарищ, – давай закончим, потом намолишься всласть!

Будищев, к удивлению многих, вызвался хоронить убитых турок. Сам для себя он объяснил это тем, что рядом с турками не было видно болгар. Местные жители, всякого натерпевшиеся за века турецкого ига, разумеется, не горели желанием заниматься похоронами своих врагов, и потому рядом с ними их почти не наблюдалось.

– Граф, ты чего злишься? – удивленно спросил Федя.

– Ничего, – буркнул тот в ответ. – Хватит мне про веру заливать!

– Как это?

– Ты церковь в Систове видел?

– Ага, красивая...

– У пострадавших за веру?

– Ну...

– Не нукай, не запряг! За какой хрен столько наших погибло? Кто их детей, сиротами оставшихся, кормить будет?

Федор, никогда не думавший в таком ключе о войне, на которую ему довелось попасть, на минуту задумался.

– Так что хорош причитать, – оборвал его размышления Будищев. – Давай этих жмуриков покидаем на телегу и закапывать повезем.

– Чего ты так, – насупился Шматов, – все же люди, хоть и басурмане...

– Ты меня доконать хочешь? Кругом тебе люди...

– Линдфорс идет, – упавшим голосом буркнул Федька, недолюбливавший офицера.

– Хрен его несет, а не сам он идет, – вполголоса согласился Дмитрий, но вслух гаркнул: – Здравия желаю вашему благородию!

– Вольно, – благодушно махнул рукой тот и широко улыбнулся.

Потенциальный командир охотничьей команды, несмотря на выволочку, полученную от начальства, выглядел именинником. Новенький мундир облегал его по-юношески стройную фигуру как влитой. Лаковый козырек кепи отливал антрацитом, но самое главное – вместо обычной казенной офицерской сабли на боку офицера, отливая серебром, висела настоящая кавказская шашка.

Еще на разводе юный подпоручик произвел ею среди своих сослуживцев настоящий фурор. Все спрашивали, где он ухитрился ее раздобыть, но он лишь отмалчивался в ответ и загадочно улыбался. Не рассказывать же, в самом деле, что это подарок солдата!

Дмитрий внимательно посмотрел на Линдфорса и едва заметно улыбнулся. Трофеи, захваченные им у незадачливых башибузуков, заняли немаленький мешок, хранить который солдату было совершенно негде. Однако ушлый солдат без колебания пожертвовал малым, чтобы сохранить остальное, и, недолго думая, преподнес своему временному начальнику одну из трофейных шашек. Глаза молодого человека загорелись от счастья, и он тут же согласился сохранить остальное имущество солдата среди своих вещей. При себе Будищев оставил только винтовку и кривой кинжал – бебут.

Немного разбиравшийся в оружии Линдфорс пояснил ему, что эта английская винтовка системы Пибоди-Мартини⁴⁶, состоящая на вооружении турецкой армии. Бой у нее был просто великолепный, в чем Будищев тут же убедился. Во всяком случае, его «крынка» с этой красавицей даже рядом не лежала. Расстаться с ней было выше человеческих сил, и солдат, не долго думая, сломал на своем оружии курок. Ротному он, разумеется, сказал, что это произошло случайно, и попросил разрешения пользоваться трофеем. Гаупт в ответ выругался, но делать было нечего. Мастерских рядом не было, а Дмитрий был одним из лучших стрелков в

⁴⁶ На самом деле винтовки для турецкой армии были произведены в Америке.

роте, что ввиду близости неприятеля делало его особенно ценным бойцом. В общем, штабс-капитан разрешил-таки оставить винтовку себе, разумеется, до первой оказии, а в наказание за неаккуратность отправил его в похоронную команду. Таким образом, с его точки зрения, волки остались сытыми, а овцы целыми.

Угодив в похоронную команду, Будищев вызвался хоронить турок, чтобы раздобыть патронов, так как доставшихся ему с прочей добычей было совершенно недостаточно. Несмотря на то что трофейные команды успели собрать большую часть оружия и боеприпасов, затея эта увенчалась полным успехом. За полдня тяжелой и неприятной работы ему удалось собрать не менее полусотни патронов, и горка продолжала расти, давая возможность с оптимизмом смотреть в будущее. Была еще надежда раздобыть револьвер, но пока ничего подобного не попадалось.

– Я немного виноват перед тобой, – начал разговор немного извиняющимся тоном подпоручик.

– Что-то случилось? – насторожился солдат.

– Полковой командир был настолько зол на меня за отлучку, что не дал слова сказать. Поэтому я до сих пор не доложил по команде о твоём подвиге.

– О каком ещё подвиге?

– Удивляюсь, братец, как ты можешь оставаться таким спокойным? – изумился Линдфорс. – Ведь то, что ты пережил, это настоящее приключение! Ей-богу, меня просто раздирает от желания поделиться подробностями, а тебе хоть бы хны!

– И что вы хотите рассказать, вашбродь? – пожал плечами солдат, укладывая вместе со Шматовым очередного покойника на телегу. – Что дали каким-то левым морякам увезти меня на катере, а сами ждали на берегу?

– Почему «левым»? – удивленно переспросил подпоручик.

– Да потому что не правым! – усмехнулся в ответ Будищев.

– Положим так, но ведь вы взорвали турецкий пароход! Это же героизм, тебе теперь крест положен...

– Слава богу, не деревянный. Ну, посудите сами, ваше благородие, кто вам поверит? История-то, как ни крути, больно фантастическая, не будь я участником, ни за что бы не поверил. Кстати, шашка вам очень идет!

– Ты думаешь?

– Гадом буду, вашбродь! Вот вернёмся в Рыбинск после войны, помяните мое слово, все девки, то есть барышни, ваши будут.

– Кстати, Мирон Яковлевич случайно увидел кремневый пистолет и весьма им заинтересовался.

– Это полковой врач, что ли?

– Ну да, Гиршовский. Он коллекционирует оружие, ты не знал?

– Откуда? Но если захочет купить, то я не против, продавайте.

– Мне как-то неловко...

– Почему?

– Не хочется выглядеть барышником. К тому же пистолет мне не принадлежит.

– Но доктор-то не в курсе? И потом, вам он за него заплатит, как положено, а солдату даст пятак на водку и очень удивится, если тому покажется мало.

– Ну, хорошо, я поговорю с ним. Кстати, ты напрасно дурно думаешь о нем. Мирон Яковлевич чудесный и очень добрый человек.

– Вот и пусть совершит доброе дело.

– Будищев, ты невыносим!

– Так вы никому не рассказали о нашем маленьком секрете?

– Ну отчего же, я подал через брата докладную записку подполковнику Флоренскому. Если от моряков придет подтверждение, то ты непременно получишь свой крест.

Дмитрий в ответ лишь пожал плечами, дескать, все в воле начальства, а он человек маленький. Тем временем Линдфорс, решив, что солдат и так уже в полном восторге, принялся ковать железо, пока оно горячо.

– Послушай, Будищев, я теперь знаю наверняка, что охотничья команда будет создана в ближайшее время и именно я стану ее начальником.

– Поздравляю.

– Благодарю, братец. Так вот, человек ты, я вижу, бывалый да к тому же ловкий. Не желаешь ли вступить в нее?

Тон, которым офицер сделал это лестное, по его мнению, предложение, совершенно не предусматривал отказа, и, услышав его, Дмитрий глубоко вздохнул. Он опять был сам во всем виноват. Не удержался, вылез, показал себя... что тут скажешь, молодец! Да и откажись он, Линдфорс запросто договорится с Гауптом, и тот отправит его добровольно-принудительно. Но молодой офицер может в этом случае затаить обиду, а оно ему надо?

– Отчего же не вступить? – пожал он плечами. – Дело хорошее.

– Ну вот и славно, – повеселел подпоручик. – Тогда и винтовку сможешь оставить, и кинжал свободно носить, у охотников воля.

Дождавшись, когда офицер уйдет, молчавший все время Федька не выдержал и, с изумлением уставившись на приятеля, спросил:

– О чем это Линдфорс толковал?

– Да так, ни о чем.

– Ты что на катере плавал?

– Совсем немножко.

– Так это ты турецкий пароход подорвал?

– Нет, Федя, я просто при этом чуть-чуть присутствовал.

– И тебе теперь за это крест дадут?

– Ага, догонят и еще дадут!

– Так вот ты где турецкую винтовку и ножик взял, а я-то думал...

– Боюсь даже представить, что ты подумал, – усмехнулся Дмитрий. – Лучше не думай больше, а бери жмура за ноги и грузим.

Некоторое время друзья грузили покойников на телегу, а когда та наполнилась, Шматов взялся за повод, и они двинулись к месту братской могилы. Неказистая лошаденка, запряженная в их скорбный экипаж, тянула его без особой охоты, но расстояние было невелико, и вскоре они прибыли.

Рвы для погибших в бою турок копали солдаты из нестроевой роты. Они же складывали их рядами на дно, затем под присмотром младшего полкового врача Соколова засыпали их слоем извести и, взявшись за заступы, принялись засыпать. Единственный, кто пришел проводить мусульман в последний путь, был мулла из местной мечети. Сухонький старичок в большой белой чалме на голове горестно покачал головой, глядя на небрежение, выказанное к его единоверцам, и, взявшись за Коран, прочитал несколько сур.

Никто из русских солдат, разумеется, ничего не понял из этой службы, но из уважения к чужой вере постояли немного молча и, только когда старик закончил, отправились восвояси.

– Слава тебе, Господи, закопали, – посетовал Федька, – а то уж пованивать начали, я думал, мне дурно делается.

– Ничего тебе не делается, – усмехнулся Дмитрий. – Несмотря на покойников, обед умял и ужин так же стрескаешь.

– Жаль будет, если тебе креста не дадут, – вдруг неожиданно заявил, отвечая каким-то своим мыслям, Шматов.

– Тебе-то что?

– Ну, ты тогда ефрейтором стал бы. Глядишь, Хитров бы от нас и отвязался, а то совсем одолел проклятый!

– Лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора, – глубокомысленно ответил ему Будищев, повергнув тем самым приятеля в шок.

– Не-а, – ответил тот, поразмыслив, – басон⁴⁷ на погон лучше!

– Тебе виднее.

– Слушай, Граф, а замолви за меня словечко подпоручику?

– Ты про что это?

– Ну, пусть он меня тоже в охотничью команду возьмет.

– Не страшно?

– С тобой нет!

– Ладно, поговорю. А то тебя и впрямь Хитров с потрохами съест.

Едва намаявшиеся за день солдаты собрались отдохнуть, как пришло известие, что от Никополя к Рущуку движется большой турецкий отряд с артиллерией. Болховский и Нежинский полки тут же были подняты по тревоге, форсированным маршем пошли к деревне Царевце и встали там на позиции, с тем чтобы при появлении врага ударить ему во фланг.

Ночь прошла в тяжелом ожидании, а утром выяснилось, что тревога была ложной, и бригада отправилась назад. О том, что людей надо бы покормить, никто, разумеется, и не вспомнил. К тому же полковой обоз оставался на румынской стороне, ожидая, пока саперы наведут мост.

Вообще, вся вторая половина июня прошла в таких маршах. Стоило начальству узнать, что где-то находятся турки, как болховцы тут же отправлялись туда. Но обычно, едва они миновали половину пути, выяснялось, что надобность в них отпала, и полку приходилось возвращаться назад. К тому же какой-то светлой голове в штабе действующей армии пришла в голову мысль, что белые гимнастические рубахи далеко видны и одетые в них солдаты представляют собой прекрасную мишень. Поэтому высокомудрое начальство сочло за благо распорядиться переодеть войска в мундиры. И если по ночам тёмно-зелёная, почти черная форма сливалась с окружающей темнотой и помогала солдатам маскироваться, то днем они изнывали от жары.

Наконец в начале июля полк стал на бивуак в довольно богатой деревне под названием Косово, где люди смогли хоть немного отдохнуть. Места вокруг были весьма живописные, природа радовала глаз, а в ключах была чистейшая вода. Правда, эта идиллия омрачалась недостатком продуктов, но русские солдаты относились к подобного рода трудностям с поистине философским равнодушием.

Трое вольноопределяющихся из роты Гаупта сидели, скинув мундиры, на завалинке и неторопливо беседовали, наслаждаясь лучами утреннего солнышка. Алешка Лиховцев, тесно сошедшийся в последнее время с Гаршиным, рассказывал тому о Софье, своей любви к ней и причинах, побудивших его вступить в армию. Тот внимательно слушал своего товарища, иногда чему-то печально улыбался, но в основном молчал. А вот Николаше эта история уже порядком наскучила, и он решил перевести разговор на более насущную тему.

– Черт знает что такое с ценами! – вздохнул он. – Давеча спросил у местных хлеба, так они запросили за маленький хлебец из кукурузной муки целых два франка.

– Франка? – удивился Алексей, на секунду оторвавшись от своей неземной любви.

– Вот именно, ни русских рублей, ни румынских лей не признают.

– Очевидно, османы, отступая, ограбили здешних селян, – предположил Гаршин.

– Ну да, что ни спроси, «нима, братушка, турка взял», – передразнил местных болгар Штерн.

⁴⁷ Басон – галун на погоне, лычка.

– Врут, сукины дети! – раздался совсем рядом звонкий голос незаметно подобравшегося к приятелям Будищева.

– Дмитрий! – радостно воскликнул Лиховцев. – Эдак можно до смерти перепугать. Откуда ты?

– Только что вернулись из поиска, – усмехнулся тот.

– И где же неприятель?

– В Рущуке, конечно, где же ему еще быть.

– А наши?

– Наши взяли Никополь, Тырново и, говорят, дошли уж до перевалов через Балканы. Вероятно, скоро придет и наша очередь.

– Скорее бы уж, – вздохнул Штерн, – надоело уже тут прохлаждаться. Скоро месяц, как мы на войне, а я еще ни разу не видел неприятеля.

– Насмотришься, еще надоест.

– Отчего вы думаете, будто местные жители лгут нам? – сухо спросил Гаршин, когда восторги встретившихся улеглись.

– Я не думаю – я знаю, – отмахнулся Будищев. – Как только наша армия подошла к здешним местам, местные турки бежали, бросив все свое имущество, включая продукты. Все это добро болгары забрали себе.

– Вы уверены? – широко открыл глаза Алексей.

– Сам видел. Кстати, тех, кто пытался увезти хоть что-то с собой, грабили прямо у околицы.

– А что же вы?

– Ну, а что мы. Приказано с местными в конфликты не вступать. Мы и не вступаем.

– Но вы, вероятно, не слишком осуждаете этих местных жителей? – враждебно спросил Гаршин, которому Будищев откровенно не нравился.

– Совсем не осуждаю, – пожал тот плечами.

– Мне показалось, что среди здешних болгар много мусульман? – вмешался Штерн, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Да кто их разберет, – отозвался Дмитрий, – как свиную колбасу жрать или ракию пить, так все христиане. Церкви вот только я здесь не видал. Мечеть большая, а церквушки никакой.

– Турки запрещали болгарам строить христианские храмы!

– Да ладно вам, Всеволод, – попытался остановить разгорячившегося приятеля Лиховцев, – я уверен, что наш друг не имел в виду ничего оскорбительного.

– Вот вы где! – перебил начинавшую разгораться ссору подошедший к ним Шматов. – А я уж обыскался. Здравствуйте вам, господа вольноопределяющи еся!

– О, вся охотничья команда в сборе, – улыбнулся Николай, – и тебе здравствуй, Федя, как служится?

– А ему все едино где, – усмехнулся Будищев, – лишь бы от Хитрова подальше.

– Да уж, – весело рассмеялся Штерн, – своим уходом вы разбили ему сердце!

– Хорошо служится, – пожал плечами солдат, – их благородие господин подпоручик Линдфорс человек не злой. Главное в бою не плошать, а за другое он не сильно спрашивает.

– Вы что же это, в бою побывали? – с интересом стали расспрашивать вольноперы.

– Да какой там бой, так постреляли немного, – тут же вмешался Дмитрий, знавший за Шматовым страсть к рассказам о подвигах, неважно, действительных или мнимых. – Ты лучше скажи, принес?

– Так вот же, – Шматов снял с плеча сухарный мешок и стал вытаскивать из него кольца колбасы, головку сыра и другие припасы.

– Откуда такое богатство? – изумился Штерн. – Боже мой, я уже и забыл, что такие продукты существуют!

– Я пришел, чтобы освежить вам память, господа студенты! – отвечал Будищев, рубя на части колбасу своим бебутом. – Было время, когда вы нас подкармливали, теперь наша очередь. Налетайте.

Отощавшие в последнее время Лиховцев со Штерном не заставили просить себя дважды, а вот Гаршин, непроизвольно сглотив слюну, отодвинулся в сторону.

– Всеволод, вы чего? – удивился Алексей.

– Где вы это взяли? – подозрительно спросил тот, глядя на Дмитрия.

– Экспроприировал экспроприаторов, – усмехнулся в ответ солдат. – Не беспокойся, Сева, ни один мирный крестьянин при этом не пострадал, отвечаю!

– Я, кажется, просил не называть меня так! – голос Гаршина стал стальным.

– Чего ты, Михалыч, – вмешался Федька, – мы надысь на каких-то арнаутов налетели, ну и побили их совсем. А этот харч при них был. Господин подпоручик велели все это, значит, в полк отвезти, а Граф сказал...

– А я сказал, что у их благородий харя треснет, если им все отдать, – закончил за него Будищев. – И велел Федьке тишком к вам подобраться. Не хотите, не надо! Я не навязываюсь...

– Извините, – покраснел Гаршин, – я ошибся на ваш счет, просто, как вспомню ту злощастную брынзу в Румынии...

– Право, Всеволод, мы уже говорили об этом! – возмутился Лиховцев. – Вы ведь даже не уверены наверняка, что Дмитрий имеет отношение к тому инциденту...

– Да чего вы ссоритесь, – поспешил успокоить их Будищев, – ну спер я тот сыр! Дело прошлое...

– Как спер?

– Ну, как-как? Заглянул в хату, а он там горкой... ну, думаю, от одного не убудет!

– Дмитрий, вы невозможны! – широко распахнул глаза Алексей.

– А эта колбаса невозможно вкусная, – пробурчал с полным ртом Николаша. – Все же, как любезно было со стороны этих турок попасться вам на глаза вместе с провиантом! Прекратите, господа, а-ля гер ком а-ля гер!⁴⁸

– Вот это правильно, – широко улыбнулся Будищев и достал флягу. – Как насчет по сто грамм?

– Весьма положительно, а отчего по-французски?

– Как?

– Ну да, граммы – это же французский термин, не так ли? Впрочем, для мер объема более подходят миллилитры...

– Так, вы пить будете или мозги сушить?

– Пить!

Фляжка с крепчайшей ракией немедля пошла по кругу, после чего хрупкий мир восстановился, и приятели мгновенно умяли принесенное угощение. Закончив, они потребовали подробностей о «деле за колбасу»⁴⁹, и Федька принялся рассказывать.

– Ну, значит, пошли мы в дозор. Тьма, хоть глаз выколи! Полночи ходили, а хоть бы хны – ни одного турка. Их благородие, господин Линдфорс, даже опечалился. Как же так, говорит, нам генерал, дескать, беспременно велел, хоть какого-нибудь ледащего турка приволочь, а нету!

– Феденька, что ты несешь! – только покачал головой Дмитрий, но прерывать рассказ не стал, и Шматов продолжил:

– И тут Граф как гаркнет: дескать, не извольте беспокоиться, вашбродь, достанем мы вам турку. В лепешку расшибемся, а достанем! Господин подпоручик, конечно, отвечает: я, мол,

⁴⁸ На войне как на войне.

⁴⁹ Дело – так тогда назывался бой, стычка или даже сражение.

в вас со Шматовым, со мной то есть, не сомневаюсь, что вы, как верные присяге солдаты, не посрамите отечества! Вот мы, значит, и пошли. Идем час, идем другой, тут мне Граф и говорит: кажись, дымом пахнуло! Ну, мы на дым, а там турок – человек двести! В балке схоронились и молятся Аллаху своему.

– Прямо-таки двести, – хохотнул Николаша.

– Может и больше, я считать-то не умею, – пожал плечами рассказчик. – Слушайте дальше! Пока басурмане молились, Граф велел мне их винтовки пособирать, а сам коней их развязал. Ну, а как мы управились, так закричал страшным голосом: «Турки, сдавайтесь!» А им куда деваться, без коней да винтовок?

– Что, сдались?

– Да какое там! У них же еще сабли были! Как схватятся они за сабли и на нас поперли. Уж мы штыками бились-бились, а они все прут и прут! Наконец всех побили, и только один остался – самый здоровый. А сабля у него с меня ростом! Как размахнется ей, ну все, думаю, пропал я! А Граф в него как кинет свой кинжал, и насмерть!

– А как же пленный? – снова улыбнулся Штерн.

– Так не всех же до смерти побили, – нимало не смутился Шматов, – были и оглушенные. Вот одного мы его благородию и предоставили.

– А остальные?

– Дык разбежались, – развел руками сказитель.

Услышав это, приятели разразились дружным хохотом, к которому тут же присоединились и охотники.

– Ой, не могу, – всхлипывал от смеха Лиховцев, – разбежались! Право же, эта история ничуть не хуже той, когда Дмитрий вплавь добрался до турецкого парохода и подорвал его...

Даже обычно сдержанный Гаршин развеселился едва ли не до слез, а Николаша просто катался по земле от полного красок солдатского рассказа.

– Ладно, пора нам, – поднялся Будищев, – счастливо оставаться, не поминайте лихом.

– Кстати, – подвинулся к нему немного успокоившийся Штерн, – вы колбасу тем же самым кинжалом резали?

– В смысле?

– Ну, которым вы кинули в турка?

– Коля, ну кого ты слушаешь? Их человек восемь было, напоролись случайно в лесу. Трех мы успели подстрелить, остальные действительно дали деру, бросив пару выючных лошадей с припасами. А вообще, тот, конечно, у меня другого не было.

– Что?!

– Ха-ха-ха, – согнулся от смеха Дмитрий, – видел бы ты свою рожу!

– Ну, знаешь!

– На, дарю, – протянул ему оружие Будищев, – а то ты так на него смотрел.

– Спасибо, но как же ты?

– Да я себе поменьше нашел, – успокоил его приятель. – Этим рубиться хорошо, а я в такой блудняк не полезу.

Краткая стоянка вскоре сменилась новыми маршами. Противоречивые сведения о неприятеле, поступающие со всех сторон, заставляли русское командование отчаянно маневрировать, стараясь поспеть всюду. Однако, кроме мелких отрядов башибузуков, снующих то там, то там, противника нигде не было. Наконец, получив приказ от командования, войска двинулись к своей главной цели – Рущуку.

Двенадцатого июля Болховский и Нежинский полки вступили в деревню Соленик. В отличие от многих других, встреченных ими на пути, эта была совершенно разграблена тур-

ками при отступлении. Жители ее большей частью разбежались, скотину грабители угнали с собой, не забыв и про другие припасы. Немногие уцелевшие дома стояли заколоченными.

Обозы, как обычно, отстали, и солдаты уже третий день были даже без сухарей. Командовавший бригадой генерал Тихменев, устав ругаться с интендантами, приказал солдатам убирать брошенные поля. Слава богу, деревенская мельница не была разрушена противником, и можно было смолотить муку и испечь хлеб. Вчерашние крестьяне с охотой взялись за привычный для них труд, и работа закипела.

В этих заботах незаметно миновало два дня, когда наконец были получены известия о приближении неприятеля. Принес их командир охотничьего отряда подпоручик Линдфорс, несколько раз сталкивавшийся вместе со своими людьми с легкой турецкой кавалерией.

– Вы вполне уверены в своих сведениях? – спросил, нахмурившись, Тихменев.

– Совершенно, ваше превосходительство! Их пехота стоит в лагере между деревнями Езерджи и Турлак, а иррегулярная кавалерия кружит вокруг нас.

– Ну, положим, конные банды башибузуков тут действительно встречаются, – недоверчиво протянул генерал, – наши казачки из дивизии князя Манвелова с ними регулярно переводываются, но пехота...

– Если вам недостаточно моего слова, – запальчиво заявил подпоручик, – то может быть, вы допросите пленного?

– Вы взяли пленного? – брови генерала взлетели вверх. – Что же вы прежде молчали, ну-ка давайте его сюда!

Через минуту в палатку генерала двое солдат втащили связанного турка. Лишенный возможности сопротивляться, он тем не менее яростно сверкал глазами и всем своим видом демонстрировал непокорность.

– Не балуй, ирод! – выругался один из конвоиров, когда тот попытался дернуться, и тут же опасливо покосился на начальство. Второй же не стал тратить время на уговоры и ловко ударил пленного коленом по ноге. Не ожидавший такой подлости аскер охнул и едва не упал на колени перед своими врагами, удерживаемый лишь крепкими руками русских солдат.

– Ишь каков, – покачал головой Тихменев, – ну-ка, кликните переводчика.

Через минуту тот явился, и начался допрос, не принесший, впрочем, особого результата. На вопросы турок отвечал крайне неохотно и часто ругался, угрожая гяурам гневом Аллаха. Но как бы то ни было, он назвал свой табор⁵⁰ и имя командира вражеского отряда – Азиз-паша.

– И как вам только удалось эдакого удальца захватить? – поинтересовался генерал у Линдфорса.

– На всякого турецкого удальца, ваше превосходительство, найдется наш! – не без изящества отвечал ему подпоручик, показывая на конвоиров. – Вот эти молодцы его и спеленали.

– И впрямь – молодцы! – сдержанно похвалил командир бригады. – Как фамилии?

– Рядовой Будищев, – отрапортовал высокий.

– Рядовой Шматов, – ответил второй, едва достающий первому до плеча.

– Ишь ты, как ведро и кружка, – изволил пошутить его превосходительство. – Благодарю за службу!

– Рады стараться, ваше превосходительство!

– Ну ладно, тащите его отсюда, а то запах от него какой-то...

– Так он до ветру пошел, – охотно пояснил низкорослый солдат. – Тут мы его, значит, и скрутили!

– Так вы что его, вместе с дерьмом сюда притащили? – выпучил глаза Тихменев. – Черт знает что такое! Убрать!

– Есть!

⁵⁰ Табор – батальон. Основной тактической единицей в Османской армии был именно батальон.

– Не прикажете ли представить к наградам? – осторожно спросил генерала начальник штаба, когда пленного увели.

– Кого?

– Подпоручику «клякву», а рядовых к крестам...⁵¹

– Пока не за что! Невелика доблесть одного засранца вдвоем скрутить. Впрочем, Линдфорсу занесите это дело в формуляр и отметьте в приказе. В следующий раз получит и за былое. А нижних чинов пусть поощрит своей властью. И вот что еще... раз уж есть кавалерия, так пусть она в разведке и отдувается. Передайте Буссе, чтобы пока охотников попридержал. И пошлите кого с разъездом, проверить данные. Да хоть этого генштабиста, как его...

– Слушаюсь!

Наступление на Езерджи возглавил недавно прибывший начальник кавалерии 13-го корпуса генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков. По его приказу вперед двинулся Ахтырский гусарский полк, три сотни восьмого донского казачьего и два орудия из конной батареи.

Однако из-за пересеченной местности русская конница была вынуждена идти узкой колонной и, не дойдя до турецкого укрепленного лагеря четырех с половиной верст, попала под ожесточенный обстрел. Русская артиллерия пробовала отвечать, но ее пушкам, стоявшим в отличие от противника в низине, не хватало дальности. Все это кончилось тем, что ахтырцам с казаками пришлось отступить, и около четырех часов пополудни они встретились с медленно двигавшейся по Соленикскому ущелью пехотой Тихменева.

Через полчаса после соединения авангард русских вошел в соприкосновение с противником, и начался бой. Согласно диспозиции, Нежинский полк, прибывший к месту сражения почти в полном составе, должен был обойти турецкие позиции справа, а четырем ротам болховцев предстояла «честь» идти во фронтальную атаку, чтобы связать их главные силы боем.

Будищев всего этого, разумеется, не знал, но после того, как охотничью команду подчинили поручику Михаю, его не покидали самые мрачные предчувствия. Рота Михая среди солдат славилась как каторжное место. Строгий до придирчивости поручик самозабвенно любил шагистику, бдительно следил за соблюдением формы, и, вероятно, поэтому его рота считалась одной из лучших. А вот огневой подготовкой, при том, что рота считалась как раз стрелковой, он, будучи известным «штыколюбом», своих подчиненных не изнурял. Впрочем, бытие их и без того было практически невыносимым.

– Отчего у вашего подчиненного винтовка неустановленного образца? – сухо поинтересовался Михай у подпоручика.

– С разрешения полкового командира, – отвечал ему Линдфорс. – Этот солдат отлично стреляет и потому...

– Здесь ему это не понадобится, – пожал плечами командир роты и двинулся дальше.

– Почему мундир драный? – нашел он новую жертву в стоящем следующим Шматове. – Отвечай, скотина!

– Виноват, ваше благородие, – только и смог ответить Федька, растерянно моргая глазами.

– То-то что виноват, – нехорошо взглянул на него поручик. – Ладно, Иван Иванович, это – ваши подчиненные, вам с ними и валандаться, однако рекомендую быть с ними построже. И учтите, я разгильдяйства не потерплю!

– Слушаюсь!

Разбившись в густые цепи, роты двинулись вперед и вскоре исчезли в густых зарослях. Офицеры какое-то время пытались командовать, но, не видя подчиненных, вскоре оставили

⁵¹ *Кляква* – орден святой Анны четвертого класса, первая боевая награда офицера. Носился на темляке холодного оружия. *Крест* – знак отличия ордена святого Георгия. Солдатская награда.

это дело. Как позднее напишет в своей реляции Тихменев: «Судьба боя сразу же перешла в руки солдат». Турецкий командир также пустил свои цепи вперед, и вскоре противников ожидала неминуемая встреча.

– Как густо стреляют, – шепнул идущий рядом с Будищевым Шматов. – Того и гляди заденут, окаянные!

– Это ты еще пулеметов не видел, – хмуро буркнул в ответ Дмитрий.

– Чегось?

– Ни хренась! Какого черта у тебя мундир в прорехах?

– Дык этот, порвал, когда мы его крутили, турок, в общем.

– И что, заштопать не надо?

– Да не ругайся, Граф, меня и так этот Михай чуть до кондрашки не довел.

– Мало тебе еще, разгильдяю!

– Ох, – пригнулся от свистнувшей совсем рядом пули Федька, – эго близко пальнули!

– Угу, – закусил губу Будищев и медленно приставил к плечу приклад.

Только что шедшие в почти непроходимых зарослях солдаты вышли на небольшую поляну и с изумлением увидели перед собой противника. Командовавший турками офицер с револьвером в одной руке и саблей в другой что-то гортанно крикнул своим подчинённым, показывая руками на русских, но тут же грянул выстрел, и его отбросило назад. Аскеры, так и не получившие приказа, на секунду замешкались, зато болховцы, ни мгновения не сомневаясь, кинулись в штыковую, будто только этого и ждали. Федька, заорав, тоже полез вперед, и только Будищев, не поддавшись всеобщему настроению, остался сзади и, быстро перезарядив винтовку, принялся выцеливать новую жертву. Впрочем, яростная схватка скоро закончилась, и солдаты двинулись вперед. Дмитрий, не теряя ни секунды, подбежал к убитому им турку и попытался взять его револьвер. Однако рука мертвеца продолжала крепко сжимать оружие, и ему пришлось пустить в ход штык. Через секунду добыча была за пазухой, и солдат принялся догонять своих.

Вскоре наступающие роты перемешались, однако продолжали неуклонно двигаться вперед, ориентируясь на артиллерийскую канонаду. Каждый понимал, что надо идти на звуки неприятельских пушек, чтобы там впереди сойтись и вместе атаковать неприятеля.

Наконец деревья стали редеть, и солдаты стали скапливаться на краю леса, ожидая отставших. Но отступавшие турки уже остановились и, заняв все удобные для стрельбы места, принялись осыпать опушку леса градом пуль. Перестрелка усиливалась с каждой минутой. К аскерам присоединились их товарищи, занявшие виноградники у окраины села и ведущие огонь поверх их голов. Русские солдаты все подходили и подходили, и их «крынки» тоже добавляли трескотни в шум битвы.

Тут в османских рядах появился какой-то разодетый паша верхом на прекрасном коне и, размахивая саблей, погнал своих подчиненных в атаку. Те дружно кинулись вперед, но, встреченные пулями, останавливались и откатились назад. Негодующий начальник снова послал их вперед, и снова турки, не выдержав русского огня, отступили.

Будищев все это время размеренно целился и стрелял, стараясь выбирать офицеров или просто самых настырно лезущих вперед турок. Сделав несколько выстрелов, он перебежал за другое дерево и вел огонь с новой позиции.

– А довольно жарко, – раздался совсем рядом голос Линдфорса.

Дмитрий оглянулся и увидел, что командир охотничьей команды во весь рост стоит рядом с ним и с азартом палит из револьвера.

– Вы бы пригнулись, вашбродь, – хмуро буркнул он и в очередной раз выстрелил.

– Мажешь, Будищев! – почти радостно закричал подпоручик и, опустошив наконец барабан, плюхнулся рядом.

– Черта с два, – закусив губу, тихонько ответил солдат и снова выстрелил.

Пуля ударила увлекающего за собой аскеров офицера в ногу, и тот как подкошенный свалился на землю, оглашая окрестности жалобными криками. Бегущие за ним подчиненные поначалу едва не затоптали его, но, вовремя остановившись, подхватили за руки и потащили назад.

– Мажешь, – снова воскликнул Линдфорс и, переломив «СмитВессон», начал набивать барабан патронами. – Немного выше бери, и прямо в грудь сукиных детей! Право, не узнаю тебя, ты же вообще не промахиваешься?

– А я и сейчас не промахнулся, – усмехнулся Дмитрий и перезарядил винтовку.

– То есть как, – изумился офицер, – ты что, специально по ногам метишь?

– Вот именно, по ногам, – пожал плечами Будищев. – Убитый что? Лежит тихо, никого не трогает, а раненый кричит, стонет, иногда – плачет. Его надо в тыл тащить, глядишь, вместо одного турка во вражеской цепи троих нет.

– Но это же жестоко, – возмутился Линдфорс.

– Война вообще жестокая штука, на ней убивают. Кстати, вашбродь, от вашей пальбы только шуму и дыму много, поберегите патроны и себя заодно. Не приведи Господь, подстрелят вас турки, кто реляцию писать будет?

Пока ошарашенный подпоручик хлопал глазами, не зная, что ответить на это, Дмитрий перекатился в сторону и, заняв позицию у соседнего дерева, снова открыл огонь.

Тем временем турецкий военачальник, возмущенный тем, что его аскеры в очередной раз были отбиты, выхватил вместо сабли револьвер и принялся стрелять по вздумавшим отступить. Это возымело действие, и турки были готовы снова пойти в атаку.

– Да стреляйте же в генерала! – заорал непонятно как оказавшийся среди болховцев нежинский полковник Тиньков.

Тут же загрохотали выстрелы, однако храбрый паша был словно заговоренный. Пули то и дело свистели вокруг него, одна даже сбила с головы феску с золотой кистью, но сам он оставался невредимым и продолжал воодушевлять своих людей.

– Ну что же ты, – крикнул Будищеву Линдфорс, – стреляй, черт бы тебя побрал!

Дмитрий в ответ лишь тщательно прицелился и, затаив дыхание, спустил курок. Сухо шелкнул выстрел, и турецкий командующий покачнулся и сполз с седла наземь.

– Ура! – закричал подпоручик и выбежал вперед, размахивая «Смит-Вессоном».

– Ура! – взмахнул саблей Тиньков, и его клич подхватили солдаты.

Бросившись вперед, они в мгновение ока добежали до противника, и бой тут же превратился в свалку. Стрельба почти прекратилась, и в дело пошли штыки, приклады, сабли, а кое-где и кулаки. Понесшие большие потери турки не смогли выдержать этот натиск и подались назад. Русские продолжали теснить их с удвоенной силой, и вскоре отступление османов превратилось в бегство.

Командир Нежинского полка был довольно грузен и не мог поспеть за своими солдатами. Тем не менее он целеустремленно пёр вперед, время от времени криками подгоняя отставших. Остановившись в двух шагах от лежавшего на земле паши, он принялся осматривать раскинувшееся перед ним поле боя, выискивая глазами офицеров. Неожиданно его взгляд встретился с револьверным дулом. Турецкий военачальник, которого все сочли убитым, целился в него и был готов спустить курок. Самое ужасное было в том, что в горячке боя никто не видел угрожавшую полковнику опасность и не мог прийти ему на помощь. Как бы ни тяжело был ранен паша, промахнуться, стреляя почти в упор, он не мог. Смотреть в лицо неминуемой смерти было невыносимо, но Тиньков не мог ни зажмуриться, ни отвести глаза в сторону. Затаив дыхание, он ждал развязки и, когда наконец грянул выстрел, почувствовал почти что облегчение. Пуля пролетела так близко, что он почувствовал легкое дуновение ветра. «Неужели не попал?» – изумленно подумал он, но, приглядевшись внимательнее, увидел, что кто-то метким выстрелом выбил у турка оружие, сохранив тем самым жизнь полковнику.

Растерянно оглянувшись, Тиньков увидел своего спасителя. Рослый солдат, со щегольскими усиками, ловко перезарядил винтовку турецкого образца и, подойдя к турку, внимательно на него посмотрел.

– Вот же паскуда, – покачал он головой. – Считаю, одной ногой на том свете, а туда же!

– Спасибо, братец, век не забуду! – горячо поблагодарил Тиньков солдата, когда к нему вернулся дар речи.

– Не за что, ваше высокоблагородие, – пожал плечами тот, оставив офицера в немалом изумлении. – Я его специально только ранил, хотел в плен взять, а оно видите, как обернулось.

– Ты кто таков?

– Сто тридцать восьмого Болховского полка рядовой Будищев, – отрапортовал солдат, видимо сообразивший, что спасение спасением, а субординацию забывать не след.

– Какой роты?

– Охотничьей команды, ваше высокоблагородие!

– Получишь крест! – махнул рукой офицер, – Покорнейше благодарю! – гаркнул Дмитрий в ответ и поспешил вперед.

Полковник же, потеряв интерес к странному солдату, вернулся к паше и внимательно посмотрел на него. Первая пуля пробил турку предплечье, а вторая раздробила руку, державшую револьвер. Тем не менее он был еще жив и с ненавистью смотрел на окруживших его русских.

– Кто вы такой? – по-французски спросил его Тиньков.

– Когда я был жив, – прошептал тот в ответ, – меня звали Азиз-паша.

– Да ты погоди хоронить-то себя, – перешел на русский полковник, – может, еще и выйдем. Чай, не каждый день генералы в плен попадают.

С отступлением главных сил противника бой не закончился. Около полусотни аскеров засели в небольшой балке, вытянувшейся вдоль дороги, ведущей на Рушук, и продолжали упорно отстреливаться. Собравший свою роту поручик Михай сначала попытался вести с ними перестрелку, но затем, поняв, что та не причиняет особого вреда туркам, скомандовал:

– В штыки!

Несмотря на крайнее утомление после долгого марша под палящим солнцем и ожесточенного боя, солдаты дружно кинулись вперед и в яростной схватке перебили всех турок, однако и сами понесли тяжелые потери.

Хотя Езерджи и был занят, генерал Тихменев, получивший известия о том, что у противника между Езерджи и Разградом имеется не менее восемнадцати таборов пехоты, принял решение вернуться в свой бивуак.

– Федька! Федька, ты где? – высокий солдат метался от одной повозки к другой, пытаясь в наступающих сумерках разглядеть лица раненых.

– Какого тебе Федьку, анцыбал?⁵² – ругнулся на него ездовой.

– Шматова, – с надеждой в голосе отозвался Будищев. – Не видал?

– Чудак-человек, на ём что написано, что он Шматов?

– Маленький такой, из охотничьей команды.

– Нет, не видал, много их тут таких.

Отчаявшись найти приятеля, Дмитрий отошел в сторону и на минуту задумался.

– Чего встал, малахольный? – снова подал голос ездовой, телега которого уже была полна ранеными. – Дай проехать!

Будищев хотел было выругаться в ответ, но вместо этого решительно пошагал в сторону.

⁵² *Анцибал* – черт.

Увлеченный всеобщим порывом Шматов бросился в атаку и вскоре потерял своего товарища из виду. Дальнейшее он помнил смутно: куда-то бежал, в кого-то стрелял, потом перед ним оказался показавшийся ему сперва невозможно страшным турок, которого он пырнул штыком и, поскользнувшись, упал рядом. Приподнявшись, Федька увидел, что враг его на самом деле еще очень молод – почти мальчик, невелик ростом и вовсе не страшен. Русский штык проткнул ему живот, и теперь юный аскер тщетно пытался прикрыть рану руками и плакал. Все это так подействовало на солдата, что он вскочил и бросился бежать прочь, стараясь заглушить свой страх криком.

Наконец лес кончился, и Шматов увидел перед собой вражескую цепь. Будищева нигде не было видно, и парень почувствовал себя ужасно одиноким. Однако времени жалеть себя не было, и Федор, повинуясь приказу какого-то офицера, начал стрелять в наступающих турок. Стрелком он был неважным, отчего Дмитрий нередко подшучивал над ним, говоря, что его задача добывать патроны к турецкой винтовке, а уж он, Будищев, отстреляется за двоих. Но теперь Графа не было рядом, и Шматов принялся опустошать патронную сумку, посылая в сторону противника пулю за пулей. Потом они снова бросились в штыки, но теперь, на его счастье, ни один турок ему не встретился, а то, кто знает, смог бы он еще раз ткнуть штыком живого человека.

Наконец противника выбили и из деревни, и, казалось, что бой уже закончен, но какие-то совсем уж отчаянные аскеры засели в балке и продолжали палить в сторону русских. Федька собирался было уже возвращаться назад и искать Будищева, как вдруг перед ним появился сидящий верхом на каурой кобыле поручик Михай и стал собирать вокруг себя людей. Скоро ему удалось организовать около сотни солдат из разных рот, и они, окружив балку со всех сторон, принялись ее обстреливать. Однако турки так ожесточенно отбивались, что казалось, русский огонь не доставляет им ни малейших неудобств. К тому же после жаркого боя патронов у многих не доставало, и, видя все это, командир стрелковой роты принял решение ударить в штыки.

Желая увлечь солдат за собой, Михай не стал даже спешиваться, а выхватив саблю, заорал что было мочи: «Ура! За мной!» И ударил бока своей лошади каблуками. Бедное животное рванулось вперед, но тут же, получив несколько пуль, грохнулось оземь. Однако ухитрившийся выскочить из седла поручик нимало не смутился, а побежал вперед уже на своих двоих и поднял-таки людей в атаку. Русская волна захлестнула балку, всюду раздавался лязг оружия, звуки ударов, стоны раненых и ужасная брань дерущихся противников. Дойдя до крайней степени остервенения, они кололи, рубили, били, а если не было никакой иной возможности нанести врагам ущерб, грызли зубами. Перед взором растерявшегося Федора мелькали какие-то неясные фигуры. Вот какой-то турок заколол бегущего перед ним солдата штыком, но не успел он обрадоваться этой удаче, как череп его треснул под саблей Михая. Вот рослый унтер вонзил штык в аскера, а тот, издыхая, ухитрился выстрелить в того из своей винтовки. Вот несколько вражеских солдат, не выдержав напряжения боя, подняли было руки, но их тут же перебили, и думать забыв о милосердии. Эта последняя картина так поразила Шматова, что он остановился и во все глаза глядел на расправу. Тут что-то ударило его по голове, и в глазах померк свет.

Очнулся он уже вечером, и первой его мыслью было, что он ослеп. Однако, проморгавшись, парень понял, что этого всего лишь сумерки. Рядом кто-то так пронзительно и с надрывом стонал, что Федька не выдержал и, обернувшись, спросил:

- Что с тобой, братец?
- Турок, – измученно протянул лежащий рядом с ним солдат.
- Что, турок? – не понял Шматов.
- Живой, говорю, этот басурманин, хочет меня зарезать!

Приглядевшись внимательнее, парень увидел, что совсем рядом с ними лежит аскер с перебитыми ногами. Однако, в отличие от заколотого им днем, этот не плакал, а вытаскивая кинжал, пытался из последних сил дотянуться до русского.

– И ведь еле живой, ирод, а все никак не угомонится, – продолжал жаловаться солдат, – уж я полз от него, полз, а теперь нет мочи. Зарежет ведь, аспид!

Федька попытался подняться, но голова его закружилась, и он в изнеможении откинул голову. Оружия рядом тоже не оказалось, а проклятый турок был все ближе и ближе. Шматов видел, как яростно сверкают его глаза, и, не найдя ничего лучшего, схватился за руки раненого товарища и потянул его на себя. Кое-как им удалось отодвинуться от врага на пол-аршина. Однако тот был не настроен так легко сдаваться и продолжил карабкаться к солдатам, очевидно, рассчитывая, что убьёт теперь не одного, а двоих. Наконец ему удалось приблизиться на расстояние удара, и он, перехватив свое оружие половчее, хотел уже вонзить его в бок обессиленного противника, как вдруг чья-то нога, обутая в солдатский сапог, опустилась ему на руку.

– Любила жаба гадюку! – раздался над ним немного насмешливый голос Будищева.

– Граф, это ты, Граф? – воскликнул совсем было отчаявшийся Федька.

– Естественно, – ухмыльнулся тот, – неужели ты думал, что я тебя одного брошу?

– Хорошо, что ты пришел, а то я думал, он нас зарежет!

– Этот мог! – покачал головой Дмитрий и, ни слова больше не говоря, вонзил штык в неугомонного турка.

– Спасибо тебе, братец, – подал голос второй солдат, – а то уж думали, так пропадем, без покаяния.

– Вот санитары – сукины дети! – хмыкнул Будищев, оглядевшись. – Это же надо, пропустили раненых. Ладно, давайте я вас перевяжу да поищу, на чем оттащить к своим. Федька-то он тощий, его и через плечо можно, а вот двоих – не осилю!

Рота Гаупта осталась в резерве и потому не участвовала в деле у Езерджи. Многие солдаты как ни в чем не бывало, продолжали заниматься своими делами, другие наоборот – терпеливо ждали, что их вызовут и бросят в бой. Бывшие студенты были как раз из последних. Пошедшие в армию добровольно, они страстно желали принять участие в сражении, но судьба словно смеялась над ними. Оставалось только сидеть и ждать.

– Николай, – не выдержал Гаршин, – может статься, наш ротный уже получил какие-нибудь известия?

– Может, и так, – пожал плечами Штерн. – Но я ходил справляться всего лишь пять минут назад и не думаю, что за это время многое переменялось.

– Да, вы правы, простите...

– Полно, Всеволод, мы все немного нервничаем.

– Интересно, как там наши охотники? – задумчиво спросил Лиховцев.

– Если вы про Будищева, то уверен – с ним все в порядке!

– Как знать, – покачал головой Николаша, – я слышал команду Линдфорса придали стрелковой роте, и теперь они наверняка в деле.

– Вы уверены?

– Насколько в данной ситуации вообще можно быть уверенным. Все-таки забавная коллизия получается, господа. Наш приятель из грядущего всячески открещивается от участия в этой войне и совершенно не скрывает своего отрицательного к ней отношения. Тем не менее он регулярно оказывается в гуще событий и совершил для освобождения балканских славян куда больше, чем мы – трое добровольцев, вместе взятые.

– А ведь верно, – улыбнулся Алексей, – даже если то, что рассказывает о его похождениях Шматов, правда всего лишь на одну десятую, все равно он постоянно рискует жизнью и подставляет грудь под пули.

– При том что он терпеть не может эту фразу про грудь и пули, – засмеялся Николай.

– Мне кажется дело совсем не в этом, – задумчиво сказал Гаршин после минутного молчания. – Мне приходилось встречать таких людей ранее. Им все равно за что выступать на словах, лишь бы идти против течения. Если все будут кого-то хвалить, им непременно нужно будет его отругать и наоборот. Полагаю, что на самом деле, вашему другу далеко не безразличны цели этой войны, но он никогда в этом не признается на словах. Хотя на деле делает все для ее успеха.

– Вы тоже заметили этот дух противоречия? – воскликнул Лиховцев. – Я как-то сравнил его с все подвергающим сомнению Базаровым из романа Тургенева.

– Любопытно, и что же он ответил? Хотя вряд ли он его читал...

– Вот уж ничуть! Как это ни странно, но Дмитрий оказался вполне знаком с этим произведением, хотя и сделал из него крайне превратные выводы.

– И какие же?

Но тут на дороге показалась колонна возвращающихся с поля боя солдат, и разговор прекратился сам собою. Сначала шла рота нежинцев, за ними следовали подводы с ранеными, потом и тех и других обогнали на рысях казаки и ахтырцы. Полковые врачи во главе с Гиршовским бросились на помощь к пострадавшим в деле, прямо на месте оказывая им помощь, не разделяя между собой ни русских, ни турок. С последними, впрочем, церемонились куда меньше. Разве что тяжелораненому вражескому вое начальнику Азизу-паше уделили довольно много внимания. На этом особенно горячо настаивал полковник Тиньков, лично захвативший его в сражении. Да и от генерала Тихменева приезжал адъютант справляться о самочувствии высокопоставленного пленного.

Были серьезно пострадавшие и среди русских офицеров. К примеру, капитан Гнилосыров был ранен в бок, капитан Княжин дважды в левую ногу, но больше всех пострадал капитан Николаев, поведший свою роту в штыки; он получил в общей сложности четыре ранения и все равно остался в строю до самого конца дела. Некоторые офицеры не без зависти говорили, что он теперь непременно получит орден святого Георгия. Ванечка Линдфорс тоже отличился, получив неглубокий порез щеки от неприятельского штыка и сломанное ребро от приклада, так что, принимая во внимание его геройство в бою, следовало ожидать анненский темляк на саблю. А вот Михай возвратился невредимым и каким-то взвинченным. Поговаривали, что под ним убили лошадь, которую он очень любил, однако поручик ничего никому не сказал, а направился напрямик к своей палатке и скрылся в ней.

Впрочем, приятелей-вольнопёров все это не слишком занимало. Занятые поисками Будищева и Шматова и, не встретив их ни среди раненых, ни невредимых, они очень опечалились.

– Не могу поверить, – глухо сказал Лиховцев, – этого просто не может быть!

– Я думаю, еще рано отчаиваться, – попытался успокоить его Штерн, – ведь среди мертвых мы его тоже не видели.

– О чем ты говоришь, – покачал головой Алексей, – наши ведь не скрывают, что не собрали ещё и половины павших.

– Я видел Линдфорса, – нерешительно заметил Гаршин, – он утверждает, что Будищев жив, и даже, что именно он ранил турецкого генерала.

– Думаю, в этом случае Азиз-паша не выжил бы, вы ведь знаете, как Дмитрий стрелял...

– Не следует пока что говорить о нем в прошедшем времени, – мягко остановил Штерна Всеволод, – знаете, я, наверное, навещу Михая, может, он знает больше.

– Хорошо, сходите, конечно, но не думаю, что он хотя бы запомнил наших друзей в лицо.

Вольноопределяющийся, не теряя ни минуты, направился в сторону офицерских палаток и вскоре был рядом с жилищем поручика. Прежде они были в почти при ятельских отношениях, но после того как Гаршин увидел, как тот проводит учения с нижними чинами, их

взаимная приязнь ослабела. Тем не менее внешне ничего не изменилось, и Всеволод полагал приличным обратиться к нему за разъяснениями.

– Владимир Васильевич, – негромко позвал он, стоя у входа. – Можно мне зайти?

Внутри что-то щелкнуло, затем послышался какой-то шорох, но никто ничего не ответил. Мучимый тревожными предчувствиями, молодой человек откинул полог и, шагнув внутрь, остановился как громом пораженный. Поручик сидел на походной кровати с совершенно бледным лицом. Мундир его был расстегнут, португеза валялась на полу, а рядом на походном столике, рядом с зажжённой свечой, лежал готовый к выстрелу револьвер. Очевидно, он только что перезарядил свое оружие, после чего зачем-то взвел курок и положил рядом с собою.

– Что вы делаете? – ошеломленно спросил Гаршин.

– Пятьдесят два, – непослушными губами ответил ему поручик.

– Что, простите?

Поручик с трудом перевел дух и поднял на своего гостя глаза. Тот встретился с ними взглядом и вздрогнул, ибо, казалось, что на него смотрит сама бездна, так глубоки и черны они были. Черты лица его стали необыкновенно резкими и четкими, и вообще, было похоже, будто он постарел разом на десять лет.

– Пятьдесят два, – повторил он тусклым голосом, – понимаете, в моей роте выбыло из строя пятьдесят два человека.

– Война, – нерешительно ответил ему Гаршин.

– Да, конечно, – согласился тот, – вот только закрываю глаза, а они стоят. Все пятьдесят два... и мертвые и пораненные... Просто стоят и смотрят. Приказа ждут. А я не могу отдать приказ, я их на смерть уже один раз послал.

Рука его снова легла на револьвер и как будто нежно погладила его. «Какие у него тонкие музыкальные пальцы», – подумал вольноопределяющийся, но вслух сказал совсем другое:

– Не смейте!

– Что?

– Не смейте! – голос Гаршина набрал силу и прозвучал, как пощечина. – Вы же офицер, как вы можете проявлять подобное малодушие!

Договорив, он решительно отобрал у поручика револьвер и спрятал его за спиной. Тот еще некоторое время посидев, молча, вдруг закрыл лицо руками и зарыдал.

Будищев появился под утро. Смертельно усталый, он вел под уздцы маленького, почти игрушечного на его фоне ослика, тащившего волокушу. В ней лежали двое тяжелораненых солдат, один из которых был Шматовым, а второй рядовым Нежинского полка Стратоновым. Командовавший дозором старший унтер-офицер Галеев узнал его и, выделив в помощь ему одного из солдат, велел как можно быстрее доставить пострадавших в лазарет.

Врачи, всю ночь оказывавшие помощь страждущим, уже валились с ног, однако один из них – долговязый немец по фамилии Брэм, немедленно вышел и осмотрел новоприбывших. Найдя их состояние тяжелым, он приказал отправить солдат под навес для ожидавших операции.

– Кто их перевязывал? – поинтересовался Брэм у сидящего рядом Будищева.

– Что? – не понял тот сначала, но тут же сообразив, ответил: – Я, ваше благородие!

– А ты знаешь в этом толк, братец! Не желаешь ли перейти в санитары? Ты, кажется, грамотный, быстро вы учишься, глядишь, выйдешь в фельдшеры.

– Воевать так воевать, господин доктор, – усмехнулся солдат, – пишите сразу в обоз!

– Ну, как знаешь. Впрочем, если надумаешь, приходи!

Шатаясь на негнущихся ногах, Дмитрий двинулся прочь. Куда идти, он от усталости не сообразил, а потому просто брел, рассчитывая найти место для отдыха. Как на грех, его вынесло к месту, где лежали умирающие солдаты. Помочь им было нельзя, да многие уже и

без всякой помощи отошли в мир иной. Между ними ходил, читая молитву, отец Григорий, давая тем самым павшим последнее утешение. Глаза священника и солдата встретились, но Будищев, вместо того чтобы посторониться и пройти мимо, тяжело вздохнул и спросил:

– За какой хрен они погибли, батюшка?

– Что?

– Я спрашиваю, за что погибли эти люди? Зачем им эта Болгария? Что они видели в своей жизни? Я вон только что Федьку в лазарет отволок. Он за освобождение христиан едва жизнь не отдал, а его там, в яме, как собаку бросили. Если бы я искать не пошел, так и сгинул безвестно, а он ведь еще и не жил вовсе! Девку, поди, ни одну не любил... и вот ты мне скажи, отец Григорий, за что?

Голос Будищева постепенно повышался, и последние слова он буквально выкрикнул в лицо священника. Отец Григорий тяжело вздохнул, покачал головой и тихо ответил:

– Иди за мной, Митя, покажу за что.

Путь их был недолог. Сразу за рядами четырех десятков погибших в бою у Езерджи солдат отдельно лежали еще несколько тел, накрытых рогожами. Откинув одну из них, батюшка поманил Дмитрия пальцем и ткнул в направлении покойника.

– Вот за что.

Будищев машинально наклонился и тут же отшатнулся. Под рогожей лежала молодая девушка с перерезанным горлом. А священник, не останавливаясь, прошел дальше, продолжая откидывать покрывала одно за другим. Под следующим лежал мальчик, дальше ещё одна женщина, а на остальных сил смотреть у Дмитрия больше не было.

– Смотри, Митя, – продолжал отец Григорий. – Они в лесу прятались, а их башибузуки выловили, да там всех до смерти и умучили. Не пожалели ни женщин, ни детей, сначала ссильничали всех до единого, а потом под нож... Их как нашли, вы уж в атаку двинулись. Полковник-то, как увидел, так приказал никому не показывать, боялся, что люди взбунтуются и в бой полезут без приказа... Что, Митя, худые для тебя люди – болгары? Водки, наверное, даром не наливают – денег просят. Что тут скажешь... Так вот, за что ты воюешь, я не ведаю, а вот те павшие – за то, чтобы такого более не случилось. И аз многогрешный за это тоже готов ни жизни, ни души бессмертной не пожалеть! А теперь пошел вон с глаз моих, мне еще панихиду служить, а я тут с тобой валандаюсь!

Не помня себя, Дмитрий ушел прочь, с трудом найдя укромный уголок, присел и буквально тут же провалился в беспокойный сон. Пробуждение было не из приятных – кто-то сильно ударил его сапогом в бок, и ничего не понимающий спросонья Будищев вскочил. Первое что он увидел перед собой, была приторно улыбающаяся физиономия ефрейтора Хитрова.

– Вставай, падлюка, – почти ласково пропел его бывший командир звена. – Неча спать, так долго, чай не барин.

– Слышь, придурок, ты что, бессмертный? – ничего не понимая, спросил Дмитрий и хотел уже было дать ефрейтору в ухо, но рядом оказалось еще два солдата, тут же скрутивших его.

– Не балуй! – строго сказал ему дядька Никифоров, крепко держа за выкрученную руку.

– Это ж бунт, – улыбка Хитрова стала еще более мерзкой, – братцы, попомните, что этот бунтовщик меня, то есть своего непосредственного начальника, ударить хотел!

– За что? – воскликнул Будищев, сообразивший, что дело может кончиться худо.

– Сейчас узнаешь!

Через несколько минут он без ремня и оружия стоял перед полковником Буссе и другими офицерами их полка.

– Вот, ваше высокоблагородие, – начал рапортовать ефрейтор, – это он, значит, бунтовать призывал и говорил, что воевать с туркой не надо! А еще хотел на меня, то есть на начальство, руку поднять!

– Каково, господа? – воскликнул один из офицеров, имени которого Дмитрий не знал. – Это же надо, какие речи вел, скотина!

– Так точно, ваше благородие, – с готовностью поддакнул Хитров, – говорил еще, за что зря христианские души кладем, дескать, противно это Господу!

– Может, сектант какой? – неуверенно протянул командир третьего батальона майор Смирнов.

– Нет, ваше высокоблагородие, сектанты они смиренные, а он драчливый и матерится неподобно. Точно говорю, бунтовщик он.

– Помолчи, когда тебя не спрашивают! – строго осадил разговорившегося ефрейтора Буссе.

– Слушаю, ваше высокоблагородие! – вытянулся тот.

– Кто таков? – хмуро спросил он солдата.

– Рядовой охотничьей команды Будищев, ваше высокоблагородие! – отрапортовал Дмитрий, встав по стойке смирно.

– Верно ли то, что о тебе говорят?

– Никак нет!

– Значит, ефрейтор врёт?

– Ваше высокоблагородие, господин полковник, разрешите доложить?

– Ну, докладывай.

– Я, прежде чем в охотничью команду попасть, служил в роте его благородия штабс-капитана Гаупта, как и ефрейтор Хитров. Так вот, в нашей роте всем известно, что господин ефрейтор, не в обиду будь сказано, с головой недружен. Может, его мамка в детстве уронила, может, еще чего, а только он иной раз человек как человек, а другой – дурак дураком! Ну, посудите сами, господин полковник, если бы я против войны был, неужели в охотничью команду добровольно вступил?

– Складно поешь, ты из городских?

– Никак нет, из крестьян.

– Непохоже, но допустим, а что в лазарете делал?

– Господин полковник, – вдруг отвлек внимание Буссе только что подошедший Брэм. – Думаю, на этот вопрос могу ответить я.

– Вот как, господин доктор?

– Именно, дело в том, что этот солдат притащил в лазарет двух тяжелораненых товарищей, которых нашел на поле боя и даже перевязал. Хочу заранее отметить, что если бы не он, эти двое пополнили бы мертвецкую.

– Это правда?

– Так точно, ваше высокоблагородие, рядового Шматова и еще одного, из Нежинского полка.

– Ничего не понимаю! – вконец запутавшись, заявил Буссе и подозрительно посмотрел на Хитрова. – А что, за отцом Григорием уже послали?

– Здесь я, господин полковник, – отозвался священник.

Лицо отца Григория было измучено, борода свалылась, и вообще было похоже, что его, как и Дмитрия, только что разбудили. Батюшку тут же ввели в курс дела и спросили, что он может сказать по поводу произошедшего?

– Гхм, – прочистил горло священник и взглянул на Будищева так, что у него похолодело сердце. – Что я могу вам сказать, господа. Солдат этот действительно... ругался при мне. Но поскольку службу я в этот момент не производил, сие всего лишь непочтительность, а никак не богохульство. К тому же, если принять во внимание причину, сподвигшую его на это, то я с ним полностью согласен!

– Вот как, – изумился Буссе, – но что же это за причина?

– Разве вам не сказали, что он нашел раненых, оставшихся без всякой помощи?

– Да, но...

– А кто может поручиться, что те, кого он доставил – единственные?

– Хм, действительно, нехорошо получилось.

– Господин полковник, пошлите людей, чтобы удостовериться.

– Непременно, батюшка, непременно. Но что же делать с этим...

Увы, договорить ему опять не получилось, к штабной палатке подъехал командир нежинцев полковник Тиньков со своими офицерами и, соскочив с лошади, шумно поприветствовал соседей.

– Здравствуйте, господа! Славная нынче погодка, не находите?

– Как сказать, Александр Владимирович, как сказать... опять жара будет.

– Ну, это уж как водится, а вы заняты?

– Нет, мы уже закончили, уведите пока арестованного, я с ним позже решу...

– Позвольте, – переменялся в лице Тиньков, – а что это значит? За что арестован этот солдат?

– Вы его знаете?

– Конечно, он мне, можно сказать, жизнь спас!

– Каким образом?

– Да самым прямым! Ведь этот сукин сын, Азиз-паша, меня чуть было не подстрелил, даром, что сам раненый был. А ваш солдат ему револьвер-то из руки и выбил, причем выстрелом! Да так ловко, что сам паша живехонек остался, а ведь генералов далеко не каждый день в плен берут! Да-с! Кстати, ссадил его с лошади тоже он, так что, если по справедливости, честь пленения Азиза-паши принадлежит нашим полкам поровну. Первого, замечу, пленного генерала в этой кампании!

– Не может быть!

– Да отчего же не может! Нет, господа, я не знаю, чем этот солдат провинился, однако же прямо требую при вынесении приговора учета прежних заслуг.

– Владимир Васильевич, – тихонько шепнул Буссе полковой адъютант Линдфорс, – я вспомнил. Брат рассказывал мне об этом солдате, он действительно чрезвычайно ловко стреляет.

– Ну, что вы, друг мой, – решил командир болховцев, – вина рядового Будищева не так уж велика, и он, разумеется, получит причитающуюся ему награду. Потом. Эй, вы, отпустите его!

– Слушаю, – вытянулся обескураженный Хитров и велел отдать Дмитрию винтовку и пояс.

– Прошу в палатку, господа, – полковник сделал приглашающий жест и посторонился. – В последнее время черт знает что творится, прямо голова кругом!

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Да как вам сказать, вообразите, из Дунайской флотилии пришло отношение, чтобы из моего полка перевели к ним рядового Блудова! Каково?

– Странно, конечно, но что же вы ответили?

– Да что же мне отвечать, если в списках полка такого нижнего чина не числится? Так и ответил!

– Дурят что-то наши морячки!

– И не говорите.

Дмитрий тем временем шел вместе с остальными солдатами к расположению роты, размышляя над нелегкой судьбой Хитрова. Тот, очевидно, угадав ход мыслей солдата, невольно ежилась под его взглядом, однако вида не подавал, стараясь выглядеть уверенно.

– Ты чего с нами прешься? – строго спросил он Будищева. – Твою команду к стрелкам передали, так и иди к ним!

Тот неожиданно не стал спорить, а, ни слова не говоря, повернулся и зашагал прочь, оставив недавних конвоиров в недоумении. Дядька Никифоров хотел окликнуть, но, посмотрев на командира звена, сразу отказался от этой затеи и двинулся вслед за остальными.

– Вы где были? – подозрительно спросил их Галеев.

– Приказ командира полка сполняли, господин унтер-офицер, – заюлил ефрейтор.

– А я почему про то ничего не знаю?

– Ну, что ты, Северьян, – голос Хитрова можно было мазать на хлеб вместо патоки, – мне приказали да велели быстро, где же тут успеть всем сообщить! Да и кончилось уже все...

– Ну-ну, смотри, Васька, я ведь тебя предупреждал!

Прямым следствием этого происшествия была немедленная отправка санитарных и похоронных команд к месту боя у Езерджи, с целью поиска выживших. Задействованы на это были роты, не участвовавшие в деле и потому не понесшие потерь. Солдаты, разбившись цепью, еще раз обошли местность, стараясь не пропустить ни малейшей складки на ней, где бы могли оказаться их раненные или убитые товарищи. Вскоре поиск увенчался первым успехом – вольноопределяющемуся Гаршину удалось найти в густых зарослях раненого в обе ноги рядового второй роты Василия Арсентьева. Бедолага лежал рядом с убитым им аскером в полном сознании. Как оказалось, он слышал, что рядом ходили люди, однако не знал, русские это или турки, и потому боялся подать голос. Жажду он утолял из фляжки, найденной им у мертвого противника, еды не имел вовсе и, по словам осматривавшего его при приеме в лазарет Соколова, непременно погиб, если бы его нашли хотя бы днем позже. Даже и теперь врачам пришлось отнять ему одну из ног, но, по крайней мере, жизни его ничего не угрожало.

Вся эта история произвела на впечатлительного Всеволода такое действие, что он несколько дней ходил сам не свой, и друзья даже опасались за его душевное здоровье. Однако все обошлось, и вскоре Михалыч, как его называли солдаты, вернулся в свое обычное состояние. Вообще, нельзя не отметить, что в полку все любили Гаршина. Несмотря на явную слабость, он стойко переносил вместе со всеми тягости похода. Был неизменно приветлив и никогда и никому не отказывал в помощи. Единственный, с кем у него не складывались отношения, был Будищев. Не то чтобы они враждовали, но всякий раз при встрече между ними случались недоразумения, так что они старались даже избегать друг друга.

Впрочем, получалось это далеко не всегда. В тот день Дмитрий был свободен от службы и занимался тем, что мастерил пулелейку. Дело в том, что захваченный им в бою у Езерджи револьвер оказался капсюльным. То есть заряжались каморы его барабана не металлическими патронами, как «Смит-Вессоны», «Галаны» или «Лефшо», а отдельно порохом и пулями. Капсюли же надевались на специальные шпеньки брандтрубок на тыльной стороне барабанов. В горячке боя разбираться с этим времени не было, но после него эта конструкция нimalo удивила Будищева. Впрочем, ничего особо сложного в ней тоже не было. Найти капсюли, порох или свинец не составляло ни малейшей проблемы, но вот пули нужно было отливать самому.

Прежде всего, нужна была модель для отливки. Поразмыслив, Дмитрий решил разрядить одну из камор, но дело это оказалось совсем не простым. Пули плотно сидели в гнездах, так что выковырнуть их никак не получалось. Тем более что никаких инструментов – кроме ножа и штыка – у него не было. Идти на поклон к полковому оружейнику не хотелось, один бог знает, как он мог отреагировать на наличие у простого солдата трофейного револьвера. Пришлось идти по пути наименьшего сопротивления и разрядить револьвер выстрелом. Найдя укромное местечко в небольшом овраге, по дну которого протекал не совсем еще пересохший от жары ручей, Будищев обмотал револьвер куском рогожи, чтобы заглушить выстрел, и спустил курок. Творение неведомого оружейника исправно выплюнуло огонь, дым и кусочек свинца. Звук и впрямь получился негромким, зато вони и дыму было хоть отбавляй. Опустившись на колени,

он принялся за поиски, и скоро пуля была у него в руках. Вода и жидкая грязь не дали ей деформироваться, так что можно было приниматься за дело.

Далее нужен был гипс. Достать его можно было только в лазарете, но вот попасть туда без разрешения начальства нечего было и мечтать. Увы, вольница у охотничьей команды закончилась вместе с ранением Линдфорса. Пришлось идти к Михаю. Поручик после памятного боя у Езерджи долгое время ходил как не свой, но постепенно пришел в себя, хотя и был лишь тенью бывшего командира стрелковой роты.

– Здравия желаю вашему благородию! – поприветствовал его Дмитрий.

– Охотник, – поднял на него глаза офицер. – Чего тебе?

– Господин поручик, разрешите отлучиться в лазарет?

– Зачем?

– Навестить рядового Шматова.

– А, это тот, кого ты раненого нашел?

– Так точно.

– Хорошо, только недолго.

– Слушаюсь!

– Подожди, – поручик, будто спохватившись, остановил собиравшегося уходить Будищева и пристально, словно не узнавая, взгляделся ему в глаза. – Верно ли, что это ты подстрелил Азиза-пашу?

– Так точно!

– И полковника Тинькова спас?

– Так точно!

– Да не кричи ты, – поморщился поручик, – отвечай по-человечески.

– Было такое.

– И пленного для генерала Тихменева ты раздобыл?

– Я, ваше благородие, только не один, а вместе с Федькой Шматовым.

– Черт знает что такое! – непонятно на что выругался поручик и махнул рукой, ступай, мол.

Размышлять, что все это значит, у Будищева времени не было, так что он как можно быстрее отправился к лазарету. Добравшись до места, он остановился и принялся разглядывать снующих туда-сюда санитаров и вскоре нашел того, кого искал. Нескладный солдат, ростом немногим выше Федькиного, пытался наколоть щепу для растопки, но руки у него дрожали, и топор все время соскальзывал в сторону. Причина тремора была крупными буквами написана на его необезображенном интеллектом лице – санитар явно мучился с похмелья.

– Онищенко, ты скоро? – раздался чей-то голос из палатки. – Инструменты кипятить надо!

– Давай помогу, браток, – улыбнувшись, предложил ему Дмитрий.

– Помоги, сделай милость, – не стал отказываться тот, – а то руки что-то не слушаются.

– Болеешь, поди? – усмехнулся Будищев, берясь за топор.

– Инх... инф... инхлюэнца⁵³ у меня, вот! – с умным видом отвечал ему санитар. – Тут, брат, лазарет, от заразы не спрячешься.

– Ну, это болезнь не опасная, ее легко вылечить.

– Да что ты понимаешь! – взвился оскорбленный в лучших чувствах медработник. – Тут, может, ученые люди, не тебе чета, разобраться не могут, а ты... ты...

– Точно тебе говорю, – не смутился Дмитрий, – у меня, кстати, где-то было лекарство, хочешь попробовать?

⁵³ *Инфлюэнца* – так называлась простуда. *Influenza* – воздействие (*ит.*).

Сняв с пояса флягу, сделанную еще во время стоянки в Бердичеве, он энергично встряхнул ее содержимое и, открыв пробку, понюхал. Нос Онищенко тут же пришел в движение, в глазах родилось понимание, и низший служитель Гиппократ неувверенно протянул руку.

– Нукася...

Взяв в руки протянутую ему бутылку, санитар неувверенно приложил горлышко к губам, и живительная влага факельным шествием прошла по ссохшемуся горлу. Впрочем, насладиться в полной мере Будищев ему не дал, тут же отобрав емкость.

– Помогло? – насмешливо спросил он солдата.

– Спаси тебя Христос, – закивал тот, – вроде попустило!

– Ну, вот и хорошо, а теперь бери растопку и неси, а то заругают!

Онищенко, вздохнув, взялся за щепу, но тут же охнул и схватился за сердце.

– Ох!

– Что случилось?

– Ох, худо мне, инх... инхлюэнца проклятая, дай-ка еще снадобья своего, сделай милость...

– Это можно, – сочувственно глядя ему в глаза, покивал Дмитрий, – у меня этого гуталину просто завались!

– Какого гуталину? – испугался санитар.

– Виноградного, – охотно пояснил ему Будищев, – только вот, если хочешь еще получить, надо кое-что сделать.

– Чего сделать? – недоверчиво спросил Онищенко, но вожденная фляга была совсем рядом, и измученный похмельем нестройной, не имея сил сопротивляться, покорно выслушал, что ему прошептал Будищев.

– Хорошо, сделаю, – отвечал тот, уяснив, что от него требуется, – подожди малость.

– А что это ты, братец, тут делаешь? – раздался за спиной Дмитрия чей-то голос.

Обернувшись, солдат увидел старшего полкового врача Гиршовского и вытянулся во фронт.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

– Здравствуй, – кивнул ему доктор, – так, что?

– Зашел проведать раненого товарища!

– И, очевидно, у Онищенко ты спрашивал, как его найти?

– Так точно!

– Ну-ну, и как же зовут твоего товарища, из какой он роты?

– Рядовой охотничьей команды Шматов, ваше высокоблагородие!

– Погоди-ка, это ведь ты его с поля боя принес?

– Так точно!

– Значит, ты и есть тот солдат, который все делает крайне ловко. И стреляет, и накладывает перевязки, и добывает разные интересные вещи во время поисков. Не так ли?

– О чем это вы?

– Не тушуйся, братец, – улыбнулся Гиршовский, – просто твой командир никогда прежде не проявлял ни малейшей практичности, ни тем паче меркантильности, так что догадаться, что он лишь посредник, причем не из лучших, было совсем не трудно.

– Не понимаю, – сделал морду кирпичом Дмитрий.

– Это бывает, – покачал головой врач, – просто Линдфорс еще какое-то время побудет в лазарете, а если тебе попадется какая-нибудь интересная вещичка... ты ведь знаешь, где меня найти?

– Знаю.

– Ну, вот и чудненько, кстати, а приятеля тебе повидать не удастся, всех тяжелораненых обозом отправили в госпиталь.

– Когда?

– Еще вчера. Тебе разве Онищенко не сказал?

– Нет...

– Зря ты с ним связался, совершенно пустой человек. Давеча украл изрядную бутылку спирта и весь выпил, мерзавец эдакий! Давно бы его под суд отдал, да жалко.

Подосадовав, что не удалось увидеться с Федькой, Дмитрий дождался расхитителя медицинского имущества, принесшего ему увесистый сверток гипса и целый ворох бинтов в придачу.

– Держи, – протянул он Онищенко бутылку.

– Благодарствую, – отвечал тот, блаженно улыбаясь, – если чего понадобится, так только скажи, меня тут каждая собака знает.

Получив материал для изготовления формы, Будищев взялся за дело, и вскоре пулелейка была почти готова. Нужно было дождаться лишь, когда гипс затвердеет, и можно будет заливать в нее свинец.

В это время в расположении полка появилось несколько не то болгар, не то цыган. Местные и раньше приходили, особенно если нуждались в помощи или хотели что-нибудь продать, но эти оказались музыкантами. Их было трое: седой старик, игравший на странном подобии скрипки, которую он, однако, упирал не в плечо, а в бок, мальчишка с бубном и молодая простоволосая девушка, певшая под их аккомпанемент.

У солдат обычно мало развлечений, поэтому все свободные от службы тут же окружили место представления и с удовольствием смотрели на музыкантов. Правда, платить солдатам было нечем, но артисты были рады и сухарям. Впрочем, среди привлеченных музыкой было и несколько офицеров, так что совсем без денег музыканты не остались. Пришли посмотреть на представление и вольноопределяющиеся из роты Гаупта.

Надо сказать, что пела девушка весьма недурно, так что молодые люди слушали ее не отрываясь. К тому же певица была очень хороша той особенной южной красотой, какую нередко можно встретить на Балканах. Волосы ее были иссиня-чёрными, кожа несколько смуглой, но весьма приятного оттенка, плюс к тому красиво очерченные чувственные губы и совершенно бездонные глаза. Иногда во время пения она делала несколько танцевальных па, вызывая бурный восторг у своих зрителей. Особенно хороша у нее была высоко поднятая грудь, прекрасную форму которой безуспешно пыталась скрыть вышитая рубашка из грубого полотна и несколько ожерелий из блестящих монет, позвякивающих в такт ее движениям.

Штерн, и без того бывший ценителем женской красоты, был совершенно очарован, Лиховцев тоже смотрел на прекрасную болгарку во все глаза, и даже скромняга Гаршин не мог отвести своего взора. А когда она начинала петь, им и вовсе казалось, что они в раю и внимают музыке горних сфер. Когда же она закончила, молодые люди просто сбили себе руки, бешено аплодируя артистам.

У Николаши оставалось еще несколько монет, и он пошел вперед кинуть их в лежащую перед музыкантами шапку, а Алексей с Всеволодом снова присели, обмениваясь впечатлениями. Вдруг оглянувшись, Гаршин заметил, что совсем рядом от них сидит Будищев и, не отрываясь, смотрит на девушку. Затуманенный взгляд его скользил по извивам девичьей фигурки, будто раздевая ее. Все это показалось Всеволоду таким неприятным, что он непроизвольно дернулся.

– Что с вами? – удивился Лиховцев и, заглянув ему за плечо, увидел Дмитрия.

– Ничего, – нервно ответил тот, но было поздно.

– Будищев, это вы? Идите сюда, – позвал приятеля Алексей.

– Привет, – не слишком приветливо буркнул тот, будто его застали за чем-то постыдным, но все же подвинулся.

Они обменялись рукопожатиями и сели рядом. Через минуту вернулся Штерн и, широко улыбаясь, вздохнул:

– Господи, боже мой, но ведь чудо, как хороша!

– Мы просто давно не видели женщин, – криво усмехнулся Дмитрий, – поэтому любая кажется нам красавицей!

– Вы не справедливы, друг мой, девушка действительно премиленькая!

– Может быть, – не стал спорить Будищев.

На самом деле, все время, пока юная артистка пела, перед его глазами было ужасное видение, той, другой девушки, которую ему показал отец Григорий. Мысль о том, что над этой красотой могут так же надругаться башибузуки, показалась ему настолько невыносимой, что он готов был бежать без оглядки прочь, но не мог оторвать от нее глаз. Он смотрел на ее прекрасное лицо, высокую грудь, ясно видел, как на шее бьётся жилка. Она пела, а ему казалось, что вот-вот откуда-то выскочит турок, взмахнет кинжалом и чиркнет по этой жилке...

Эта мысль так ясно вертелась у него в голове, что, когда приятели его отвлекли, ему отчего-то стало так не по себе, будто он оказался в чем-то виноват, чего-то не смог, не успел. Чувство это было непривычным и неприятным, так что хотелось что-нибудь сломать или наговорить кому-то гадостей, с тем, чтобы непременно после этого подраться и выгнать из себя это.

– Хороша, чертовка! – прошептал Николаша, слушая очередной куплет.

– Угу, так и схватил бы за сиськи, – зло отозвался Дмитрий и, решительно поднявшись, зашагал прочь, не забыв прихватить с собой пулелейку.

Штерн удивленно обернулся на него, успев подумать, что мысль, в общем-то, недурна, Лиховцев ахнул, а Гаршин посмотрел с таким видом, будто увидел перед собой мерзкую жабу, собиравшуюся сожрать прекрасный цветок.

– После ранения Шматова наш друг сам не свой, – подал наконец голос Алексей. – Я иногда сильно о нем беспокоюсь.

– Поверьте, беспокоиться надо не о нем, – отозвался Всеволод.

– Вы думаете... а о ком?

Но этот вопрос остался без ответа.

Поручик Михай стоял перед майором Флоренским, держа в руках список представленных к наградам нижних чинов. Лицо его было несколько бледнее обычного, но в остальном он выглядел как всегда.

– Так что же вам угодно? – снова спросил командир батальона.

– Мне угодно получить объяснения! – твердо, но вместе с тем почтительно отвечал ему поручик.

– Послушайте, что вы так нервничаете! Можно подумать, случилось бог знает что...

– Да случилось! Я представил своих подчиненных к наградам, а вместо этого...

– Но ведь это же обычная практика. Ваше подразделение отличилось, на него выделено шесть георгиевских крестов. Солдаты сами распределяют их среди тех, кого посчитают достойным.

– Да, я знаю, обычно все делается именно так, но тут случай совершенно необычный. Охотники начали воевать раньше всех, побывали в огне, захватили пленного! Не ужели это недостойно отдельной награды? Я уж не говорю о пленении вражеского генерала и спасении офицера, за что награждение следует прямо исходя из статута знака отличия военного ордена!

– Владимир Васильевич, – голос майора смягчился, – я целиком и полностью разделяю ваш порыв, однако не все так просто.

– Простите, я вас не понимаю!

– По поводу пленного ничего сделать нельзя, это распоряжение Тихменева, сами знаете.

– Пусть так, но бой у Езерджи!

– Послушайте, голубчик, я ведь тоже там был! И вполне разделяю ваше мнение, действия Будищева заслуживают самой высокой оценки, но...

– Что но?

– Да эта история, будь она не ладна! Наш старик закусил удила и слушать ничего не хочет. При том, что если Тиньков поинтересуется – непременно случится скандал.

– Послушайте, Василий Николаевич, я решительно вас не понимаю! Можно подумать, что речь идет о производстве в офицеры разжалованного, которого производить запретил сам государь! Это же всего лишь солдатский Георгий.

– Ваша правда, – махнул рукой майор, – развели бодягу на пустом месте! Хорошо, я поговорю со стариком, а нет... скажем, что жребий на него лег.

– Так я могу надеяться?

– Будьте покойны, поручик. Кстати, формально ведь охотники не ваши, что вы за них так переживаете?

Лицо поручика на мгновение потемнело, но, несколько раз вздохнув, он вернул себе самообладание и тихо, но вместе с тем твердо, ответил:

– Я повел их в бой, стало быть, мои!

Цесаревич Александр шел вперед, так широко шагая, что свита едва поспевала за ним. Высокий и при этом довольно плотный, скорее даже грузный человек, в атаманском мундире⁵⁴ с генеральскими эполетами, он производил внушительное впечатление. От роду ему было всего тридцать два года. Вот уже месяц он командовал русскими войсками, объединенными в Руцукский отряд, но в настоящем деле пока еще не был, а сейчас направлялся с инспекцией в госпиталь.

Впрочем, инспекцией это называлось только для формы. Разумеется, никто не ожидал, что великий князь примется считать казенные подштанники и сличать их с числом, указанным в ведомостях, или же проверять, как приготовлена пища. Хотя, даже если бы ему в голову взбрела подобная блажь, начальник госпиталя Аристарх Яковлевич Гиршовский мог быть абсолютно спокоен. Порядок в его богоугодном заведении был образцовый! Паче того, перед визитом наследника престола все просто выскоблили и привели к крайней степени совершенства, какое себе только можно вообразить.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Один из недавно доставленных из действующей армии раненых имел неосторожность очнуться и попытался встать, чтобы отправиться в нужное ему место. Как на грех, из медперсонала рядом никого не оказалось, потому как сестры милосердия в этот момент тайком глазели на цесаревича и его свитских, а врачи во главе с Гиршовским встречали высокого гостя.

Торопившийся великий князь стремительно преодолел расстояние между приемным покоем и палатой и, вспугнув сестричек, ворвался внутрь, едва не налетев на ковыляющего к выходу солдата с перевязанной головой.

Как ни худо было Федьке Шматову, а то, что перед ним полный генерал, он сообразил, а потому попытался вытянуться во фрунт, опираясь при этом на костыль.

– Здравия желаю вашему высокопревосходительству! – отрапортовал он слабым голосом.

Великий князь не без иронии оглядел фигурку в одной натальной рубахе и не слишком чистых кальсонах, но все же остался доволен.

– Кто таков?

– Болховского полка рядовой Шматов.

– Где ранен?

– У Езержи!

⁵⁴ То есть в мундире лейб-гвардии атаманского полка, шефом которого был цесаревич.

- Крепко дали турку?
- Так точно!
- В какой роте служил?
- В охотничьей команде.

Последние слова Федька произнес уже заплетающимся голосом, покачнулся и наверняка бы упал, если бы Александр не помог ему. Свитские тут же бросились на помощь цесаревичу, и обратно к кровати Шматова несли великий князь, генерал и два флигель-адъютанта.

– Ну, это сразу видно – герой! – пробасил наследник престола и приколол обеспамятевшему солдату на грудь крест.

- Его в списках нет, – робко шепнул ему Ванновский⁵⁵.
- Так внесите, – отозвался тот, – чай, молодец не в штабе штаны протирал. В следующий раз Шматов очнулся уже вечером и слабо застонал.
- Очнулся, кавалер? – наклонилась над ним девушка в костюме санитарки.
- Что вы, барышня, какой я кавалер...
- Георгиевский. Радуйся, солдатик, тебя сам цесаревич наградил!
- Эва как... ой...
- Что такое, голубчик?
- Мне бы это...
- Утку?
- Ага, ее.

Начало августа прошло в долгих маршах. Наконец к девятому числу Болховский полк оказался между деревнями Папикой и Султанкой. Накануне туркам удалось занять деревню Аярляр, выбив оттуда батальон нежинцев, и теперь русские войска готовились к контратаке.

– Будищев! – кричал во всю глотку молодой солдат, так что его, наверное, слышно было и на турецких позициях.

- Чего тебе? – спросил Дмитрий, материализовавшись у него за спиной.
- Дык это, – вздрогнул от неожиданности тот, – ротный кличет...
- Ну, раз кличет – пошли, – пожал плечами тот и, закинув на плечо винтовочный ремень, зашагал за денщиком поручика Михая.
- Слышь, Граф, – поинтересовался посланец, – а почему у тебя турецкая винтовка?
- Чтобы ты спросил, – отрезал Будищев, не расположенный к разговору.

Но денщика, звали которого Мишка Маньков, было так просто не унять. И не подумав обидеться, он продолжал:

- А отчего ты не спросишь, почто тебя ротный позвал?
- Так тебе откуда знать? – пожал тот плечами.
- А вот и знаю!
- Ну и дальше знай.
- И за что тебя только Графом прозвали, такого нелюбезного?
- Вот именно за это.

Вскоре они добрались до места и застали поручика беседующим с непонятно откуда взявшимся подпоручиком Линдфорсом.

– Ну вот, Иван Иванович, и ваш подчиненный. Вкратце я вам ситуацию обрисовал, а он доложит подробности.

– Здравствуй, Будищев, – широко улыбнулся подпоручик, как будто увидел родного человека.

- Здравия желаю вашим благородиям!

⁵⁵ Генерал-лейтенант П. С. Ванновский – начальник штаба Рушукского отряда и будущий военный министр.

- Да ты, я вижу, уже ефрейтор?
- Так точно!
- Чертовски рад тебя видеть.
- Поправились уже, господин подпоручик?
- Если честно, я сбежал, – доверительно шепнул солдату офицер, когда они пошли к месту расположения охотников. – Ужасно надоело в лазарете валяться!
- Ну, тут вас развеселят.
- А что такое?
- Да ничего, если не считать, что турецкие пули частенько долетают до нас. Хорошо хоть на излете и потому не убили никого.
- Как ты стал ефрейтором?
- А я знаю? Поручик написал представление, полковник подписал, и вот, пожалуйста, пришивай галун к погону. Селиверстова-то от Езерджи вперед ногами унесли, а совсем без старшего вроде как нельзя.
- Царство небесное, – стушевался Линдфорс, – а кто еще?
- Еще Лиходеева похоронили да Шматова с Федотовым в госпиталь отправили, а остальные пока целы. Стрелкам в том деле куда больше досталось. Да и что нам делается, в поисках больше не были, в рекогносцировку не ходили. Живем как у Христа за пазухой.
- Поручик не притеснял?
- Да как вам сказать, ваше благородие, – пожал плечами Дмитрий, – он долго после того боя будто мешком стукнутый ходил. И своих-то толком не гонял, что уж тут про нас говорить. Даже в рыло до сих пор никому не въехал, аж чудно.
- Я написал на всех вас представление к крестам...
- Покорнейше благодарим.
- Остальные охотники так явно обрадовались возвращению Линдфорса, что тот чувствовал себя именинником. Впрочем, понять людей было не трудно, если поручик Михай славился своей строгостью и придирчивостью, то Ванечка, как за глаза называли его солдаты, был человеком не злым, хотя и немного расхлябанным.
- Скоро ли нас пошлют? – задумчиво спросил подпоручик, прислушиваясь к звукам боя. – Ужасно хочется в дело.
- Дмитрий в ответ лишь криво улыбнулся и, разложив шинельную скатку, устроился на ней поудобнее. Тем временем стрельба на Аяслярских высотах усилилась, громыхнуло несколько взрывов и послышались крики атакующих. Над головами снова начали с легким шипением пролетать пули, однако из-за дальности расстояния не могли причинить никакого вреда, а потому вызвали лишь смешки солдат.
- Кажется, наши пошли, – вздохнул Линдфорс.
- Невцы с софийцами, – пояснил Будищев, – а мы сегодня в резерве.
- А ты откуда знаешь? – удивился офицер.
- Я разведчик или где? – пожал тот плечами и надвинул на глаза кепи.
- Право, какой ты все-таки скучный, неужели тебе нет до боя совсем никакого дела?
- Ну почему же нет, ваше благородие, – ответил ефрейтор, поняв, что Ванечка не отста-нет. – Совсем недавно эта высота наша была, только вместо того, чтобы окопаться, нежинцы там вола любили. А теперь их турки вышибли и устроили редуты, а мы будем героически в них лбом долбиться, чему я безмерно счастлив.
- Значит, такова была оперативная обстановка, – назидательно заявил Линдфорс. – Начальство лучше знает...
- Кого послать в бой первыми... – продолжил за него Дмитрий и снова надвинул на глаза головной убор.
- Удивляюсь твоему спокойствию, неужели ты сможешь заснуть?

– Солдат спит – служба идет, – рассудительно ответил ему Будищев и добавил: – Солдат ест – служба бежит!

– Ну, зачем ты это сказал? – вздохнул подпоручик. – С утра маковой росинки во рту не было.

– Хреново, – хмыкнул его подчиненный и, пошарив в сухарном мешке, достал оттуда кусок черствой лепешки, завернутой в платок, и протянул офицеру. – Держите, вашбродь, а то вам с голодухи какая-то фигня в голову лезет.

– Мне, право, неудобно, – попробовал отказаться Линдфорс, но Дмитрий не стал его слушать, а откупорив оплетённую бутылку, протянул ему.

– Запейте.

– Спасибо. Что бы я без тебя делал?

– Пропали бы, наверное.

Ночь прошла в томительном ожидании. Известно было лишь то, что атака Невского и Софийского полков увенчалась полным успехом. Им удалось ворваться в наскоро возведенные турками укрепления и стремительным ударом выбить из них неприятеля. На следующее утро османы подвергли потерянные редуты ожесточенному обстрелу и несколько раз пытались отбить их. Однако русские солдаты и офицеры упорно сопротивлялись, переходя при надобности в контратаки, и отбили один за другим четыре приступа.

На следующее утро, 11 августа, болховцы получили приказ сменить понесших наибольшие потери софийцев и двинулись в путь. Склон, по которому они поднимались, был очень крут. Идти приходилось по узкой дороге, почти тропе, длинной колонной. Если бы турки обстреляли их в этот момент, потери были бы ужасающими, но, по счастью, такая идея не пришла их артиллеристам в голову.

То тут, то там виднелись трупы погибших при штурме вражеских солдат. По всей видимости, своих павших русские собрали, а турки остались валяться там, где их застала смерть. Редут оказался недостроенным, причем хуже всего дело обстояло со стороны, обращенной к противнику. Так что высокие потери русских были совершенно неудивительны.

Едва болховцы втянулись на вершину горы, как раздались крики: «Аллах» и турки предприняли новую атаку. Густые цепи аскеров были уже совсем близко, но вместо измученных и расстрелявших большую часть огнеприпасов софийцев их дружными залпами встретили свежие роты Болховского полка. Затем русские ударили в штыки, и закипела яростная схватка.

Подпоручик Линдфорс первым бросился вперед, размахивая шашкой в одной руке и револьвером в другой. Пристрелив одного противника и рубанув второго, он увлек за собой подчиненных, и вскоре противник не выдержал их натиска и побежал.

– Ура! – закричал он, радуясь, и хотел было бежать дальше, но тут его остановил Будищев.

– Куда вы, вашбродь, отбили турка, и, слава богу, так что давайте назад, пока они нас из пушек не накрыли.

– Всем возвращаться! – не допускающим возражений тоном приказал Михай.

– Есть, – нехотя отозвался подпоручик и принялся командовать.

Тем временем Дмитрий по своему обыкновению принялся обшаривать трупы вражеских солдат в поисках патронов. По счастью, их сумки были еще полны, и скоро он набрал изрядный запас. Эти его движения привлекли внимание еще не ушедших офицеров Софийского полка, также принимавших участие в отбитии атаки.

– Что это значит? – спросил усатый штабс-капитан с измученным лицом.

– Лучший стрелок в полку, – пояснил ему поручик, – чудеса творит из трофейной винтовки. Но, как вы понимаете, с патронами беда.

– Хм, турецкие винтовки и впрямь лучше наших, – согласился тот. – Пусть посмотрит в том углу. Там у турок огнеприпасы были сложены. К нашим винтовкам они не подходят, так что мы их не трогали.

Поручик тут же отдал приказ, и Будищев бросился разбираться с трофеями. Патронные ящики он нашел быстро, но вот содержимое вызвало у него удивление. Лежащие там патроны были куда крупнее «Пибоди-Мартини» и не подходили ни к одному виду встречавшихся ему до сих пор винтовок.

– Ну что там у тебя? – спросил подошедший Линдфорс.

– Да вот, ваше благородие, нашел что-то, а что не понятно.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался подпоручик. – Ого, не повезло тебе, братец, такую винтовку ты вряд ли сыщешь!

– А для чего они?

– Эти огнеприпасы, мон шер, предназначены для чуда технической мысли – бельгийской митральезы системы Монтини.

– Для пулемета, что ли?

– Ну, можно и так сказать. Кстати, оружие на самом деле так себе, во всяком случае, французам в боях с пруссаками оно не помогло.

– Что-то не вижу я здесь пулеметов, – пробормотал Будищев, внимательно осматривая местность.

– Да вот же, – усмехнулся офицер, показывая на лежащую на боку пушку.

Дмитрий тут же бросился к орудию и с немалым изумлением увидел, что на лафете на самом деле установлен далекий предок пулемета – митральеза. Причем весьма интересной конструкции. Тридцать семь ружейных стволов были собраны в кожухе, который он сначала принял за пушечный ствол. Заряжались они все одновременно специальной кассетой или обоймой с закрепленными в ней патронами, а затем, вращая специальную ручку, можно было высвободить бойки, которые накалывали капсюли и производили, таким образом, очередь.

«Чудо бельгийской техники» было чрезвычайно тяжелым, неповоротливым и нельзя сказать, чтобы скорострельным. Но все-таки это был почти пулемет! К тому же калибр внушал уважение.

– Чуть больше четырех и трех десятых линии, – пояснил ему Линдфорс, – или если на французский манер...

– Одиннадцать миллиметров! – восхитился Дмитрий, научившийся разбираться в русских мерах длины. – Почти крупняк...

– Точно, – улыбнулся офицер, – но что ты собираешься делать с этой митральезой? Посмотри, туркам она не очень-то помогла!

– Это потому что они идиоты! – Будищев сказал это с такой обезоруживающей улыбкой, что подпоручику стало не по себе. – Ваше благородие, дайте мне установить эту бандуру и обучить вторых номеров, чтобы перезаряжать помогали, и я берусь объяснить османам всю глубину их заблуждений!

– Ты думаешь, получится?

– Головой отвечаю!

Помимо патронов и самой митральезы среди захваченного у противника имущества имелось некоторое количество шанцевого инструмента: лопат, кирок, ломов и прочего, на которое Дмитрий тут же наложил лапу. Все солдаты, имевшие несчастье служить в охотничьей команде, немедленно получили инструмент и фронт работ. Быстро осмотрев позиции, занятые их батальоном, Будищев понял, что самым уязвимым является правый фланг. Укрепления там были в зачаточном состоянии, а пологий склон, обращенный к туркам, зарос густым кустарником. Было странно, что противники до сих пор не атаковали именно здесь, но рано или поздно они это исправят. Но пока время было, охотники принялись ровнять площадку для митральезы и насыпать перед ней бруствер.

Тем временем их ефрейтор занимался с трофеем. Поставив его с помощью других солдат на колеса, Дмитрий начал знакомиться с устройством этого «чуда техники». Для начала

он вычистил все тридцать семь стволов картечницы и смазал с помощью найденной неподалеку масленки многочисленные механизмы. Разбираться в хитроумном устройстве ему помогал подпоручик Линдфорс. Как выяснилось, молодой человек пристально следил за прогрессом в военном деле и потому разбирался во многих новинках, хотя знания его, конечно, были больше теоритическими.

Скоро стало понятно, почему митральезы так до сих пор и не проявили себя ни у турок, ни у французов. Переносить огонь с помощью штатных винтов было крайне неудобно, а ни рукояток, ни плечевых упоров конструкция не предусматривала. С другой стороны, если прицел был установлен, то сбить его было довольно трудно. Установка была довольно устойчивой. Прицел, кстати, был мало того что примитивным и состоял из мушки и прицельной планки, как на винтовках, так еще и установлен был не сверху, а сбоку.

– Если бы вражеских солдат нужно было убивать несколько раз, – заметил внимательно наблюдавший за их работой Михай, – ничего лучше и придумать было бы нельзя. Но поскольку человеку достаточно и одной пули, особой надобности в этом устройстве нет.

– Однако вы не стали чинить нам препятствий? – удивился Линдфорс.

– Есть небольшая надежда, что вид этого заморского чуда-юда ободрит наших солдат, тем паче что иной артиллерии доставить сюда не получится.

– Ничего, сейчас проверим, – пробурчал Будищев, заряжая митральезу.

Прильнув к стволу орудия, он внимательно осмотрел местность перед собой и запомнил все ориентиры. Потом махнул рукой одному из солдат – крепкому здоровяку с Поволжья Семену Анохину, бывшему несколько сообразительнее других, дескать, крути. Тот с готовностью взялся за рукоять и несколько раз повернул ее по часовой стрелке. «Адская машинка», с противным треском извергая клубы дыма, принялась исправно выплевывать свинец в сторону неприятеля, но именно что в сторону. Никакого вреда для него от подобной стрельбы ожидать было нельзя. Однако Дмитрий, нимало не смущаясь, время от времени останавливал Семена и забивал в землю колышек, затем поправлял прицел и снова засекал места падения пуль.

– Рассчитываешь все же попасть? – тихонько спросил его подпоручик.

– У меня идеальное зрение, – машинально ответил тот, всецело занятый пристрелкой. – Оба глаза видят совершенно одинаково.

– А что, бывает по-другому? – искренне удивился офицер.

– В большинстве случаев. Ну, вот, пожалуй, готово.

– Не знаю, к чему вы там готовы, но приказываю без команды более не стрелять, – снова вмешался поручик. – Вот подойдут турки ближе, тогда можно будет использовать как противотурмовое орудие, а пока извольте прекратить огонь.

– Слушаю, ваше благородие! – тут же ответил Дмитрий.

Впрочем, долго ждать приказа не пришлось. Османская пехота уже начала накапливаться для атаки. То там, то сям из кустов выглядывали синие мундиры и красные фески аскеров. Наконец, когда их стало достаточно много, раздался истошный вопль: «Аллах!» И воины пророка бросились вперед, на ходу выстраиваясь в цепь. Русские в ответ молчали, но как только турки приблизились, поручик скомандовал «пли», и в самую гущу наступающих прилетел целый рой свинцовых пуль. Аскеры падали один за другим, но выжившие, невзирая на потери, продолжали рваться вперед, просто перешагивая через трупы павших товарищей. Их враги, дав еще два слаженных залпа, перешли на беглый огонь, но и он не смог остановить стремительного натиска турецкой пехоты. Казалось, еще немного, и они, поднявшись на вершину, сомнут гяуров, рискнувших бросить вызов повелителю правоверных, вот уже пять веков правящему этими землями.

Все это время Будищев и его товарищи вели огонь по наседающему врагу. Поначалу он был не слишком эффективен, хотя несколько турок уже упали, наштипованные смертоносным металлом, как краковская колбаса салом. Беда была лишь в том, что бегущие рядом с неудач-

никами оставались невредимы и продолжали наступать. Однако со временем Дмитрий приновился вертеть рукоятки наводки обеими руками, и очередь стала выбивать из вражеского строя сначала двух, потом трех человек, а под конец боя, под свинцовым ливнем стали валиться целые шеренги аскеров, вызывая у остальных суеверный ужас.

Наконец пыл наступающих иссяк, и они остановились. В этот момент принявший командование полковник Буссе отдал приказ контратаковать и лично повел людей в штыки. Высокий, худой старик с пышными бакенбардами выхватил саблю и, воинственно размахивая ей, бежал вперед, увлекая за собой солдат и хрипло крича «ура». Рванувшие за ним болховцы вскоре обогнали своего командира и яростно обрушились на врагов. Турки, и без того уже готовые повернуть назад, не выдержали натиска и, теряя людей, бросились наутек. Тех немногих, кто не успел последовать их примеру, в мгновение ока смяли и перекололи штыками.

Начало атаки Будищев пропустил. Только что он, до крови закусив губу, ворочал тяжелый ствол митральезы, поливая свинцом наступающих аскеров, время от времени понукая своих подчиненных, чтобы быстрее перезаряжали, как вдруг понял, что остался совсем один. Поддавшись всеобщему порыву, охотники схватили свои винтовки и ринулись в гущу общей схватки. Подпоручик Линдфорс, разумеется, был первым из них.

– Чтоб вас!.. – замысловато выругался Дмитрий, непонятно к кому обращаясь, и присел рядом с картечницей.

Устало посмотрев на валяющиеся вокруг расстрелянные обоймы с пустыми гильзами, он взял одну из них и принялся перезаряжать. За этим занятием его и застал вернувшийся на позиции командир полка.

– А я-то думаю, что тут за треск? – немного задыхаясь, спросил он.

– Здравия желаю вашему высокоблагородию, – поднявшись, отвечал ему Будищев.

– Ты что же, сукин сын, в атаку не ходил? – изумился Буссе.

– Никак нет, – вздохнул ефрейтор.

Полковник на некоторое время потерял от подобной наглости дар речи и лишь хлопал глазами, не зная, что сказать. Наконец служебный опыт взял верх над растерянностью, и он обрушил на проштрафившегося нижнего чина потоки отборной ругани. К несчастью, в этот момент старые легкие не выдержали, и Буссе зашелся в кашле. Содрогаюсь от его приступов, полковник попытался присесть на край земляной насыпи и едва не запнулся о свою же саблю, которую продолжал держать в руке, но совершенно про нее забыл.

– Садитесь, ваше высокоблагородие, – пришел ему на помощь Дмитрий и помог старику устроиться на патронный ящик.

– Издеваешься, скотина? – поинтересовался Буссе, когда кашель утих.

– Как можно! – отозвался тот с непроницаемым лицом.

– Откуда эта хреновина? – спросил полковник, показывая на митральезу.

– Турки бросили, а мы нашли, наладили и к делу приставили.

– Наладил кто?

– Я.

– А стрелял?

– Тоже я.

– И раненых, брошенных у Езерджи, тоже ты нашел? – припомнил Буссе, где он раньше видел Будищева.

– Я.

– И Тинькова в том бою спас тоже ты, – покачал головой командир полка, – значит, не трус!

– Не трус, – согласился с ним Дмитрий.

– Так чего в атаку не пошел?

– Господин полковник, – раздался рядом голос Михая, – ефрейтор Будищев остался рядом с картечью по моему приказанию!

– Вот как? – удивился тот и с досадой обернулся на продолжавшего стоять перед ним навтыяжку Дмитрия. – А чего ж молчал?

– Да вы мне, ваше высокоблагородие, и слова сказать не дали, сразу по матушке прошлись. Вот я и ждал, пока закончите с моей родней.

– А если бы я за револьвер взялся? – нахмурился полковник и положил руку на кобуру.

– Так я подумал, что если вы в атаку с саблей побежали, значит, стрелять толком и не умеете!

Буссе с изумлением уставился на него, как будто увидел впервые, а затем мелко, по-стариковски засмеялся.

– Ты что же это, сукин сын, смерти совсем не боишься? – продолжая хихикать, спросил он.

– Нет, – помотал головой Будищев.

– Поручик, вы не знаете, какой идиот назначил его ефрейтором? – спросил командир полка, поднявшись.

– Я, – вытянулся Михай.

– Вот-вот, у вас унтеров некомплект, а вы дурью маетесь! Составите подробный рапорт о бое и не забудьте про отличившихся. Поскольку Тиньков о захваченном турецком оружии не упоминал, стало быть, захватили его мы! Хватит с нежинцев и Азиза-паши.

– Слушаюсь!

– Будищев, – поманил пальцем собравшийся уходить полковник, – а турка в обгаженных шароварах к Тихменеву тоже ты приволок?

– Не я один, ваше высокоблагородие, со мной еще рядовой Шматов был и подпоручик Линдфорс.

– Подпоручик... с вами! – ухмыльнулся тот в бакенбарды и пошел прочь, немного при этом прихрамывая.

– Что здесь происходит? – удивленно спросил только что подошедший командир охотников.

– У вас, господин подпоручик, – сочувственно посмотрел на него Михай, – в команде теперь новый унтер.

– Прекрасно, а кто?

– И скажите ему, Иван Иванович, – продолжал поручик, – чтобы он впредь язык за зубами держал. А то, чего доброго, к концу войны не мы им, а он нами командовать будет!

Вернувшиеся солдаты тем временем обступили присевшего на бруствер Будищева. Лицо его было покрыто пороховой сажой, но даже сквозь нее было видно, как он побледнел.

– Граф, ты чего? – встревоженно спросил его Анохин.

– Нормально все, – отмахнулся тот.

– А за револьверт чего держисся?

Дмитрий удивленно уставился на солдата, потом на свою руку и вдруг понял, что вертит в руках кобуру.

Затем помотав головой, будто отгоняя наваждение, прицепил оружие к поясу и ответил товарищу с кривой усмешкой:

– Да вот подумалось, что далеко его держу от себя. Вдруг понадобится, а нету.

Это была не первая атака, отбитая русскими на Аярсларских высотах, но на сей раз османский генерал решил, что довольно биться лбом об стену и надо действовать по-другому. Для начала он приказал вытащить на окрестные высоты несколько пушек и подвергнуть занятый русскими редут ожесточенному обстрелу. Отвечать им было нечем, расположенные в

низине батареи, приданные Болховскому полку, не добивали до врага, а вытащить их на гребень не было никакой возможности.

Хорошо хоть, что у турок не оказалось шрапнели, иначе они бы быстро выбили лишенных нормального укрытия русских солдат. Гранаты же, хоть пускаемые противником с замечательной меткостью, не могли дать такого эффекта. Впрочем, потери и без того были велики, и русское командование сочло за благо подтянуть резервы.

Пока османская артиллерия обрабатывала позиции болховцев, их пехота попыталась обойти своего противника уже с фланга, с тем, чтобы ударить с тыла. Прикрываясь густой растительностью, двум ротам турок удалось незамеченными пробраться на обратный склон и подготовиться к атаке. Идти тут было неудобно, однако нападения с этой стороны никто не ждал, и, казалось, что победа уже близка. Повинуясь приказам своих офицеров, аскеры без единого выстрела или крика начали подниматься на кручу. До вершины оставалось совсем немного, когда грозящую опасность заметил штабс-капитан Гаупт, ведущий свою роту на выручку обороняющимся товарищам. Ни времени, ни места для построения не было, но храбрый офицер не растерялся и приказал с ходу атаковать вражеский отряд. Открыв беспорядочную стрельбу, русские солдаты бросились вперед. На всем склоне начались ожесточенные схватки. Озверевшие люди кололи, били прикладами и стреляли друг в друга, как будто были злейшими врагами, а не встретились сегодня впервые. Турок было больше, и они находились сверху, однако болховцы ударили с таким жаром, что быстро потеснили их, заставив и думать забыть об атаке редута. Тем временем развернувшаяся в тылу перестрелка не осталась незамеченной. Увидев развернувшуюся на склоне баталию, полковник Буссе приказал поддержать вступившую в бой роту, и османская пехота оказалась меж двух огней. Аскеры, которых теснили и сверху и снизу, не выдержали натиска и бросились бежать.

Сегодня вольноопределяющиеся впервые оказались в самом настоящем бою. Не в перестрелке, когда не видишь толком противника, а лицом к лицу, когда видишь блеск глаз и слышишь дыхание своего врага. Крадущиеся к вершине турки оказались перед ними так неожиданно, что пришлось сразу атаковать, не тратя времени на построение или залпы. Тяжело дыша на подъеме, они бросились вперед и скоро сошлись с противником. Завязалась кровавая, хоть и скоротечная схватка. То тут, то там слышались яростные крики, лязг штыков и глухие хрипы умирающих. Не раз и не два сцепившиеся между собой русские и турки катились вниз по склону, призывая на помощь святых и изрыгая страшные богохульства.

Гаршин, увлекая за собой солдат, бросился вперед, успев при этом заколоть штыком одного противника и получить прикладом от второго; он упал и, лишь чудом успев зацепиться за ветку кустарника, не покатылся вниз. Впрочем, это едва не стоило ему жизни, потому что сбивший его с ног аскер собирался уже исправить свою оплошность и занес штык над отчаянным вольнопером.

Гибель Всеволода казалась неминуемой, но в этот момент ему на помощь пришел Лиховцев. Алексей спас товарища, застрелив занесшего над ним штык турка, затем отбил нападение второго, после чего помог встать Гаршину, и дальше они дрались плечом к плечу. Затем к ним на помощь подоспели остальные и после короткой схватки заставили врага отступить.

Отличился и Штерн. Преследуя уже бегущих противников, он заметил, как в кустах засели трое аскеров и готовятся открыть стрельбу по наступающим русским. Без промедления кинувшись на них, Николай одного застрелил, второго заколол, а третьего так избил прикладом, что тот еле шел, когда вольноопределяющийся повел его в плен.

Воодушевленные победой, они поднялись на гребень и тут же попали под обстрел. Турецкая граната разорвалась совсем близко, лишь по счастливой случайности никого не задев. Бегом кинувшись под защиту недостроенных укреплений, они попытались укрыться в них, но тут внимание друзей привлек резкий свист.

– Эй, дуйте быстрее сюда, – махал им рукой из какой-то ямы Будищев. – Лёха, я к вам обращаюсь!

Быстро добежав до укрытия, приятели прыгнули вниз и оказались на какое-то время в безопасности. Как оказалось, в этом неглубоком окопе нашли пристанище большинство охотников во главе с подпоручиком Линдфорсом.

– Что это за щель? – удивился Гаршин, немного отдышавшись и поприветствовав присутствующих.

– Щель и есть, – усмехнулся Дмитрий, – правда, времени выкопать ее толком не было, пришлось под обстрелом работать. Но ничего, в тесноте да не в обиде.

– Вы полагаете это надежным укрытием?

– Лучше, чем ничего. Шрапнели у турок, слава богу, нет, а прямое попадание не слишком вероятно. Разве что землей присыплет, но это можно пережить.

– Главное, чтобы нашу митральезу не разбили, – озабоченным тоном сказал подпоручик, – жалко будет, только-только научились накрывать противника.

– Что, простите?

– Ах, вы же не знаете, мы с Будищевым нашли здесь турецкую, точнее бельгийскую, картечницу и недурно отстрелялись по ее бывшим владельцам.

– Да у вас тут весело! – засмеялся Штерн.

– Обхохочешься, – криво усмехнулся Дмитрий и тут же продолжил: – Вот что, ребятки, вы как хотите, а мне нужна ваша помощь.

– В чем именно? – настороженно спросил Гаршин.

– Понимаете, наши охотники – ребята славные, но вот только в своей жизни из механизмов ничего сложнее топора не видели. А эта чертова бандура, как ни крути – техника.

– И что ты от нас хочешь? – заинтересованно спросил Лиховцев.

– Да помощники мне нужны! – почти крикнул в ответ Будищев. – Грамотные и понятливые, чтобы не объяснять каждый раз заново. Это митральеза, хоть и примитивный, а пулемет! И при правильном использовании мы и турок заставим кровью умыться, и нашим поможем солдатские жизни сберечь!

– Звучит здраво, но мы ведь в другой роте.

– Да ладно, неужели их благородие господин подпоручик не сможет договориться с вашим ротным? Тем паче, он генштабист и вообще офицер толковый.

– Я попробую, – решительно заявил Линдфорс и тут же отправился к Гаупту.

– И еще такой момент, – продолжил Будищев, после того как командир охотничьей команды ушел, – пока мы будем перезаряжаться или переносить огонь, турки могут подбратиться к нам вплотную. У Ванечки револьвер есть, у меня, а теперь еще и у Штерна. В три ствола есть шансы отстреляться от целого взвода! Коля, ты ведь его с собой носишь?

– Конечно, – отозвался вольнопер, – слава богу, сейчас не зима и он не замерзнет, так что я постоянно ношу его с собой.

– О чем ты?

– Ну, помнишь тот случай, когда ты не смог застрелить волка в зимнем лесу, оттого что в нем замерзла смазка?

– Коля, ты что, дурак? – Дмитрий посмотрел на приятеля с таким удивлением, что вольноопределяющемуся стало не по себе. – Он у меня за пазухой был, как он мог замерзнуть?

– Но ты же сам рассказывал? – широко распахнул глаза Лиховцев.

Николаша, первым сообразивший, что их товарищ просто пошутил в тот раз, принялся заразительно смеяться, затем к нему присоединились Алексей и Всеволод, а вскоре и остальные солдаты, многие из которых помнили ту историю.

– Я тогда только руку под шинель сунул, – улыбаясь, продолжал рассказывать Будищев, – а этот серый разбойник как дал деру! Только его и видели!

– Отставить смех! – скомандовал подошедший вместе с Линдфорсом и поручик Гаупт.

– Слушаюсь, – вытянулся в ответ Будищев.

– Ну-ка, покажите мне вашу картечницу, – приказал командир третьей роты.

– Извольте, ваше благородие. Вот она, наша красавица.

– Хм, действительно митральеза Монтины, – задумчиво проговорил Гаупт. – У французов в последнюю войну были несколько более совершенные системы Рефи, но они практически никак себя не проявили.

– Я бы тоже не поверил, если бы не видел все своими глазами, – не согласился с ним Михай. – Но теперь могу засвидетельствовать, при правильной организации этот вид оружия может быть весьма полезен не только при обороне крепостей, но и в полевом сражении.

– Хорошо, я не возражаю, – решил штабс-капитан, – если господа вольноопределяющиеся согласны, то пусть считаются временно прикомандированными к команде подпоручика Линдфорса.

– Покорнейше благодарим!

Вчерашние студенты с энтузиазмом принялись за дело. Будищев с Линдфорсом быстро объяснили им принцип работы хитроумной техники и распределили обязанности. Дмитрий, как самый опытный, остался наводчиком, Штерн с Лиховцевым заряжающими, а Гаршину досталось крутить рукоять привода. Еще двое солдат должны были заряжать обоймы.

Кроме того, Всеволод, учившийся до войны в Горном институте, быстро разобравшись в устройстве картечницы, сразу же предложил, как ее усовершенствовать.

Услышав жалобы Будищева на неудобство прицеливания, он предложил убрать совсем механизм наводки, заменив его подобием приклада. Вместе они быстро открутили несколько болтов и демонтировали его, заменив на железную ручку, снятую с одного из патронных ящиков. Затем на ней закрепили приклад от разбитой во время турецкого обстрела винтовки и получили хоть и не слишком удобную, но вполне работоспособную конструкцию.

Буквально через полчаса после окончания работы им представился случай проверить ее в деле. Османь, хотя их атака была в очередной раз отражена, не оставляли своих попыток выбить русских из занятого ими редута. На сей раз они послали вперед кавалерию. Надо сказать, что турецкая конница в эту войну не представляла собой ничего выдающегося. В большинстве своем она представляла собой иррегулярную силу, негодную для правильной войны, если не считать, конечно, разведки, боевого охранения или диверсионной деятельности. При столкновении с русской регулярной кавалерией или казаками у составлявших ее большинство башибузуков не было ни единого шанса. Но вот при стремительных набегах они могли представлять определенную опасность, тем паче что для их вооружения турки закупили в Америке немалое количество винчестеров. К тому же набранные среди албанцев и черкесов всадники прекрасно себя чувствовали в горах, к которым русские люди в большинстве своем непривычны.

Вот эти легкоконные части и были посланы турецким командованием в бой, с намерением охватить русский фланг. Примерно два эскадрона черкесов, подбадривая себя криками и визгами, проскакали по тропе, ведущей в Карадерли-Беира, откуда совсем недавно в тыл болховцев пыталась зайти их пехота, и почти было достигли русских позиций, беспорядочно паля из своих скорострельных американских винтовок. Русские в ответ дали по ним несколько залпов, произведших изрядные опустошения. Но более всего отличился расчет русской митральезы. Густые очереди, подобно лавине, сметали со склона и всадников, и их лошадей и вскоре полностью очистили его. После этого даже самые упертые скептики убедились в том, что картечницы или пулеметы, как их стали называть с легкой руки Будищева, действительно являются грозным оружием.

Сам же Дмитрий, которому наконец удалось показать все, на что он способен, в порыве чувств вскочил на бруствер и продекламировал:

– На все вопросы один ответ – у нас есть пулемет, а у вас его нет!⁵⁶

Над ним тут же просвистела пуля, но он, не подумав спрятаться, сунул два пальца в рот и протяжно свистнул, а затем крикнул, обращаясь к стрелявшему:

– Эй, тебе что, еще мало?

На турецкой стороне сразу же вспухли несколько дымков от выстрелов, но Будищев уже сидел внизу и смеялся.

– Мне казалось, вы более осмотрительны в бою, – укоризненно заметил Гаршин, – право, глупо так рисковать своей жизнью!

– Виноват, вашсковородь, – скороговоркой ответил ему Дмитрий, – молодой ишо, вот подрасту, так сразу исправлюсь!

– Шут!

– Ладно, не бухти, Сева, больше не буду.

Убедившись в невозможности обойти русских с фланга, османы предприняли еще несколько фронтальных атак, но всякий раз бывали с уроном отбиты и откатывались на прежние позиции. И весьма немалая заслуга в этом была у расчета так кстати захваченной у турок митральезы. Обоймы с патронами опустошались одна за другой, так что специально выделенные для их перезарядки солдаты едва справлялись со своей работой. Будищев осунулся, до одури надышался пороховым дымом, полуоглох от бесконечной трескотни, но продолжал, стиснув зубы, поливать свинцовым дождем наседающего противника.

Ситуация усугублялась погодой. Страшная жара, обычная для этого времени года в Болгарии, жестоко изнуряла русских солдат. Взятые с собой запасы воды давно кончились, а пополнить их возможности не было. Страдая от жажды, они тем не менее проявляли большую стойкость и каждый раз, когда турки подходили слишком близко, переходили в контратаку, отгоняя противника штыками.

Наконец посланный за патронами Штерн вернулся ни с чем и, тяжело опустившись на землю, хрипло выдохнул:

– Все!

– Что все? – повернул на него воспаленный взгляд Будищев.

– Нет больше патронов!

– Совсем?

– Совсем!

– Сволочи!

– Кто?

– Турки, конечно, могли бы и больше оставить.

– Кажется, у вас скоро будет возможность высказать им эту претензию, – невозмутимо заметил Гаршин.

– В смысле?

– Они снова собираются атаковать. Кажется, нам нужно снова браться за винтовки.

– Твоя правда, Сева, – устало вздохнул Дмитрий и направился к своей «турчанке», лежащей неподалеку.

Любовно взявшись за ложе, он ласково провел рукой по стволу и скривил потрескавшиеся губы в подобии улыбки.

– Привет, Маруся, неужели ты думала, что я тебя брошу?

– Интересно, питаете ли вы подобную привязанность хоть к одному живому существу? – не смог удержаться от шпильки Всеволод.

– А как же, – и не подумал обидеться Будищев, – к Федьке Шматову, например. Он мне для нее патроны искал, и потому я любил его ничуть не меньше.

⁵⁶ В нашей истории эти слова первым сказал Хилэр Белок по поводу пулемета Максима.

Отбить этот последний штурм оказалось труднее всего. Обескровленные в бесконечных контратаках, а также потерявшие множество людей при обстреле, русские роты все же вышли вперед и ударили в штыки. Даже Дмитрий, у которого после целого дня стрельбы из митраляезы дрожали руки, плюнул на все и сразу же прицепил к своей винтовке штык.

– Давно хочу спросить, – поинтересовался идущий рядом Лиховцев, – отчего у одних турок штыки, как у нас, игольчатые, а у других тесаки?

– Леха, меня от твоей любознательности кондратий хватит, – пробурчал в ответ Будищев. – Все просто, тот, у кого я этот штык приватизировал, был унтером, им положены ятаганы, а у остальных игольчатые. Понятно?

– Как ты сказал, приватизировал?

– Ну, это как украл, только еще бесстыднее.

Турецкие ряды были все ближе. Уже можно было в подробностях различить черты их лиц или детали обмундирования, если бы кому-то оставалось до них дело. Ни те, ни другие не стреляли, видимо экономя боеприпасы, а может быть, дойдя уже до крайней меры ожесточения, когда хочется лично кромсать ненавистного врага штыком или ломать прикладом, так чтобы был слышен треск костей.

Наконец, не выдержав напряжения, противники бросились друг к другу. Сил кричать уже не было, и из пересохших глоток вырывалось что-то вроде надсадного хрипа. Еще секунда, и две волны – синяя и темно-зеленая – сшиблись между собой, и закипела кровавая схватка. Дмитрий бил, колол, отбивал вражеские удары и уворачивался от штыков противника, с тем, чтобы тут же ответить ударом на удар и, сбив врага с ног, идти дальше.

Кажется, османы тоже растратили в сегодняшних бесплодных атаках все свои силы, потому что вскоре их аскеры совершенно утратили свой боевой дух и начали пятиться, а затем просто побежали. Гаршин, все это время дравшийся вместе со всеми, выскочил вперед и, заорав «ура», двинулся дальше.

«Куда тебя хрен несет?» – успел подумать Будищев, но видя, что за ним рванули остальные, тоже прибавил шаг.

Догнав нескольких отставших турок, они перекололи их штыками и готовы были двигаться дальше, как вдруг только что панически бежавшие аскеры остановились и, обернувшись к преследователям, начали стрелять. Первым свалился получивший пулю в ногу Лиховцев, Штерна Дмитрий сбил с ног сам и, тут же упав на землю, крикнул Гаршину: «Ложись!» А увидев, что тот не понимает, подсек его своей ногой и заставил-таки опуститься.

Затем он одним движением отстегнул штык и вложил его в ножны. Дальше он действовал как автомат. Не успев опуститься на землю, Дмитрий резко перекатился в сторону и, устроившись на спине, перезарядил винтовку. Затем на секунду приподняв голову, прицеливался и, тут же выстрелив, опускался обратно. Рычажный затвор позволял ему проделывать это очень быстро, и потому скоро рядом с ними не осталось ни одного живого турка.

– Леха, ты как? – крикнул он раненому товарищу.

– Нога! – простонал тот сквозь зубы.

– Сева, Коля, – окликнул он остальных, – ну-ка хватайте Лиховцева и тащите его к нашим, а я вас прикрою.

– Давайте вместе, – не согласился с ним Гаршин, но Будищев не стал его слушать.

– Отставить разговорчики! Кто здесь ефрейтор, я или тараканы? Приказываю тащить рядового Лиховцева на перевязочный пункт, причем по-пластунски и по возможности не поднимая задниц.

– Вольноопределяющегося Лиховцева, – машинально поправил его Штерн.

– Коля, после боя будешь умничать! Как доползете, можете обжаловать мой приказ у вышестоящего начальства, а теперь – исполнять!

– Есть, – нехотя отозвались приятели и попытались подхватить Алексея под руки и потащить так, – Вы чего, охренели? – злобно ощерился на них Дмитрий. – Разверните шинельную скатку да тащите его на ней, а то угробите, нафиг. И ногу перетянуть не забудьте, не то кровью истечет.

– Может, все-таки все вместе? – попробовал переубедить товарища Штерн.

– Коля... – выругался тот в ответ, – да тащите уже, а я вас прикрою! А будете чухаться, Лиховцев точно дуба врежет. Не бойся, я следом за вами потихонечку.

От турок не укрылось, что на поле остался один-единственный русский солдат, однако добраться до него никак не получалось. Как они ни старались окружить и захватить его, хитрый гяур ловко прятался в складках местности, ни на секунду не оставаясь на одном месте. Каждый его выстрел находил цель, а сам он тут же перекатывался в сторону, оставаясь невредимым от ответного огня.

– Эй, шакал! – закричал, потеряв терпение, один из преследователей, одетый в отличие от аскеров в богатую черкеску. – Хватит бегать. Сдавайся, а не то я из твоей шкуры ремней нарежу!

– Где-то я твой голос уже слышал, – прошептал про себя Будищев, но отвечать не стал и лишь навел винтовку в сторону кричавшего.

– Что молчишь, собака? – осведомился башибузук и несколько раз выстрелил из своего винчестера.

Одна из пуль взбила пыль совсем недалеко от притаившегося Дмитрия, и тот жалобно закричал, как будто его ранили. Сардонически рассмеявшись, черкес вскочил на ноги и бросился вперед, рассчитывая захватить раненого солдата. Тут же щелкнул выстрел, и джигит опрокинулся на спину. Правда, пуля не убила его, а по какой-то невероятной траектории, ударив по замку винтовки, срикошетировала ему прямо в рот и выбила несколько зубов. Зажав рану рукой и невероятным усилием воли удержавшись от крика, башибузук услышал слова, во сто крат усилившие его боль.

– Передавай привет Мурату! – крикнул ему Будищев и снова откатился в сторону.

Не имея возможности говорить, черкес кинулся к остальным аскерам и, развязав висевший на поясе кошелек, высыпал из него горсть серебра, знаками показывая, что ничего не пожалеет, если ему принесут голову гяура. Вид денег так возбудил нескольких турок, что они решились. Пятеро турецких солдат, одновременно вскочив, бросились вперед. Немедленно прогремевший выстрел тут же уложил одного из них, но остальные уже бежали вперед, рассчитывая, что русский солдат не успеет перезарядиться. Однако Дмитрий сразу понял грозящую ему опасность и, отложив в сторону винтовку, взялся за револьвер. Быстро взводя и спуская курок, он опустошил барабан, уложив подбегающих врагов одного за другим, и снова откатился. Впрочем, больше желающих заработать не было, и он наконец смог отползти от места схватки, после чего, дождавшись сумерек, отправился к своим.

Два дня непрерывных боев дорого обошлись русскому отряду, причем более половины потерь пришлось на Болховский полк, вступивший в бой позже других. Единственным резервом русских оставался третий батальон Софийского полка, лишь недавно выведенный из боя и потому не успевший получить отдыха. Турки же, напротив, сумели подтянуть подкрепления и, перегруппировавшись, готовились продолжить бой. В этих условиях вступивший в командование полковник Буссе был вынужден отдать приказ об отступлении.

Дело шло к вечеру, когда болховцы, софийцы и невцы оставили позиции на Аярсларских высотах и двинулись вниз. Османы совершенно не ожидали, что их противник после такого упорного сражения отступит без боя. Полагая, очевидно, что речь идет о военной хитрости, или еще по какой-то причине, они не преследовали русский отряд. Не подвергали его обстрелу и вообще не проявили никакой активности. Действуй они хоть немного решительнее, это отступление могло закончиться полным разгромом.

Тем не менее отход проходил в крайне тяжелых условиях. Утомленные солдаты, не получавшие почти двое суток ни воды, ни продовольствия, могли только с трудом брести, из последних сил удерживая оружие. Хуже всего было тем, кто тащил раненых, но, к чести болховцев, они никого не бросили.

Штерн и Гаршин, соорудив из подручных материалов некое подобие носилок, несли в них раненого Лиховцева. Тот уже впал в беспамятство, и лишь издаваемые им иногда тихие стоны свидетельствовали, что жизнь еще теплится в нем. Надо сказать, что Николай и Всеволод выглядели не слишком подходящей парой для переноски раненого. Первый был высок и крепок, а второй низкоросл и тщедушен, и в другое время они вызвали бы немало насмешек по этому поводу, но сейчас всем было не до того. Кое-как спустившись с горы, они немного не дошли до протекавшей здесь речки с чудным названием Лом и в изнеможении опустили носилки. Сил идти дальше не было, и приятели упали рядом со своим товарищем.

Гаршин, несмотря на свое не слишком богатырское телосложение, оказался крепче и после недолгого отдыха, собрав волю в кулак, побрел к речке. То тут, то там лежали лишившиеся сил солдаты. Другие хоть и с трудом продолжали путь и, дойдя наконец до берега, буквально падали в воду и припадали к живительной влаге.

Утолив жажду и почувствовав себя намного лучше, Всеволод набрал флягу и двинулся обратно. Впрочем, подобная идея пришла в голову не только ему. Кому-то из начальства достало ума и распорядительности отправить на помощь отступающим казаков. Станичники прямо с седел черпали ведрами, котелками и всем, что им удалось сыскать, воду и развозили ее обессиленным солдатам. Несколько глотков и капель на грудь и голову возвращали их к жизни, после чего те могли продолжать путь самостоятельно.

Добравшись до носилок, Гаршин напоил Штерна, затем смочил губы Лиховцеву. На их счастье, через некоторое время появились санитары и взяли на себя заботы об их раненом приятеле.

Тем временем опомнившиеся турки заняли высоту и возобновили стрельбу. Кругом уже скакали ординарцы и адъютанты, трубили горнисты и выбивали дробь барабанщики. Принявший командование от полковника Буссе генерал Прохоров приказал собирать солдат, чтобы они не стали легкой добычей противника.

Кое-как приведя батальоны в порядок, русские двинулись к своим бивуакам у села Папикой. Тут случилось новое несчастье: командир третьего батальона майор Смирнский, только что собравший и приведший в относительный порядок свое подразделение, проходя мимо генерала Прохорова, скомандовал: «На плечо!» – и тут же выпал из седла, сраженный внезапным ударом. Его, разумеется, тут же подняли и положили на носилки, но на перевязочный пункт принесли уже мертвым. Эта нелепая смерть, уже после окончания тяжелого и кровопролитного сражения, произвела на многих удручающее впечатление.

С учетом того, что командир второго батальона майор Флоренский⁵⁷ еще днем вышел из строя после тяжелого ранения, в полку, если не считать самого Буссе, оставался только один штаб-офицер – подполковник Теслев. Все это привело к тому, что штабс-капитан Гаупт был назначен временно исправляющим обязанности командира второго батальона, а его роту принял поручик Венегер.

До Папикоя болховцы добрались уже глубокой ночью. Ставшие в последнее время неразлучными, Штерн и Гаршин чувствовали себя настолько разбитыми, что ни есть, ни пить, ни просто снять сапоги сил уже не было, и потому молодые люди, с трудом добравшись до своей палатки, провалились в тревожный сон. Увы, выспаться этой ночью им не пришлось. Нервы у многих участников недавнего сражения оказались настолько напряжены, что под утро кто-

⁵⁷ В нашей истории он был только контужен, а смерть от солнечного удара (или инсульта) постигла командира второго батальона Невского полка майора Князева.

то из них подскочил и выкрикнул спросонья: «Турки!» Тут же поднялся шум и стрельба. Из палаток выбегали заспанные люди. Немногие из них успели одеться, но зато все подхватили оружие и были готовы защищать лагерь до последнего вздоха. Некоторые беспорядочно палили в темноту, другие кричали: «ура», а третьи тщетно пытались разобраться, в чем дело. Одним из таких был старший унтер-офицер Галеев, выбежавший с обнаженным тесаком вперед и обследовавший местность. Никого не обнаружив, он вернулся назад и попытался успокоить товарищей, но на свою беду его едва не приняли за турка. Находящиеся в крайнем возбуждении солдаты бросились на него со штыками наперевес и наверняка закололи бы, если бы выскочивший из темноты Будищев не раскидал их в разные стороны.

– Вы что, охренели?! – кричал он им, отбивая удары и нанося их сам.

Вид его был страшен: голова не покрыта, лицо черное от пороховой копоти, на котором выделялись только бешено вращающиеся зрачки. Мундир в нескольких местах разодран, а один из рукавов держался просто на честном слове. Но при этом он щедро раздавал удары и так отчаянно матерился, что лишь по этому признаку в нем смогли опознать русского человека.

Наконец все выяснилось, и возбужденные после такой экстремальной побудки солдаты разошлись прочь, а чудом вернувшийся в расположение полка ефрейтор предстал перед командованием.

– Разрешите доложить, ваше высокоблагородие? – голосом смертельно уставшего человека обратился он к Буссе.

– Изволь, братец, – разрешил тот.

– Во время крайней контратаки был ранен вольноопределяющийся Лиховцев. Как старший по званию, я приказал Штерну и Гаршину доставить его на перевязочный пункт, а сам остался прикрывать их отход.

– Вот как? – удивился полковник и обернулся к стоящему тут же Гаупту.

Тот утвердительно кивнул, так, мол, все и было, после чего Дмитрий продолжил:

– Поскольку из-за превосходства турок вернуться назад не представлялось возможным, я укрылся в складках местности, где и дождался темноты. После чего вернулся на позиции и обнаружил, что их заняли турки.

– Как же ты выбрался? – недоверчиво покачал головой полковник.

– Феску османскую надел, ваше высокоблагородие, – пожал плечами Будищев, – а мундир в темноте не больно-то различишь. Винтовка же у меня и так турецкая, вот они и не разглядели.

– Дальше что было?

– Дальше стал к своим пробираться. Всю ночь шел.

– Как же тебя секреты не заметили?

– Да я после того, как на редуте туркам едва тепленьким не попал, таиться стал, а то мало ли. Тем более что казаки многие в черкесках и их с башибузуками и среди бела дня не различить. Почти дошел уже до лагеря, а тут пальба. Пули над головой так и свистят, но кричат по-нашему. Так обидно стало, что могут свои подстрелить, что я осерчал маленько...

– Так осерчал, что двоих солдат едва до смерти не прибил?

– Трех, господин полковник, – машинально поправил Гаупт.

– Тем более!

– А что делать? – криво усмехнулся Дмитрий. – Они старшего унтер-офицера Галева едва на штыки не подняли. Пришлось вмешаться.

– Ну ладно, – задумчиво щипнул за бакенбард Буссе, – ступай покуда.

– Есть, – вытянулся Будищев и, повернувшись через левое плечо, шагнул прочь из штабной палатки.

– Что скажете, господа?

– Если позволите, господин полковник, – выступил вперед подпоручик Линдфорс, – первым выскажусь я.

– Извольте.

– Ефрейтор Будищев, служа в охотниках, коими я имею честь командовать, проявил себя с самой лучшей стороны! Судите сами, отличный стрелок, смел до дерзости и вместе с тем расчетлив, как десять ростовщиков. Незаменим в поисках. Умеет неслышно подкрасться к любому неприятелю, чему я сам неоднократно был свидетелем. Так что в том, что он миновал казачьи патрули незамеченным, нет ничего удивительного. Я бы даже сказал, было бы странно, если бы его вообще кто-то заметил. С его способностями он легко мог пробраться в лагерь и обнаружить свое присутствие только на следующий день за завтраком.

– Кто еще?

– Присоединяясь к мнению господина подпоручика, – отозвался Михай. – Добавлю лишь, что он разбирается практически в любом виде огнестрельного оружия. Одна его стрельба из трофейной митральезы чего стоит. И весьма результативная, доложу я вам, стрельба!

– А вы что скажете? – повернулся к Гаупту полковник.

– Полностью согласен с господами офицерами. Будищев – хороший солдат и при этом недурной человек. Помните историю с заблудившейся в лесу девочкой, когда мы стояли в Бердичеве?

– Что-то припоминаю...

– Так это он ее тогда нашел.

– Хм, наш пострел везде поспел! Но все же я хотел обратить ваше внимание, господа, на одно крайне любопытное обстоятельство. Не знаю, заметили ли вы, но этот нижний чин, докладывая о произошедших с ним приключениях, перед которыми, прямо скажем, меркнут сочинения господина Дюма, ухитрился их сформулировать так четко и ясно, что, по совести говоря, не каждый из присутствующих здесь офицеров эдак сумеет. Не слишком ли это для солдата-новобранца, к тому же из крестьян?

– Так в этом нет ничего удивительного! – воскликнул Линдфорс.

– Да что вы говорите? – не без сарказма в голосе удивился полковник.

– Конечно! Он ведь бастард!⁵⁸

– В каком смысле?

– Ну, он же незаконнорожденный сын графа Блудова!

– Вот так пердюмонокль!⁵⁹ В таком случае это многое объясняет... Хотя постойте, как это графа Блудова? Это что, он и есть Блудов, откомандирования которого у меня требуют моряки?

– А моряки-то тут при чем? – удивился Гаупт.

– Да был один случай, – замялся Линдфорс.

– Так-с, любезнейший Иван Иванович, – нахмурился Буссе. – Ну-ка извольте все сию же минуту рассказать!

На третий день после сражения на Аярслярских высотах в русский лагерь у Папикоя прибыл командующий Рушукским отрядом цесаревич Александр Александрович. Встречать наследника российского престола полагалось с помпой и при полном параде, однако побывавшие в боях полки вид имели хотя и лихой, но не слишком презентабельный. Мундиры на солдатах и офицерах носили следы многочисленных схваток, кепи измялись, да и сапоги у многих требовали ремонта. При таком состоянии амуниции недолго было опростоволоситься в глазах будущего царя, но по счастью, одному из штабных офицеров пришла в голову спасительная мысль. Припомнив, что великий князь Александр необычайно прост в обращении и не любит пышных церемоний, он подал генералу Прохорову мысль представить подчиненные ему войска

⁵⁸ *Bastard* (фр.) – байстрюк, ублюдок. Незаконнорожденный отпрыск аристократа.

⁵⁹ *Пердюмонокль* – неожиданное происшествие, конфуз. От фр. – *perdre monocle* – потерял монокль.

одетыми в гимнастические рубахи, а на кепи надеть белые чехлы с назатыльниками, подобно тому, как это делается в Туркестане. Таким образом, достигалось как требуемое единообразие, так и простота, столь любимая наследником.

Ожидания эти целиком и полностью оправдались. Цесаревич с удовлетворением отметил бравый вид военных, поблагодарил их за службу и, с хитринкой улыбнувшись, сказал Прохорову:

– Я хотел было на другой день после Аяслярского дела к вам заглянуть, да услышал, что из главного штаба идут списки награжденных за бой у Езерджи, так решил повременить. Дай, думаю, порадую солдат. И списки, и кресты я привез, так что стройте новоиспеченных кавалеров. Награждать буду!

– Нижние чины будут счастливы получить монаршую награду из рук вашего императорского высочества, – с поклоном отвечал ему генерал и тут же отдал необходимые распоряжения.

Адъютанты и ординарцы командиров полков немедленно побежали со списками к своим частям, и через четверть часа цесаревич уже шел вдоль строя и вручал награды отличившимся. Шедший рядом с ним офицер штаба зачитывал приказ с кратким описанием подвига, затем Александр вкладывал герою в руку награду и, пробасив: «Благодарю за службу!» – шел дальше.

Получив крест, награждаемые вытягивались и почти кричали своему будущему царю вслед:

– Покорнейше благодарю, ваше императорское высочество!

Дошла очередь и до вызванного вместе со всеми Будищева.

Пока шло награждение, Дмитрий с удивлением разглядывал богатырское сложение великого князя. Ростом цесаревич превосходил даже его, а уж ширию – и подавно. Причем это вовсе не была излишняя полнота, а именно мощь настоящего русского богатыря. Отлично пошитый мундир сидел на теле как влитой, но даже под ним было видно, как перекачиваются мускулы его обладателя. Наконец процессия поравнялась с ним, и глаза Дмитрия встретились с взглядом Александра Александровича.

– Перед делом у Езерджи, – начал скороговоркой штабной, – рядовой Будищев в числе прочих охотников захватил «языка» и доставил его в штаб начальника бригады. В самом же бою метким выстрелом ранил турецкого генерала Азиза-пашу, чем спас от верной гибели полковника Тихменева.

– Ишь каков, уже и ефрейтором с той поры стал, – удивленно приподнял бровь цесаревич. – Да ты, братец, герой! Как же ты все успел?

– Дурак потому что! – четко отрапортовал в ответ Дмитрий, так и не научившийся в некоторых случаях держать язык за зубами.

Вокруг мгновенно наступила такая тишина, что казалось, будто слышно жужжание мух, кружившихся над вспотевшими под жарким солнцем военными.

– Это как же понимать? – почти взревел от неожиданности великий князь.

– Ваше императорское высочество, – невозмутимо отвечал ему Будищев, – кабы я это все хоть с недельным промежутком сделал, было бы два креста! А так только один.

Наследник российского престола сначала некоторое время озадаченно молчал, потом, видимо, сообразив, что ему только что сказали, улынулся и тут же так заразительно рассмеялся, что к нему немедленно присоединилась вся свита.

– Видал наглецов, но таких... – покачал головой великий князь и спросил, обернувшись к местному командованию: – А под Аясляром этот молодец отличился?

– Так точно, ваше императорское высочество, – почтительно доложил Буссе, – захватил в бою вражескую митральезу и открыл из нее огонь по наступающим туркам, чем способствовал отражению атаки!

– Не забудьте представить к кресту, – хмыкнул Александр Александрович и, насмешливо усмехнувшись, добавил: – А то выйдет в фельдмаршалы да припомнит нам, как его с наградами обходили!

Все присутствующие опять рассмеялись, оценив шутку своего командующего. Тот же, хлопнув Будищева по плечу, пошел к следующему награжденному, увлекая за собой всю свиту. И только когда они все удалились достаточно далеко, немного задержавшийся командир Болховского полка сказал вполголоса адъютанту:

– Поручик, напомните мне, чтобы я этого сукина сына застрелил, если с этим, конечно, раньше турки не справятся. Ведь чуть удар не хватил, а ему, подлецу, хоть бы хны!

– Слушаюсь, – сделал многозначительное лицо старший Линдфорс и щелкнул каблуками.

Больше на церемонии награждения ничего экстраординарного не случилось, и после ее окончания цесаревич благополучно отбыл. Отцы-командиры облегченно выдохнули, выразительно посмотрели на одного из награжденных, но поскольку все закончилось как нельзя более хорошо, то этими взглядами дело и ограничилось.

Что касается самого виновника переполоха, то он как ни в чем не бывало принимал поздравления, подшучивал над товарищами и вообще вел себя как именинник.

– Мой друг, вы бесподобны! – смеясь, заявил ему Штерн. – Если бы мне кто-нибудь рассказал это, я ни за что бы не поверил.

– Да ладно тебе, Коля, – добродушно отмахнулся от него Будищев, – что тут такого?

– Похоже, вы действительно не представляете себе, что натворили, – покачал головой Гаршин. – Ведь это же наследник престола!

– Ну не царь же?

– Бедовый ты парень, – покачал головой подошедший к ним унтер Галеев, – всего ничего служишь, а уже ефрейтор и георгиевский кавалер! Того и гляди в унтера вый дешь. Проставляться-то будешь?

– Обижаешь, Северьян Карпович. Награду не обмыть все равно, что удачу сглазить. Не побрезгуете со мной выпить?

– Скажешь тоже, Митрий, ты же мне той ночью, можно сказать, жизнь спас. А у меня толком и поблагодарить времени не было.

– Ничего, господин старший унтер-офицер, даст бог, рассчитаемся... на том свете угольками!

– Э нет, – засмеялся унтер, – не бывало еще такого, чтобы Северьян Галеев в должниках ходил! Пойдем к маркитантам, и мое спасение и твой крест обмоем.

– Не вижу повода не выпить, – засмеялся Будищев и обернулся к вольнооперам. – Коля, Сева, вы с нами?

– А давай, – тряхнул головой Штерн. – С хорошими людьми да отчего же не выпить!

Гаршин сначала хотел было отказаться, но отдаляться от приятелей после всего совместно с ними пережитого показалось ему не по-товарищески, и потому он махнул рукой и пошел вместе со всеми. Галеев со своей стороны позвал еще двух унтеров из своей роты, а Будищев, помимо вольноопределяющихся, позвал с собой Анохина.

Лавка маркитанта представляла собой большую палатку, стоящую чуть на отшибе от остального лагеря. Продавалось в ней все, что только могло понадобиться солдатам и офицерам в походе. Но если же, паче чаяния, какого-нибудь товара не нашлось, маркитант Константин Теодоризис, неопределенного возраста грек с густыми усами, брался доставить в самое короткое время по «справедливой цене». Будищев с Галеевым решительно направились внутрь, а остальные остались ждать снаружи.

– Проходите, господа, прошу, – радушно приветствовал грек посетителей, – старый Константин рад вас видеть! Чего изволите?

– Выпить и закусить! – решительно заявил унтер.

– Как прикажет уважаемый господин. У меня есть русское хлебное вино, есть местная ракия, есть недурные вина, только что привезенные из Валахии.

– Чего ты нам вино предлагаешь, – сморщился Северьян. – Я хочу друга угостить, к тому же его сегодня сам цесаревич крестом наградил. Понимать надо!

– Как вам будет угодно. Водки?

– Ага, ее родимую.

– Не подумайте ничего дурного, господа военные, но русское хлебное вино дорого стоит. Уж больно далеко его приходится везти. Возьмите лучше ракии, она вполтину дешевле, а право же, ничуть не хуже!

– А ты чего наши деньги считаешь? Хотя дай сначала попробовать, небось дрянь какая?

– Ну что вы, господин унтер, разве старый Константин выжил из ума, чтобы обманывать русских солдат? – покачал головой маркитант и крикнул сыну, помогавшему ему в лавке: – Эй, Димитрос, принеси ракии господам военным!

Чернявый парнишка, лет двенадцати от роду, тут же принес штоф из мутного стекла и разлил ее по деревянным чашкам. Сам же маркитант достал откуда-то круг брынзы и, отделив от него ножом небольшой кусок, нарезал его ломтями.

– Закусывайте, господа!

– Ну, вздрогнем? – подмигнул унтер Будищеву, взявшись за чашку.

– Твое здоровье, Северьян!

Ракия была вонючей и теплой, но ничего не скажешь – крепкой. Галеев, вылив содержимое чашки себе в глотку, крикнул, вытер усы и, подцепив двумя пальцами кусочек сыра, отправил его себе в рот.

– Годится! – заключил он. – Давай, значит, полведра⁶⁰ этой самой ракии, да хлеба фунта четыре, да колбасы не забудь пару колец. И вот этого сыра, пожалуйста.

– Простите, господа, но хлеба нет. Только сухари.

– Хрен с тобой, – поморщился унтер, – хотя досадно, кругом поля несжатые, урожай, сразу видать, добрый, а мы кой день свежего хлеба не видели!

– Пожалуйста, господа, с вас шесть с полтиной рублей.

– Ишь ты, – озадачился Северьян и полез в карман, пересчитывать деньги.

– Погоди мощной трясти, – остановил его Дмитрий и, вытащив непонятно откуда кисет, высыпал из него на ладонь горсть серебра. – Инвалюту принимаешь?

Грек внимательно посмотрел на монеты и пренебрежительно скривил губы.

– Турецкие пиастры?

– Нет, блин, монгольские тугрики!

– Господа, а нет ли у вас франков?

– А эти что тебе, не серебряные?

– О, вы себе не представляете, из какого дерьма султан Абдул-Гамид чеканит свои деньги! Хорошо если там хотя бы половина доброго серебра.

– Сколько добавить?

– Понимаете...

– Понимаю, – покивал Дмитрий головой и вытащил из кармана серебряную папиросочницу. – Сдача будет?

– Это хорошая вещь, – уважительно поцокал языком маркитант, – в другое время я дал бы вам за нее лучшую цену, однако сейчас все так дорожает...

– Где-то у меня еще динамитная шашка завалилась, – задумчиво заметил Будищев, и это последнее предложение решило исход дела.

⁶⁰ Ведро – мера объема, около 12 литров.

– Ну что вы, господа военные, – залезил Теодоризис, – принимать вас – большая честь для бедного грека, так что этого хватит. Хоть и себе в убыток, да только ведь вы воюете за свободу для балканских христиан, так могу ли я вам в чем отказать!

Нагруженные свертками, они вышли вон, где их шумно приветствовали заждавшиеся товарищи.

– Пойдемте-ка за тот бугор, – деловито сказал Галеев, – и недалеко, и от чужих глаз подальше!

Расположившись за невысоким холмиком, друзья немедля воздали должное угощению. Выпили за новоиспеченного георгиевского кавалера, за здоровье спасенного им от верной гибели унтера, не забыли, конечно, и про государя-императора с наследником-цесаревичем, тем более что последний совсем недавно удостоил их своим посещением.

– Эх, бедовый ты парень, Митька, – захмелевшим голосом повторил Северьян, обняв Будищева. – Я бы вот ни в жисть не решился бы эдак с великим князем разговаривать, а тебе хоть бы хны!

– Да чего ты, – помотал головой Дмитрий, – он нормальный мужик и все правильно воспринял!

– Ты чего, паря, – изумился унтер, – кого мужиком обозвал?

– А что, не мужик, что ли?

– Мужики это мы с тобой – крестьяне! – назидательно заявил Галеев. – Вольноперы наши и те барчуки. А он – цельный наследник престола, понимать надо! Не дай бог, какая паскуда услышала, как ты его назвал, греха бы не обобрались!

– Ладно тебе, завелся, давай лучше выпьем!

– Давай, – взялся за чарку Северьян, а затем снова наклонился к Дмитрию. – А у тебя правда динамит есть?

– Да откуда, – засмеялся тот, – так припугнул, а то борзеть начал, ханыга!

– Это правильно!

С другой стороны от Будищева сидел Штерн и тоже донимал разговорами.

– Друг мой, – с пьяной улыбкой говорил он, – нет никакого сомнения, что вы действительно ниспосланы нам грядущим или может быть провидением, не знаю! Но то, что без вас нам пришлось бы намного хуже в последнем бою, это совершенно очевидно!

– В крайнем, – машинально поправил его Дмитрий.

– Что, простите?

– Не говори «в последнем» – примета фиговая!

– Вздор! Предрассудки! – замотал головой Николаша. – Человек сам кузнец своей судьбы, и то, что предначертано свыше, ему не дано изменить!

– Кажется, вы несете ерунду, – заметил Гаршин, выпивший меньше других и потому сохранивший способность соображать.

– Когда кажется, надо креститься, – хмыкнул Будищев, – а Колька совершенно точно гонит. Походу, ему уже хватит!

– Да и нам, пожалуй, – вздохнул Галеев и приподнял штоф. – Сейчас разольем на посошок да и пойдем к своим. Война еще не кончилась.

– Ничего подобного, – замотал головой Штерн, – я сейчас пойду к маркитанту и возьму еще. У меня есть кредит, так что он не откажет!

– Семен, – подозвал Анохина Дмитрий, – слушай боевую задачу! Хватай вольноопера и никуда не пускай, а, самое главное, не слушай, а то он тебя плохому научит! Усек?

– Слушаю, господин ефрейтор, – закивал головой здоровяк, – не извольте сомневаться, доставлю барчука до палатки в лучшем виде!

– Ну, вот и ладушки, а теперь давайте хряпнем и будем расходиться, а то поздно уже!

Покончив с выпивкой и закуской, приятели собрались и, подхватив винтовки, потопали к лагерю, где простившись, разошлись по своим ротам. Увы, Дмитрий совершенно напрасно понадеялся на Анохина. Пока они возвращались, беседа с Гаршиным, перебравший Штерн вырвался из рук провожатого и пошел-таки за добавкой.

Как это часто бывает с перебравшими людьми, ему казалось, что надо выпить еще чуть-чуть – и станет совсем хорошо. Теодоризис его действительно знал и охотно кредитовал вольноопределяющегося бутылкой водки. Сообразив, что приятели уже ушли, Николаша страшно огорчился, однако делать было нечего, и он, отхлебнув прямо из горлышка изрядный глоток, побрел к лагерю, на свою беду совершенно перепутав направление в темноте. Дальнейшее он помнил смутно. Долго брел, спотыкался, падал, затем снова вставал и, наконец, выбившись из сил, пристроился спать в каких-то кустах.

Когда Штерн проснулся, солнце стояло довольно-таки высоко. Переполненный мочевой пузырь настойчиво напоминал вольноопределяющемуся о его вчерашней неводержанности, и Николай первым делом бросился расстегивать шаровары.

Облегчившись, он обернулся и тут же похолодел. Совсем рядом с ним разворачивалась турецкая цепь, очевидно, готовящаяся напасть на их лагерь, а немного вдалеке гарцевали кавалеристы. Хуже всего было то, что нигде не было видно русских часовых и потому некому было предупредить своих о грозящей им опасности. Но, по счастью, в своих пьяных странствиях он не потерял винтовку, и потому оставался шанс поднять тревогу, хотя бы и пожертвовав собой.

Ни секунды не сомневаясь, Штерн зарядил свою «крынку» и тщательно прицелившись, спустил курок. Увы, руки его дрожали после вчерашнего, и пуля прошла мимо. Зато звук выстрела привлек внимание вражеских всадников, и они толпой поскакали к одинокому русскому пехотинцу. «Башибузуки», – похолодев, подумал Николай, когда увидел, что они одеты в черкески. Таким в плен лучше не попадать, и потому он принялся выпускать в них пулю за пулей, надеясь, что они убьют его в бою, а не замучают, если он сдастся.

Черкесы не стали лезть на рожон, а, положив своих коней на бок, принялись вести ответный огонь, прикрываясь их тушами. Перестрелка длилась еще некоторое время, но, как оказалось, это была лишь уловка со стороны противника. Пока одни отвлекали одинокого стрелка, другие обошли его с тыла и, накинувшись со спины, обезоружили и сбили с ног. Штерн отчаянно отбивался, скинул одного из нападавших, но остальные быстро скрутили его кожаными ремнями, лишив, таким образом, возможности сопротивляться. Наконец, управившись со строптивым пленником, один из них принялся к нему и со смехом воскликнул:

– Тю, ваше благородие, так вин же в димину пьяний, падлюка! К счастью, ни одна пуля, выпущенная Николаем, не достигла цели, ибо захватившие его черкесы оказались нашими казаками, а неприятельская пехота – аванпостной цепью Софийского полка.

Схваченного Штерна, разумеется, приняли за шпиона, но затем, после известных мытарств и долгой переписки, убедились в правдивости его показаний и водворили в часть. Благодаря ходатайству ближайшего начальства, засвидетельствовавшего полную благонадежность и исключительную храбрость вольноопределяющегося Штерна, его проступок остался без всяких последствий. Более того, его не стали вычеркивать из списка награжденных за Аярс-лярское дело, и вскоре он также стал георгиевским кавалером и даже со временем произведен в унтера⁶¹.

Но еще долгое время, когда у младшего унтер-офицера Будищева солдаты спрашивали о дальнейших распоряжениях, он делал страшные глаза и строгим голосом изрекал:

– Главное – Штерну не наливайте!

⁶¹ Реальное происшествие с вольноопределяющимся Болховского полка.

Конец августа прошел для второго батальона болховцев как в аду. Девять дней им пришлось держать двухверстную позицию у деревни Карагач, не имея возможности смениться. Людей не хватало ни на что, так что даже есть солдатам приходилось по очереди, постоянно будучи готовыми отразить вражеское нападение. Отдаленность этого маленького отряда от других частей, близость турок, постоянные перестрелки с черкесами – все это быстро привело к крайнему утомлению солдат и офицеров.

Охотничья команда, точнее то, что от нее осталось, была придана второму батальону и практически постоянно находилась в аванпостной цепи. Но как ни трудно было уставшим до последней крайности людям, они стойко несли службу, ни на секунду не теряя бдительности. Башибузуки уже несколько раз тревожили их, но пока дело не шло дальше, чем короткие перестрелки с дальней дистанции, после чего вражеские кавалеристы стремительно удалялись, нахлестывая своих коней. Однако и это заставляло солдат и офицеров держаться в напряжении, растрчивая таким образом и без того невеликие силы.

Впрочем, однажды Будищеву надоели эти визиты, и он взялся приготовить черкесам сюрприз. Когда турецкие иррегулярные кавалеристы в очередной раз вздумали обстрелять русскую цепь, у них в тылу оказался прячущийся в густых кустах Дмитрий. Пока джигиты, гарцуя на своих конях, беспорядочно палили в сторону противника, выкрикивая при этом бранные слова, он успел несколько раз выстрелить, выбивая всякий раз одного из них из седла. Башибузуки не сразу сообразили, откуда ведется огонь, но после того, как уже трое из них оказались на земле, спохватились и начали озирать окрестности. Предательский дым тут же показал им месторасположение вражеского стрелка, и они решили немедленно отомстить за павших товарищей. Нахлестывая лошадей, они бросились к нему, рассчитывая захватить нахального гяура, но стоило им приблизиться, как на них обрушился град пуль, выпущенных его товарищами, прячущимися до поры в тех же кустах.

Победа была полная, лишь двум из врагов удалось ускакать, а остальные пали, попав в засаду. Русским достались почти два десятка разнообразных ружей и целая груда кремневых пистолетов, а также сабель, кинжалов и прочего холодного оружия. Кроме того, трофеями стали четыре лошади. Остальные успели разбежаться, а ни времени, ни возможности ловить их не было.

– А все же мы изрядно рисковали, оголив цепь, – озабоченно заявил Линдфорс, когда они возвращались назад, нагруженные добычей.

– Риск – благородное дело, – пожал плечами Будищев. – Теперь по крайней мере пару дней они будут нас сторониться. Все спокойней.

– Или, наоборот, объявят кровную месть, – сделал страшные глаза подпоручик.

– Фигня, – отмахнулся Дмитрий, – эти страшные сказки про гордых и благородных горцев хороши для книжек. А на деле бандюки как бандюки, чуть жареным запахнет – сразу в кусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.